

✧ Марта Сокол ✧

КОЛДУН ДЛЯ КНЯГИНИ

Марта Сокол

Колдун для княгини

<https://litres.ru/74621254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все требуют казнить колдуна — а я делаю его своим защитником. Когда-то он вырвал меня из лап Змея, но вместо награды получил позор и изгнание. Теперь мой отец исчез, княжество разоряют волколаки, а соседи прочат мне брак, чтобы прибрать к рукам мои земли. Только этот опасный, несносный человек может мне помочь — вот только подчиняться княгине он явно не намерен. И чем ближе я подпускаю его к себе, тем страшнее узнать, что скрывает мой спаситель.

Содержание

Глава 1 Колдун	4
Глава 2. Уговор	18
Глава 3. Тот, кто не подчиняется	42
Глава 4. Предательство	54
Глава 5. Чародейка	68
Глава 6. Бережец	92
Глава 7. Наследница	107
Глава 8. Черное колдовство	133
Глава 9. Соперник	151
Глава 10. Схватка	184
Глава 11. Желание	202
Конец ознакомительного фрагмента.	215

Колдун для княгини

Глава 1 Колдун

Глава 1. Колдун

Я мерно покачиваюсь в седле. Перед глазами только его руки: удивительно светлая кожа, сквозь которую просвечивает голубая сеточка вен, и жесткие, огрубевшие от мозолей ладони. Оружие он держал не раз.

Чувствую, как начинаю заваливаться набок — сил в теле не осталось вовсе, — но он ловко перехватывает меня и возвращает на место. В этот момент грубая ткань его рубахи чуть задирается, и я вижу на запястьях уродливые шрамы. Такие я видела лишь у колодников, которых отец велел гнать от нашего порога.

Я резко оборачиваюсь, и мы встречаемся взглядами. У него пугающе красивое лицо с тонкими, правильными чертами, черные как смоль волосы и пронзительные, холодные серые глаза.

Колодник? Меня только что вырвал из лап Змея колодник?

Все это кажется до абсурда неправильным, только я не понимаю, для кого из нас. Меня, княжну Светлояра, не смог-

ли отбить лучшие батюшкины воины, а этот... справился в одиночку.

В памяти всплывают смазанные картины: Змей насылает на меня тягучий морок, но сквозь пелену скользит черный силуэт. Быстрый, бесшумный, невероятно изящный для лихого человека. «Кто же он?» — бьется в голове тревожная мысль.

И тут же по спине пробегает холодок. Не иначе как чародей.

— Спи, — его серые глаза вдруг вспыхивают.

Он легко касается моего виска, и голова тут же бессильно падает на грудь. Колдун. Проклятый колдун, который выглядит как истинный князь.

Я позорно часто вижу его во снах. Его стальные глаза, бледные руки, длинные, черные как смоль волосы, а еще — этот неотвязный запах грозы и крови.

— Спи, — звучит в ушах, и я расправляю плечи, глядя перед собой, между ушей лошади.

Каждый раз, когда мне снится тот, кого отец велел выслать с позором — человек, чье имя в княжеском тереме запретили произносить вслух, — он будто бы приходит на помощь. Я едва помню его лицо наяву, но чувствую: если бы не это странное наваждение, я бы давно поддалась другим снам — тем, где клубится холодная чешуя и чудится липкий ужас змеиного логова.

— Недолго ехать осталось, княжна, держись крепче в седле! — сквозь мерзкий, морозящий весенний дождь кричит мне Ратмир, батюшкин тысяцкий.

Я верчу головой. Глаза нещадно щиплет, ладони ноют от стянутых поводьев. Мы с верными гриднями в пути уже два дня, скачем почти без отдыха.

Наконец Демьян, старший из разъезда, приподнимается на стремянах.

— Вижу! — кричит он, и, кажется, мы все разом выдыхаем.

Вот и закончен долгий путь.

Усталость тут же отступает. Я должна найти отца, который пропал в середине зимы: ушел в эти глухие леса разведывать, что за лихо разыгралось на границе, да так и не вернулся. Все, кто были с ним, сгинули бесследно. Я снаряжала отряд за отрядом, надеясь отыскать хоть след.

Теперь и я замечаю сторожевые огни вдалеке. Под плащом становится теплее при мысли о горячей каше и очаге. Мы переглядываемся с Ратмиром. Старый дядька, учивший меня держать меч, скупо улыбается — он делает это так редко, что на сердце сразу становится легче. Появляется та самая опора, с которой я больше не чувствую себя одинокой девчонкой, вынужденной держать в узде упрямых бояр и беспокойных соседей. Только батюшка с ними справлялся и я надеюсь, что он жив потому что владеет непревзойденной чародейской силой, которую не раз и народу и врагам показывал.

Я вскидываю голову и смотрю на заставу. С капюшона срываются ледяные капли, бьют по лицу.

Какой бы жесткой я ни пыталась казаться перед своими людьми, эти голодные волки за стенами чуют любую слабость. Поэтому я согласна с Ратмиром: местная стража порешит изловленного колдуна при первой же напасти. Как уже не одну невинную душу сгубила их паника.

Я пришпориваю коня. Ближние грядни замечают жест и тоже подгоняют уставших животных.

Тем временем передовой дозор уже ругается со стражниками, в ужасе таращащимися на них со стен.

— Что там? — оборачиваюсь я к Ратмиру.

Тот лишь криво усмехается.

— Да кто ж нас пустит, когда вокруг лихо бушует? Каждаго за мертвеца считать будут, прикинувшегося живым.

Тогда я пускаю коня в галоп и последним усилием подсакиваю к запертым воротам. Грядни привычным кольцом окружают меня, но я уже чувствую, как ярость закипает в крови, выжигая остатки той благопристойности, которой меня учили в княжеском тереме.

В конце концов, мы, светлоярцы, привыкли стоять на самом краю — между дикой степью и русской землей. Трусов я, как и батюшка, на дух не выношу.

Откидываю капюшон, подставляя лицо ледяному дождю, и запрокидываю голову к слепому свету факелов на стене.

— Живо открывайте! Я княжна Настасья, а не гостья

незванная! Прикажу гридням ворота высадить, а тех, кто меня не пускал, сведу в лес и оставлю с волками жить!

Угроза действует: наверху начинается переполох, скрипят тяжелые засовы.

Я влетаю во двор первой. Внутри — толпа мужиков с рогатинами. Неверные отсветы сторожевых костров пляшут на их лицах, и я не вижу в их глазах ни почтения, ни страха перед княжеской дружиной. Лихо, сгустившееся в лесах, пугает их куда сильнее моего титула.

Я на секунду прикрываю веки. *Соберись, Настасья. Ты должна быть достойной своего отца.*

Плевать, что никто в меня не верит, считает отмеченной лихом, потому что побывала в лапах Змея.

Пришпориваю коня и бросаюсь прямо к коренастому бородатому мужику в расшитом овчиной тулупе, которого выдает и осанка, и тяжелый серебряный знак старшины на кожаной перевязи.

— Где колдун?! — требую я, окинув мельком заставу: никакого скрученного пленника на дворе не видно.

Убили, — мелькает в голове. — *Не дождались.*

И тут же сами собой всплывают слова, которые передал гонец. «*Земля платы требует*» — именно так сказал мой отец, когда меня вернули из лап Змея. То же самое он повторил перед тем, как сгинуть в зимних снегах. Ни в каком другом случае я не бросила бы Красный Яр и не сорвалась

бы на заставу по весенней распутице, зная, что того и гляди ударит в спину великий князь Берендей.

— Где он?! — повторяю я уже жестче.

Мужики переглядываются, и вид у них такой, будто они все разом замазаны в чем-то грязном.

— Так сбежал, окаянный! — наконец выдавливают старшина.

И в тот же миг один из моих гридней легко соскакивает с седла, в мгновение ока скручивает мужика и приставляет к его горлу клинок.

Я судорожно вдыхаю.

До сих пор ненавижу этот въедливый запах сырости и железа. Он слишком живо напоминает мне змеиное логово, из которого меня чудом вытащили. Тогда, задыхаясь от ужаса, я дала себе слово стать сильнее, чтобы больше никому и никогда не позволить решать за меня.

Я наклоняюсь из седла, заглядывая старшине прямо в глаза, и шиплю:

— Куда вы его уволокли? Если вы отдали его волколакам до того, как он открыл рот — я эту заставу по брёвнышку разнесу, а вас самих на те же колья посажу! Говори!

Глаза старшины распахиваются от ужаса. Явно не такие речи он ждал от молоденькой княжны, но пограничье не прощает мягкости.

Я выпрямляюсь, и мужик ломается, начиная бормотать:

— На межу... к старому осиннику! Мужики повели... Ду-

мали, волки из-за него лютуют...

Я на секунду прикрываю веки, сдерживая злость, и кивком даю знак гридням отпустить дурака. Резко натягиваю поводья, разворачивая коня к выходу, и бросаю отряд:

— За мной!

Отец за такое велел бы высечь всю заставу кнутами. Я никогда не стремилась к жестокости. Может, в том моя ошибка? В детстве мне казалось, что я буду сидеть в светлом тереме и вышивать узоры, пока в десять лет этот мир не показал мне свою звериную пасть. Спустя два года я впервые подняла с земли отцовский меч, а Ратмир показал мне первые приемы.

Один из гридней подхватывает старшину, перекидывает поперёк седла и рычит:

— Путь укажешь!

Мужики шарахаются от противоположных ворот, когда через них пролетает наш отряд. За спиной слышатся испуганные молитвы.

Я проверяю меч в ножнах. Только бы не пришлось его обнажать!

А следом приходит новая мысль: *только бы он был жив!* И всё равно, что колдун! Он знает хоть что-нибудь про моего отца.

Весь Светлояр уверен, что только князь Микула сумеет изгнать лихо из нашей земли. Сама я хоть и чувствую в крови

отзвук колдовской силы, но с отцовским даром она и рядом не стояла — потому мне и не верят, потому и не слушаются до конца.

Я сильнее быю пятками коня. И пусть людям кажется, что я бросилась в этот безумный поход лишь за тем, чтобы укрепить власть, на самом деле я отчаянно мечтаю снова увидеть родное лицо, положить голову отцу на кони и почувствовать, как его тяжелая рука гладит меня по волосам, успокаивая. Так же, как в те дни, когда я только вернулась из Змеева плена, а он бережно отпаивал меня травяными отварами.

Конь срывается в галоп, меня резко подбрасывает в седле. Ледяные капли нещадно хлещут в лицо, капюшон срывает с головы. Порывом ветра уносит ленту, и пшеничные пряди мгновенно прилипают к мокрым плечам.

Но я не обращаю внимания. *Успеть. Только бы успеть!*

Мои гридни вырываются вперед — негоже княжне скакать в самом авангарде, подвергая себя лишней опасности. Но я чувствую, как чужая, темная сила бурлит за стволами деревьев, отзываясь на нашу тревогу. Там, в темном мареве леса, отчетливо мелькают хищные искры — готова поклясться, что это глаза волколаков, хотя сама никогда их не видела.

Лихо, насланное неизвестным чародеем, с каждым днем становится всё гуще, подбираясь к деревням и городам.

Позади надывается старшина — он молит богов о спасении, и я понимаю, что мы близко.

Наконец из сумерек выныривает отесанный деревянный

столб, вбитый на самой меже, у кромки черного леса.

— Оставьте его там! — вопит старшина. — Не тронут звери колдуна! Он так их скорее уgomонит!

— Заткните его! — бросаю спутникам, не оборачиваясь. Я снова бью коня. Этот человек знает про отца. Кем бы он ни был, а понадобится — я встану между ним и этой лесной гнилью. Хоть так, может, в Светлояре поверят, что княжна — достойная дочь Микулы. Ведь сыновей боги князю не послали, а я... после того страшного лета долго хворала до самой весны, а потом почти два года не произнесла ни единого слова, запершись в своей горнице.

Конь делает последнее отчаянное усилие, преодолевая остаток пути до осинового залама.

Староста с завязанным ртом заходится глухим криком. — Заткнись! — рычу я. — А то самого здесь оставлю!

На самом деле внутри меня все сжимается от страха. Но я знаю: лучший способ скрыть собственный ужас перед темной ворожбой — выглядеть так свирепо, чтобы никому и в голову не пришло перечить моим приказам. Если бы они только знали, как я панически боюсь любого черного колдовства после встречи со Змеем! Мамки да няньки годами обкладывали меня оберегами, лишь бы отогнать дурной глаз. Но теперь защищать меня некому, кроме меня самой.

Я объезжаю столб, затаив дыхание, боясь увидеть в грязи окровавленные останки или растерзанное тело. Гридни замыкают кольцо, плотной стеной отсекая нас от гибельного

леса.

И тут я замираю.

Вдруг наваждение последних лет рассеивается. Я узнаю его лицо — того самого человека, который вытащил меня из логова чудовища.

Он поднимает голову, изможденно глядя на меня тяжелым взглядом, и я с леденящим душу осознанием понимаю: его черты ничуть не изменились за те годы, что прошли с нашей первой встречи.

Он ни капли не постарел. И это значит, что передо мной вовсе не простой человек.

Я останавливаюсь перед ним, и пленник замирает. В его стальных глазах плещется узнавание. А я... я даже не знаю, что чувствую. Так странно смотреть на человека, который преследовал меня во снах, которого я пыталась вытравить из памяти так же, как и проклятого Змея, и к которому меня всё равно необъяснимо тянуло.

— Княжна, — срывается с его разбитых губ.

И тут меня окончательно пробирает — словно ударом грома, молнией. Он узнал меня, хотя я изменилась. Сделала всё, чтобы не быть больше той испуганной, глуповатой девчонкой. Кажется, он видит меня насквозь — слабой, замерзшей, беспомощной.

А потом колдун прикрывает веки, опуская взгляд ниже. И я замечаю, как он цепляется глазами за массивную золотую застежку моего плаща и тяжелую гривну на шее, безошибоч-

но выдающие моё происхождение. Сердце тут же пропускает удар: никакого колдовства — просто наблюдательность.

— Берегись, княжна! — звучит уже жестче, и в тот же миг Ставра, гигантского дружинника позади меня, сшибает с ног нечто тяжелое.

Мой конь шарахается в сторону, вздымаясь на дыбы, а гридни с криками пытаются заслонить меня щитами. Ратмир бросается в самую гущу схватки, оттесняя к кромке леса огромного зверя, сотканного будто из самой ночной тени.

В бледных лучах едва вынырнувшей из-за туч луны блещет сталь и горят хищным, зеленым огнем глаза чудовищ.

Доносящийся из чащи протяжный вой пробирает до костей. Конь храпит, осаживается назад и пытается сбросить меня. Я закусываю губу до крови, вцепляясь в поводья. Я не имею права выглядеть слабой — иначе Светлояр рухнет окончательно.

— Прикажи твоим людям освободить меня! — неожиданно громко выкрикивает колдун из-за моей спины.

Я бросаю на него мимолетный, яростный взгляд. Весь избит, правый глаз заплыл кровью. *Да как он вообще собрался сражаться в таком виде?!*

— Еще чего!

Я прекрасно помню суровые законы: чародеев цепями держат не ради прихоти. Пока он скован железом, он безопасен. Сердце предательски екает, стоит вспомнить тот давний день, когда этот же человек вынес меня из логова Змея: ка-

кими надежными были его руки, как тепло ощущалось его дыхание на моем лице...

— Не сдюжите вы без меня! — упрямо выплевывает он в лицо надвигающейся стае.

И откуда в нем столько наглости? Перед глазами на миг промелькает воспоминание о его прежней силе.

Я передергиваю плечами, отгоняя морок. Я бы отдала всё, чтобы навсегда выжечь из головы воспоминания о том дне! Убедить себя, что я самая обычная девчонка, что Змей не оставил во мне своего клейма, не нашептывал тогда в бреду: *«Придет день, и ты всё равно отдашься мне...»* Конь подо мной вдруг дико взбрыкивает, выбивая меня из стремян. Ноги и руки на секунду подкашиваются, предательски ослабевают от липкого страха.

— Как неуклюже, — ехидно комментирует пленник.

Я вскакиваю на ноги мгновенно, не чувствуя ни ушибов, ни боли в спине.

Да как он посмел?! В ярости я резко оборачиваюсь к нему. Черные, спутавшиеся волосы треплет ледяной ветер, влажные пряди липнут к щекам и ко лбу. Сейчас, бледный и перемазанный землей, он до странности напоминает утопленника или лесного упыря — пусть и с по-прежнему красивым, резким лицом.

Но в следующий миг меня сносит с ног мощным толчком в спину — это Ратмир закрывает меня от бросившегося из темноты волколака.

— Назад, княжна! — отбиваясь мечом, орет старый воевода. — Не смей ввязываться, иначе...

Я прекрасно знаю, чем это грозит. Стоит волку полоснуть меня когтями, и — я начну терять рассудок, дичать, выть на луну, как уже сходили с ума десятки людей в Светлояре. Сначала волхвы пытались исцелить их, потом начали сжигать, чтобы не плодить стаи, а теперь лихо и вовсе забирает приграничные земли целиком.

— Правильно, — раздается из-за спины его насмешливый голос. — Девушка беречься должна. Лучшеними с меня цепи, если сумеешь.

Я резко разворачиваюсь к этому нахалу.

— Только так я смогу усмирить их, — добавляет он уже тише, отрешенно глядя куда-то вглубь черной чащи, будто выискивая там невидимого врага.

Сердце пропускает страшный удар. *Он что... правда признается? Он сам наслал на нас эту напасть?* Я замираю в шаге от него, вглядываясь в избитое лицо, пытаюсь разгадать чужую ложь. Врёт он, чтобы выторговать свободу, или действительно знает то, чего не знаем мы? И то, и другое не делает ему чести.

В этот момент звон стали за нашей спиной начинает стихать. Грядни перекрикиваются, докладывая, что твари отступили обратно в бурелом.

Колдун не сводит с меня тяжелого, пронзительного взгляда.

— Я рад, что ты снова говоришь, Настасья, — тихо произносит он. — Но геройствовать тебе пока рановато.

От этого спокойного тона внутри всё срывается с цепи. С размаху я бью его по щеке — звонко, от всей души, сама не понимая, как рука сорвалась с места.

— Вспомни, с кем разговариваешь! — вырывается у меня прежде, чем успеваю себя остановить.

Пленник под моим ударом безвольно повисает на железных цепях.

А в тот же миг тяжелая ладонь Ратмира опускается мне на плечо, оставляя на мокрой ткани походного плаща отчетливый, липкий след чужой крови.

Глава 2. Уговор

Вскоре отряд снова собирается у межи. Суровые мужчины окружают меня полукольцом; те, кто жарче всех бился с волколаками, торопливо осматривают себя.

До меня долетает облегченный шепоток:

— Ох, спасибо Марфушке... Вшила медвежий коготь в пододежницу, как знала.

— А у меня лунница треснула! — хвастается другой, и товарищи шумно хлопают его по плечам.

— Зато живым к зазнобушке вернешься.

Я с облегчением выдыхаю. Обереги, которыми запаслась моя стража еще в Красном Яре, сработали как надо — но лишь потому, что схватка выдалась недолгой.

— Гляди-ка, зверь кожу не прокусил! — радуется Ставр, похлопывая себя по груди. — А я уж думал, поминай как звали.

Я прохожу мимо своего отряда, вглядываясь в изможденные лица верных защитников, и наконец могу честно признаться себе: больше всего я боялась даже не смерти, а того, что мне придется собственными руками исполнить закон, ставший привычным в наших краях.

Укусил волколак — убей несчастного, а тело сожги на костре, чтобы скверна не ползла дальше.

Я бросаю тяжелый взгляд на пленника, пытаюсь заплести растрепанные, мокрые волосы в тугую косу, и замечаю, что колдун уже пришел в себя. Он упорно прожигает глазами Ратмира.

Мое сердце в этот миг пропускает удар: рукав на кафтане воеводы моего отца разорван в клочья. Рука висит плетью, и тут не нужно быть лекарем чтобы понять — багровая, рваная рана оставлена зубами чудовища.

Губы колдуна едва заметно дрожат, и в эту секунду я готова возненавидеть его всей душой: за то, что он отделался лишь синяками, а я лишуюсь Ратмира — человека, который учил меня держать меч, моего единственного надежного плеча в этом злом мире.

И по всем безжалостным законам Светлояра я буду вынуждена сама вынести Ратмиру смертный приговор.

Словно издеваясь над моим отчаянием, колдун медленно переводит взгляд на меня.

Я отворачиваюсь, потому что боюсь сорваться — мне известно от того, что я ударила и без того избитого человека.

— Снимите его со столба! — бросаю-gridням ледяным, чужим голосом. — Возвращаемся на заставу. Его еще расспросить надо.

Я на миг оглядываюсь назад. Сердце замирает от тревоги: смотрю, не косятся ли гридни на пленника, не пытаются ли шептаться о том, что закон нужно исполнить прямо здесь, у межи. Но мужчины заняты делом — они наконец ослабляют

цепи, и колдун в тот же миг едва не валится в грязь.

И как, интересно, он собирался усмирить волколаков? Если только сам не умеет им приказывать...

— Княжна, — раздается за плечом голос моего воеводы.

Я молча смотрю на то, как тяжелые железяки, сковывающие пленника, приторачивают к луке седла. *Он что, пойдет пешком? Не слишком ли сурово для того, кто едва держится на ногах?*

Колдун меж тем оглядывается через плечо, бросает на меня тяжелый взгляд — и вопреки всему гордо расправляет плечи.

— Княжна, нам объясниться надо, — говорит за моей спиной Ратмир.

Я опускаю голову. Я не хочу произносить те жестокие слова, которых наверняка ждет от меня воевода, — Ратмир потребует прикончить его тут же, сей же час.

Резко оборачиваюсь, так что мокрый плащ очерчивает в воздухе черную дугу, и нападаю первой, указывая на пленника:

— Он пешком не дойдет!

Ратмир опускает взгляд, пряча в седой бороде усмешку — точно так же он делал много раз, когда учил меня держаться в седле и не показывать слабости. Мне становится не по себе от его спокойствия и от гнетущей мысли о том, как скоро мне, возможно, придется проститься с этим человеком.

Ратмир смотрит в сторону колдуна, по-прежнему неловко прижимая к груди раненую руку. Я жду от него упрека: мол, негоже княжне жалеть того, кто черным колдовством промышляет, пускай хоть на локтях ползет. Я сама смотрю на измазанную землей и кровью фигуру в лохмотьях и не понимаю, почему все внутри меня противится этому жестокосердию.

— Дядька... — срывается с губ.

— Три коня у нас на переходе полегли, — тихо говорит Ратмир. — Но хочешь — отдай ему мою кобылу.

Я вновь перевожу взгляд на воеводу и чувствую, как начинают дрожать губы. С усилием проглатываю ком в горле, опускаю подбородок, чтобы Ратмир не заметил моего малодушия — я не позволю сорваться слезам.

— Я не могу ехать в заставу к людям, — примирительно говорит воевода. — Меня укусил зверь.

Я знаю, что это видят все: мои гридни, а главное... человек, которого я безуспешно пыталась вытравить из памяти и который вновь ворвался в мою жизнь с единственной вестью об отце.

Вместо ответа я вздергиваю подбородок и со злости бью воеводу кулаками в грудь.

— Почему не надел оберег?! — мой голос срывается на крик раненой волчицы.

— Так я христианин, княжна.

— Что же твой бог тебя не защитил?!

Я сжимаю кулаки так сильно, что ногти до боли впиваются в ладони.

— У каждого свой бог, Настасья, — примирительно, сквозь стиснутые зубы выдыхает Ратмир. — Он душу мою сохранит.

И тяжело хлопает себя по груди.

А затем крепко прижимает меня к себе. Я пытаюсь отстраниться, оттолкнуть Ратмира — так не подобает вести себя с правительницей! — но медвежья хватка старого воина сильнее в стократ.

— Дай мне уйти с честью, — шепчет он над ухом. — Благодаря моему богу тело пойдет в сырую землю, а с душою ничего не станется. Буду ждать Страшного Суда.

С трудом вырвавшись, я отпихиваю воеводу.

— Мне надо чтобы кто-то расспросил колдуна! — рычу я, судорожно убирая со лба мокрые пряди волос. — Только ты знаешь как сделать так, чтобы он не солгал!

Ратмир тяжело, с надрывом вздыхает.

— Клянись, что сама порешишь меня, княжна, — требует он, глядя мне прямо в глаза. — Как только разум начнет мутиться.

Я отступаю на шаг. Ратмир перехватывает мою руку и сжимает так, что едва не хрустят кости.

— Ты должна научиться принимать такие решения, Настасья, от которых кровь стынет в жилах, — говорит он, пока над нашими головами висит мертвенно-бледная луна, а

ледяной ветер треплет разорванную одежду. — Пока ты не сделаешь этого — ты всего лишь дитя.

Я резко вырываю руку, боковым зрением замечая цепкий, внимательный взгляд колдуна.

— Клянусь!

Никто в этом мире больше не посчитает меня слабым...

Мы возвращаемся в глухую ночь. Пленника ведут на цепи, и я периодически смотрю на то, как он шлепает босыми ногами по холодной весенней грязи — снега едва-едва сошли, — и с ужасом думаю о том, что к утру его стопы наверняка покроются болезненными струпами.

Но никто из моих гридней и не думает смотреть на колдуна с сочувствием. Все дело, видимо, в его странных речах про волков.

Я еду впереди, гордо расправив плечи и запрещая себе поддаваться усталости — и все потому, что не горбится он. Тот самый человек, что вытащил меня из змеевой пасти.

Мне кажется до странного нелепым, что я позабыла его имя — ведь точно слышала его тогда, в лесу. А потом батюшка приказал вытравить любое упоминание о колдуне во всем Светлояре, потому что он дерзнул оскорбить и Мать Сырую Землю, которой служит наш род, и самого князя.

Не знаю точно, что именно он сделал или сказал, но помню: гнали его до самой границы с позором.

Мой взгляд то и дело соскальзывает на скованного плен-

ника. Зачем он вообще вернулся, прекрасно зная, какую память оставил здесь по себе? Ратмир наверняка сказал бы, что ради мести — и был бы прав, это самое разумное, самое простое объяснение.

И тут я снова натыкаюсь на его взгляд. Стальной, холодный, но подернутый мечтательной поволокой — он смотрит на меня, как будто вспоминая что-то.

Я зябко передергиваю плечами под промокшим насквозь походным плащом, понимая, что дело теперь вовсе не в холоде. Этот взгляд достает куда глубже — до самой души. Колдун смотрит на меня уже не как на девчонку, а — кажется, единственный из всех — как на княжну.

На сей раз двери заставы распахиваются куда легче. Мужики, чьи лица непроницаемы, провожают нас тяжелыми взглядами. Мы спешиваемся перед крепким теремом старосты.

— Я... — подает голос Ратмир, глядя в сторону окраины. Его рука уже плотно забинтована, да так неуклюже, что и не поймешь сразу масштаб беды. — Побуду в дальнем срубе.

Я молча киваю, чувствуя, как мороз пробирает до костей, а ноги едва держат после долгой дороги. И в этот момент мимо меня проводят колдуна. Демьян и Ставр заставляют его низко наклонить голову, но пленник упирается, с силой зарываясь ногами в грязь, и на миг сбрасывает с затылка тяжелые руки дружинников.

— Рискнешь, княжна, оставляя в хлеву волка! — выды-

хает он в лицо ночи, а я на секунду замираю: неужели он рискует быть избитым лишь для того, чтобы донести мне эту очевидную правду?

Ставр уже заносит над ним тяжелую руку, но я останавливаю гридня резким движением головы: *не смей!*

Колдун в этот миг вскидывает глаза прямо на меня.

— Я знаю, как помочь, княжна! — хрипит он, и от стального блеска его взгляда у меня подкашиваются ноги. Я слишком отчетливо помню этот взгляд из детства: он преследовал меня по ночам во снах, а видеть его наяву — все равно что испить хмельного меда.

Демьян грубо толкает пленника в спину, заметив мое внезапное оцепенение, и рывкает:

— Вперед! Нечего с княжной до суда говорить!

Тот наконец опускает плечи и подчиняется, тяжело шагая в темноту сеней. Вскоре до меня доносится глухой, скрипучий скрежет массивных засовов на двери, ведущей в подклет.

Я отправляю с Ратмиром сильнейших из оставшихся людей — они устраиваются в дальнем срубе на самом краю двора. Сама же захожу в терем старосты, ничего не объясняя местным.

Внутри жарко натоплено, можно наконец сбросить тяжелые, пропитанные сыростью вещи. Остановившись у раскаленной печки, я невольно думаю о том, каково колдуну там сейчас — в подклети ведь наверняка не полы, а ледяная, пре-

лая земля.

Но тут же с гневом гоню от себя эти мысли. Демьян прав: от человека, оскорбившего мой род, отца и весь Светлояр, глупо ждать добра.

Наскоро поев, я устраиваюсь в маленькой, бедно обставленной горнице, но сон не идет. Я сажусь на лавке, растираю кулаками усталые глаза и выхожу к гридням, берегущим мой покой с той стороны двери.

— Проверь, как там воевода, — шепчу я Демьяну тихо, чтобы не разбудить домашних.

Тот тяжело поднимает голову, а потом встает и отправляется в предрассветную тьму. Возвращается дружинник с нехорошими новостями: у Ратмира начался жар, а это значит, что со дня на день мне придется пронзить кованым мечом его сердце, а тело предать огню.

Выслушав ответ, я решительно поднимаюсь с лавки и приказываю:

— Ведите меня к колдуну!

— Княжна... — недоумевает Демьян. — Он же...

— Если он и впрямь знает, как совладать с волколаками, — чеканю я, — то я заставлю его открыть этот секрет.

Демьян кивает, но по всему его виду я понимаю, что гридню эта затея не по нутру. С нами отправляется и гигантский Ставр. Я же плотнее кутаюсь в просохший плащ и уверенно шагаю на улицу.

На самом деле я тешу себя надеждой, что колдун откроет мне, как именно собрался помогать. Змея же он когда-то одолел! Может, и от волчьей скверны средство знает? Без Ратмира мне будет слишком тяжело бороться со столичными интригами и боярами — так я оправдываю перед собой это решение, пока тяжелая дверь, ведущая в подклет, со скрипом ползет на нас.

Ставр выше поднимает лучину, Демьян кладет ладонь на рукоять меча.

— Если он что дурное задумает, княжна... — предупреждает дружинник. Киваю, пряча руки в складках плаща: снизу, из подпола, тянет стылым, почти зимним холодом.

Первое, что выхватывает из темноты неверный свет — бочки да припасы, бревенчатые стены, покрытые изморосью. Следом раздается тяжелый звяканье железных цепей. Мои спутники, словно псы, разом поворачивают головы в сторону звука.

Тусклый свет падает на пленника, отражается от оков и... от нательного креста на его груди. Я замираю: раньше я не замечала на нем этого оберега. Но мои гридни, заталкивая колдуна в подклет, разорвали его нательную рубаху едва ли не до пояса.

Свет лучины выхватывает литые мышцы груди, сплошь покрытой свежими кровоподтеками и синяками. Я медленно опускаю взгляд ниже, на дорожку темных волос, уходящую за пояс портов, и невольно сглатываю.

Не то чтобы я никогда не видела воинов без одежды — летом на реке, купаясь с санными девками, я часто наблюдала полуобнаженных гридней или работающих на жаре мужиков. Вспоминаются даже шепотки и смешки моих помощниц.

Но сейчас я чувствую не пустое озорство, а мучительное смущение, смешанное с внезапным жаром, прилившим к щекам. Потому что воображение предательски дорисовывают то, что скрыто в полутени, а этот мужчина смотрит на меня совсем не как подданный.

— Боишься меня, Настасья? — колдун с видимым усилием поднимает голову, и я замечаю, как под железным ошейником вздулась и покраснела кожа: значит, в нем и правда течет чародейская сила, противящаяся железу.

Но как же он тогда носит святой крест? Отрицательно качаю головой, выдерживая его тяжелый взгляд.

— Тогда зачем тебе охрана? — хмыкает он. — Думаешь, одна из меня ни слова не вытянешь?

Я оглядываюсь на Демьяна и Ставра. Мужчины напрягаются так, что видно, как бугрятся мышцы под рубашками.

— Так уже не вытянула вся застава, — я снова поворачиваюсь к пленнику. — Оттого меня и отвели к меже.

Его глаза дерзко поблескивают в полутьме, словно он вызывает меня на поединок.

Делаю шаг вперед:

— А я смогу.

Он откидывается назад, прислонясь спиной к промерзшему бревну, и рубаха на груди распахивается еще шире. Теперь я ясно вижу следы от батогов: его били, жестоко и долго.

— Я буду говорить только на равных, — скалится пленник.

— Да кто ты такой?! — срывается с места Демьян.

Я останавливаю его, вскинув руку:

— Оставьте мне лучину и ступайте за дверь! — приказываю я.

— Но княжна...

— Не смей перечить! — бросаю я слишком резко. Ужасно неловко было бы показать пленнику, что я не хозяйка собственным людям.

Гридни, помявшись, нехотя выходят из подклета. Мы остаемся вдвоем. Не пойму: меня дрожь пробирает от холода или от страха показаться перед ним слабой? Но он смотрит сейчас так, будто оценил мою смелость.

— Почему ты сказал, что умеешь справляться с волколаками?

Колдун чуть склоняет голову.

— Ты слышала то, что захотела, княжна. Я сказал, что могу их убить, — сейчас, в полутени, на его лице играет лишь широкая, хищная и пугающе уверенная усмешка.

— Ты едва стоишь на ногах! — взрываюсь от негодования. Неужели он заставил меня выставить охрану только ради глупой насмешки?!

— Меня нельзя взять в честном бою, — он поднимает взгляд, и меня снова завораживает стальная глубина его глаз: он говорит это как истину.

— И как же ты тогда мужикам попался? — скрещиваю руки на груди. Уголок его губ дергается.

— Оглушили. Сзади. Когда устроил привал в лесу.

Я опускаюсь на колени прямо в холодную грязь перед колдуном, близко-близко поднося к его лицу лучину. Хочу увидеть малейшую ложь, вывести его на чистую воду, как это умел делать батюшка. Свободной ладонью касаюсь стылой земли — она всегда помогала нашему роду, она не соврет — и мысленно призываю ее силу.

Но происходит странное: вместо могильного холода подклета от земли вдруг толчками поднимается живое, густое тепло. Я удивленно вскидываю глаза. Наши лица оказываются совсем рядом. Колдун смотрит на меня — мгновение его взгляд задерживается на моих губах, а потом становится довольным: его мое положение если не радует, то откровенно забавляет. И тут меня осеняет: он требовал разговора на равных — и только что, заставив меня опуститься перед ним на колени, получил желаемое.

Я тут же вскакиваю.

— Мать Сыра Земля... она откликается на тебя так же, как на моего отца! Она щедро одарила тебя своей силой.

Его взгляд довольно сложно прочесть. В нем не злоба и не ненависть, что-то другое.

— Чем ты оскорбил князя Микулу?! — вырывается у меня слишком громко. В голове крутятся мысли: кто он? Неужели еще один из нашей крови?

Колдун отводит взгляд.

— Я ждал этого вопроса, — глухо говорит он. — Я отказался служить ей так, как требовал твой отец. Я вообще отказался служить...

Его глаза блестят вызовом: как тебе такое, девочка? Я снова сглатываю, но не позволяю себе показать собственного волнения.

— Откуда ты знаешь слова о том, что земля платы требует?

Он ухмыляется.

— Ты же сама слышала, их сказал Змей.

Невольно передергиваю плечами от холодного, пришедшего на ум воспоминания. И правда... Мы оба могли слышать это тогда. И это значит, что он ничего не знает о моем отце?!

— Зачем ты сказал ее гонцу? И что ты здесь делаешь?

Он подается вперед, звеня железом.

— Чтобы не умереть, княжна, так глупо как вчера. Я тебе полезен, потому что ищу того, кто плодит волколаков.

Я делаю шаг вперед, выставляя лучину перед собой. Свет ярко освещает лицо колдуна. Оно словно высечено из камня — такое же бесстрастное и красивое.

— Разве это был не ты? — шиплю я.

Он снова хищно скалится.

— Нет, княжна. Я ищу этого... человека, потому что он мне кое-что задолжал. Поможешь освободиться, и я спасу твоего Ратмира. По рукам?

Я выдыхаю. Похоже, он действительно сделал достаточно для изгнания. И это значит, что заключить с ним сделку — добровольно шагнуть в капкан.

Резко разворачиваюсь, собираясь уходить. Но сердце словно сжимает ледяная рука. Мой воевода... колдун... — обоим я должна казнить до начала завтрашнего дня.

— Подумай. У тебя есть три дня прежде чем он обратится, — летит мне в спину его спокойный голос.

Уже ступив на первую скрипучую ступень лестницы, я оборачиваюсь. *Подумать только... Он сидит в цепях, на коленях в грязи, а все равно умудряется ставить мне условия. Совсем как настоящий князь.*

Я возвращаюсь в горницу и, изможденная, падаю на лавку. Тревога за смертельно раненого Ратмира и тяжелый разговор с колдуном выпили из меня последние силы. Глаза смыкаются сами собой, и кажется, проходит всего одно темное мгновение, прежде чем меня выдергивает из забытья резкий стук в дверь. Вскрываю. Сердце бешено колотится об ребра, в горле застрял сухой ком, а по спине ползет липкий холодный пот.

На сей раз во сне я видела не своего спасителя, а Змея.

Того самого, который начал мне сниться, когда мне исполнилось десять весен. Красивый, ласковый юноша с удивительными золотыми глазами... Он возвращался раз за разом, манил сказками о заморских странах, пока однажды не обернулся чудовищем, не сгреб меня когтистыми лапами и не взмыл в облака.

«*Земля платы требует*», — именно это он прошипел мне тогда.

В висках еще стучит отзвук кошмара, когда на пороге вырастает Демьян. Я молча киваю дружиннику, давая понять, что готова слушать.

— Гонец из Красного Яра, княжна, — глухо отчитывается он.

— Зови в терем, — с трудом разлепив сухие губы, выговариваю я. — Только принеси сначала напиток.

Вскоре Демьян подает мне ковш, полный студеной воды. Я осушаю его почти залпом, чувствуя, как ледяная струя смывает остатки лихорадочного сна. Быстро встаю, разминая затекшую шею, привычными движениями переплетаю растрепавшуюся косу.

Снизу, из трапезной, доносятся тревожные голоса — слышу, что посланника тоже поят с дороги. По обрывкам фраз понимаю: он гнал коня без остановки до самой заставы. Это заставляет меня поспешить вниз.

Стоит мне ступить в трапезную, как гонец тут же валится в ноги, кланяясь прямо в пол:

— Матушка-княжна!

По его виду — измазанному грязью лицу, впалым серым щекам и красным, воспаленным глазам человека, не спавшего ни днем, ни ночью, — ясно без слов: вести не из тех, что захочешь выслушать с утра. Но я уже привыкла. С той самой зимы, как пропал Микула, я без устали тащу на себе отцовский удел. И выслушала уже немало такого, от чего предпочла бы навсегда закрыть уши.

— Говори! — приказываю я, выпрямившись.

Гонец протягивает мне скрученную харатью:

— Вот, Настасья Микулична, от ваших бояр из стольного града.

Беру и разворачиваю плотный, тяжелый пергамент. В глаза сразу бросается красная вязь киновари: посольство Вышгорода в Красном Яре. Прибыли как раз тогда, когда ни Ратмира, ни меня в столице нет! Шиплю сквозь зубы, вчитываясь в надменные строки.

— Подлый лис! — с этими словами я швыряю грамоту на пол, и вислая свинцовая печать глухо звякает о деревянные половицы.

Лисом все соседи зовут вышгородского великого князя. Он и его род в незапамятные времена заключили договор с самим Велесом. С тех пор любая подписанная Берендеем грамота имеет мистическую, непререкаемую силу. Так на своих землях и сидят, хоть и выродились давно из храбрых воинов в презренных хитроплетов.

Демьян молча смотрит на меня, но по его хмурому лицу читаю: дружина горит желанием узнать, что сейчас творится в нашем доме.

— Он думает, что сделает меня женой своего третьего сына! — я начинаю яростно мерить трапезную шагами.

Верные гридни и гонец напряженно следят за каждым моим поворотом.

— Прислал посольство! — бросаю я людям, жаждущим правды. — Великий князь Берендей! Пишет, что сиротой и бесхозной вдовой осталась наша земля без Микулы!

Широкая ладонь Ставра ложится на рукоять меча. Я останавливаю воина коротким, властным движением головы: не горячись, не время.

— Наверняка притащил с собой своих чародеев, — хмуро басит Демьян.

Я на миг прикрываю глаза. Наверняка.

Зеленый, сильный удел отца не дает покоя Вышгороду вот уже много лет. Но Берендей до дрожи боялся связываться с Микулой, а теперь решил, что отдав меня замуж за своего белоручку Мстислава, он наконец-то заграбастает Светлояр без боя и выполнит свою давнюю мечту.

Как же!

Решение созревает в голове мгновенно.

— Ведите ко мне колдуна!

Я сажусь на лавку за столом и силой заставляю себя не ба-

рабанишь по дереву пальцами, хотя сердце бьется как запо-
лошное. Почему я так волнуюсь? Потому что этот человек
уже однажды спас меня?

«А потом оскорбил моего отца, —напоминаю я себе.
— Да так, что справедливый Микула приказал гнать его
прочь». Он точно непрост, и ждать от него добра глупо,
неправильно. Я должна заключить сделку — и только так бу-
ду уверена, что останусь в безопасности.

Наконец гридни вытаскивают колдуна из подклета. При
дневном свете он выглядит еще хуже, бледнее, правая скула
уже налилась фиолетовым. Он едва стоит на ногах — ночь в
холодном подполье не прошла даром, — и я даже чувствую
смутное разочарование. Мне казалось, сильнее его нет.

Но все меняется, как только я встречаюсь с ним взглядом.
Таких уверенных, гордых глаз я давно не встречала. Кол-
дун расправляет плечи, встает прямо и смотрит на меня так,
словно это не он тут бродяга и нарушитель спокойствия.

— Зачем понадобился, княжна? — а вот это уже звучит с
откровенной насмешкой. — Надеюсь, не для расправы.

Я поднимаюсь медленно, понимая, что должна заключить
с ним договор, взять клятву, иначе нет смысла держать его
здесь — очевидно, колдун опасен.

Светлоярских чародеев одного за другим как будто нароч-
но истребили волколаки. Многие думают на Вышгород, но
мне кажется, что великий князь хоть и искушен в ведьмов-
стве, но все же не такой страшный.

А этот по его же собственным словам, волколакам не дастся.

Я не успеваю вставить и слова, как он говорит:

— Я не стану ничего делать в ошейнике.

Он двигается, и цепь тяжело звенит.

Мы снова встречаемся взглядами.

«Ну вот, Настасья, настало время побыть правительницей, — говорю я себе. — И взять его на поводок». Потому что посольство Вышгорода, и гадать не надо, заслало в Красный Яр не одного чародея. Мне нужен тот, кто поставит на место прихвостней Берендея.

— Сними, — колдун поднимает руку и касается своей шеи.

Боковым зрением я замечаю, как напрягается Демьян, готовый уложить чародея на пол, если тот попробует коснуться его княжны. Колдун замечает это, но ни на шаг не отодвигается.

Я чувствую себя так, словно стою с голодным волком в одной клетке. Приподнимаю голову, понимая, что должна приручить его, а не сломать.

— Чтобы ты тут же сковал нас своей силой? — мой голос звучит обманчиво мягко, и я начинаю обходить мужчину по дуге.

— Нет у меня никакой силы! — это вырывается у него, пожалуй, слишком резко. Почти как вопль отчаяния.

— Ты сам признался, что управляешь волками, — я захо-

жу ему за спину.

Колдун закатывает глаза, но поворачивает шею, напряженно следит. Возможно, он просто не любит, когда кто-то стоит сзади, но я чувствую в его взгляде нечто большее, чем просто опаску.

— Я должна тебя казнить, — говорю я, останавливаясь перед ним.

Я чувствую себя совсем не так уверенно, как пытаюсь казаться. К тому же я помню, как он видел меня зарезанной сопливой девчонкой — и теперь должен поверить в то, что я велю вогнать ему осиновый кол в сердце?

Я вскидываю голову, боясь, что колдуну очевидна моя игра.

Но он вдруг сглатывает, глядя мне куда-то пониже шеи, и я чувствую, как жар приливает к щекам. Он всё это время смотрел, как на моей груди натягивается рубаха, вместо того чтобы слушать?! Вот нахал!

— Я прикажу растянуть тебя между кольями! — от стыда и злости вырывается у меня. — Раздробить все суставы и только потом прикончить!

Колдун невозмутимо переводит взгляд на мое лицо.

— Такова твоя благодарность? — в его голосе снова только ядовитая насмешливость. Мог бы — скрестил бы руки на груди, показывая, насколько ему безразличны угрозы.

— Ты перечеркнул всё, оскорбив моего батюшку!

— Как будто бы ты слышала наш разговор... — мне ка-

жется, он вновь близок к тому, чтобы закатить глаза. Какой самодовольный!

— Я предлагаю тебе выбор, — вздергиваю подбородок, храбро глядя колдуну в глаза. — Я дарую тебе жизнь, а ты отплатишь за нее...

— Я не буду цепным псом! — он прерывает меня раньше, чем я успеваю договорить. Верные гридни угрожающе дергаются, но я останавливаю их коротким движением руки. Это мой поединок. Я либо выиграю его, либо Вышгород вонзит Светлояру нож в спину.

Отступаю на шаг, и он будто бессознательно тянется за мной, но вовремя пресекает свой порыв, делая шаг назад и бледнея еще больше.

— Княжна, — его щеки бескровны. — Я не тот, кто нужен для службы.

— Ты не услышишь от меня ни одного приказа, — я разворачиваюсь к нему спиной, но оглядываюсь через плечо, чтобы видеть, меняется ли его лицо. — Но будешь охранять мою жизнь и Светлояр так, как если бы он был твоей собственной вотчиной.

Он замирает, уставившись перед собой. Я оборачиваюсь, увидев, что колдун крепко-накрепко стиснул кулаки. Костяшки пальцев стали совершенно белесыми. Любой другой лихой человек счел бы такой договор щедрым подарком! Твори, что хочешь. Но я не предложила бы этого, не будь у меня такой отчаянной нужды в том, кто напугает Берендея

и его сватов, и не зная я, что в прошлый раз этот человек отказался от платы.

Где-то глубоко внутри, в его черной душе, всё еще живет честный человек.

— Взамен я дам тебе право охотиться в моих лесах на того, кто тебе задолжал. Возьми хоть мою дружину и суди, как вздумается, — мне кажется, это очень разумное условие.

Колдун отмирает и переводит тяжелый взгляд на меня.

— Жизнь за жизнь, — холодно произносит он. — Если я спасу тебе жизнь, княжна, то буду свободен.

Я растерянно смотрю на Демьяна и Ставра. Договор с этим диким волком становится всё более сложным.

— Мои люди должны будут это признать, — говорю я.

Между нами повисает густая тишина. Колдун молча меряет меня взглядом.

— Можно уже как следует ему наподдать? — срывается Ставр. — Еще думать будет, ушкуйник!

— Да, — тихо произносит колдун, глядя прямо мне в глаза.

Тогда я призываю силу Матери Сырой Земли и, чувствуя ее глубинное тепло в своих ладонях, протягиваю руку пленнику.

— Назови свое имя.

Он пару мгновений нечитаемым взглядом смотрит на мою кисть. В этот момент Демьян брезгливо ослабляет его цепи, и моих пальцев касается холодная, покрытая жесткими мо-

золями мужская рука.

— Добрыня.

Глава 3. Тот, кто не подчиняется

— А теперь раскуйте меня! — через плечо обращается Добрыня к гридням.

Те хмыкают и переглядываются.

— Что скажешь, княжна? Может, проверим, насколько он верен словам, для начала? — предлагает Ставр.

Бросаю взгляд на колдуна и понимаю, что у него, может, и черная душа, но кто-то ведь должен показать ему, каково это — быть честным.

— Снимайте ошейник! — распоряжаюсь я и скрываюсь за дверью.

Надо найти ему чистую рубаху. Не должен же чародей княжны в чем попало шастать и пугать добрый люд своим видом.

Я перебираю вещи своих людей и наконец нахожу рубаху, которая кажется мне подходящей. Мне хочется хорошо его одеть, чтобы Добрыня понял, что служба князю лучше, чем его удел вечно шляться по дорогам и спать под открытым небом.

Когда я выхожу, его нигде нет. Нахожу своих гридней на крыльце.

— Где он? — срывается с моих губ.

Те кивают за угол.

— Умыться пожелал, — хмыкает Демьян.

— И вы не дали ему лохань? — удивляюсь я.

Мужчины переглядываются и взрываются смехом.

— Гордый твой чародей, Настасья, что великий князь! — поясняет Ставр. — Потому пошел снежком последним растираться.

— Да куда он голый денется! — летит мне в спину голос Демьяна, когда я спускаюсь с крыльца.

Это они прекрасно придумали! Добрыня и так едва на ногах держится. А если он захворает, сляжет в лихорадке? Я ведь обещала выдать ему его врага.

Я огибаю угол и сразу же взглядом натываюсь на колдуну. Он обливается водой из огромной бочки, куда стекала с крыши талая вода. Черпает ковшом и опрокидывает ледяную воду прямо себе на голову.

Вот совсем ему себя не жалко.

Я комкаю в руках шерстяную рубаху и подбитый мехом плащ, беззвучно глядя на промокшие насквозь порты, которые облепили его сильные ноги. Кожа у Добрыни от холода еще сильнее побелела, но он даже не дрожит, а просто молча смотрит на меня, откидывая назад мокрые пряди.

— Что? — его взгляд вдруг становится хищным. — Пришла одеть свою куклу?

Он произносит это с издевкой, и тут из-за моего плеча вылетает Ставр. Я не успеваю ничего сказать, как дружинник замахивается и летит на Добрыню.

— Княжна тебе подарок принесла! — басит за моей спиной Демьян, тоже бросаясь в атаку. — Благодарить должен!

Я, потерявшая дар речи от болезненного упрека Добрыни, понимаю, что надо немедленно это останавливать. Сейчас они просто добьют моего колдуна!

Но Добрыня справляется сам. Ставр бьет с размаху, тяжело и прямолинейно, а колдун даже не встает в стойку. Он неуловимо смещается с линии удара, перехватывает запястье пролетевшего мимо гридня, с силой дергает его на себя и бьет под колено. Ставр с грохотом рушится на мерзлую землю. Демьян налетает следом. Добрыня плавно уходит под его замах, бьет коротким, безжалостным ударом локтя под дых и бросает второго тяжелого воина поверх первого. Всё заканчивается за три удара сердца. Колдун возвышается над моими поверженными гриднями, даже не сбив дыхания.

Мы молча меряем друг друга взглядами: он — яростным, я — удивленным.

— Об этом я тебе и сказывал, — роняет Добрыня, перешагивая через тела стонущей стражи. Следом он бесцеремонно вырывает одежду из моих рук и утирает лицо чистой рубахой. — Я очень плохая игрушка для молодой княжны.

Мимо меня проплывает запах степных трав, смешанный с запахом крови. Одновременно притягательный и отталкивающий, как и он сам.

Я понимаю, что должна броситься к Демьяну и Ставру, дать им сил, как умею одна я, но не могу даже отвести глаз

от Добрыни.

— Ты вылечишь Ратмира?

Он уже натянул длинную рубаху, скрывшую его бедра и мокрые порты. Его глаза блестят ледяным огнем.

— Я же обещал.

— Тогда иди. — Я почему-то не могу перестать смотреть на него. Как будто стоит отвести глаза, и он прыгнет... как загнанный в ловушку зверь.

Добрыня сжимает губы — я замечаю, какие они у него бледные, — и разворачивается, очевидно собираясь исполнить мой приказ.

Я оборачиваюсь к Демьяну и Ставру, которые, отряхиваясь, встают на ноги. Выглядят они сейчас оба побитыми псами. Я должна радоваться, что нашла защитника, достойного Светлояра, но на душе почему-то лежит камень.

Добрыня тут же подтверждает мое ощущение: когда я поворачиваюсь обратно, он прямо на ходу стаскивает мокрые порты и кидает их в грязь.

Я снова не знаю, как реагировать.

Демьян и Ставр ошарашены вместе со мной, но на сей раз не пытаются остановить разошедшегося колдуна.

— Ну, хоть рубаха задницу прикрывает, — замечает Демьян.

Следом Добрыня набрасывает плащ и оказывается почти целиком скрыт.

Я прибавляю шаг, вновь забывая про гридней, и равняюсь

со своим... уже не знаю, как его назвать. Проблемой?

— Ты должен выглядеть достойно, раз служишь Светлояру, — шиплю я.

— Я ничего тебе не должен, — отзывается Добрыня. Его серые глаза блестят. — Княжна.

— Ты заставила меня служить, — прибавляет он, сделав небольшую паузу. — Но как — не сказала.

Он прибавляет шаг, и я понимаю, что тут осталось недоговоренным: «Ты пожалеешь о моей службе». Прикрываю глаза. Только бы он голым не ходил по Красному Яру.

Добрыня оборачивается через плечо, сделав несколько шагов.

— Пол негоже было бы грязью залить.

Я смотрю на его босые ноги. Ну да.

Меня нагоняют мои гридни.

— Снесите ему сухие порты, — сквозь зубы цежу я. — И пусть лечение без них не начинается.

Я скрываюсь в тереме старосты, но на душе все равно беспокойно. Что, если колдун уложил в грязь еще парочку гридней?

Поправляю волосы и выхожу проверить, хотя собиралась дожидаться гридней с отчетом о том, как удалось исполнить приказание. И нахожу его практически сразу же: Добрыня сидит у поварни — под навесом во дворе с огромным очагом, где готовится еда для всей заставы, — и поглощает кашу с

мясом.

И, слава богам, колдун в добротных шерстяных портах, на ногах у него чуть сношенные, но все еще крепкие кожаные сапоги — видно, достали у местных.

Демьян и Ставр нависают над колдуном и выглядят так, словно задобрили дикого зверя, но ожидают, что он вот-вот с цепи сорвется.

Перед глазами сами по себе встают картинки: как мой отец пировал с соседями и как меня увещевала нянюшка — князя зубами хлеб не рвут.

Я-то знаю. Мой батюшка, прежде чем взять под свою руку Светлояр, был простым пахарем — и ел всегда как мужик, а уж меня княжной воспитывал.

Добрыня отрывает хлеб тремя пальцами, мясо режет за-сапожным ножом, а спину держит прямо, словно ему к спине привязали жердь. Любой голодный дружинник — а я уверена, что колдун давно не ел, — уже утопал бы носом в миске.

Я замечаю на себе серый блестящий взгляд. Добрыня тут же убирает нож за голенище, вытирает рот рукавом и опрокидывает в себя остатки содержимого миски.

Потом встает и в три шага оказывается напротив. Мне приходится слегка запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в глаза — он выше.

— Ну, показывай, княжна, где твой болезный, — скалится колдун, ковыряясь птичьей косточкой в зубах. — Что время даром терять?

Я жестом подзываю Демьяна и Ставра, расправляю плечи, а потом первой иду вперед. По дороге я поочередно касаюсь рук моих дружинников, шепча короткий заговор, и моя связь с Матерью Сырой Землей делает свое дело: следы недавней драки испаряются.

Затем оглядываюсь на чародея, задавая себе вопрос: готова ли я его исцелять? И тут вижу, что моя помощь Добрыне без нужды. Еще недавно алые следы ошейника почти совсем побледнели, а на запястьях вновь проступили шрамы от цепей. Я передергиваю плечами: он как-то сам исцеляется, и это значит, что колдун — совсем не обычный человек.

Если он вообще человек...

Мы вчетвером заходим в дальний сруб, и я тут же замираю: из глубины доносится утробное рычание и глухой стук.

Закусываю нижнюю губу, чтобы не заплакать. Дядька, который держал меня на руках, который вложил мне в ладонь мой первый меч, теперь превращается в волколака.

Добрыня оттесняет меня плечом и толкает тяжелую дверь, отделяющую сени от горницы. И я вижу, как двое дружинников уже пытаются скрутить неестественно искажившуюся фигуру Ратмира. Тут и меня охватывает животный ужас. Как удержать эдакое чудовище?

Добрыня бросается на моего воеводу, мимоходом отшвыривая одного из воинов к стене. Я замечаю, как колдун плавно уходит из-под удара, подныривает под замах, бьет Ратми-

ра в живот и валит его на лавку — и все это одним выверенным, слитным движением.

Он передавливает предплечьем шею Ратмира, заставляя того захрипеть, и рывкает на гридней:

— Веревку скорее несите, пеньковую!

Те растерянно переглядываются.

— А вы думали, я зверя заговором скручу?! Руку надо отнять пораженную!

Мужики бросаются в сени. А у меня словно горло стягивает железным обручем. Он будет резать руку...

Вскоре Ратмир уже надежно прикручен к лавке. Его держат несколько хмурых дружинников, а Добрыня заносит нож.

— Потерпеть придется, дядюшка, — говорит колдун, и меня поражает неожиданная теплота, прозвучавшая в его голосе.

Значит, Добрыня не лишен сочувствия.

В следующий миг Ратмир воет не своим голосом, на пол брызжет кровь. Я опускаю взгляд на разрастающееся темно-вишневое пятно, разворачиваюсь на пятках, и ноги сами выносят меня из сруба на свежий воздух.

А потом все кружится, словно в водовороте. Я делаю судорожные глотки воздуха, потому что мысли затапливает страшная память: пещера Змея, десятки гниющих, разорванных тел...

Прекрасный юноша с золотыми глазами протягивает мне

оторванные пальцы.

— На, закуси.

Он издевается. Знает, что я скорее умру, чем попробую человечину, чем стану такой, как он. Но Змей надежды не теряет.

Содержимое моего нутра оказывается в весенней грязи. Кровь громко шумит в висках, отсчитывая удары сердца. Все перед глазами плывет, и тут кто-то сзади молча протягивает мне кусок чистой льняной ткани.

Я вытираю губы.

— Спасибо, Ставр.

И только сказав это, замечаю, что пальцы, держащие ткань — слишком длинные, тонкие, изящные. Оглядываюсь.

Позади стоит Добрыня.

— Он будет в порядке, — холодно сообщает колдун. — Я свое дело сделал.

После этого Добрыня как ни в чем не бывало спускается с крыльца и неспешным, хозяйским шагом пересекает двор. Я провожаю его взглядом, преодолеваю липкий ужас, смешанный с отвращением, и возвращаюсь назад в тяжелый дух сруба.

Дядька Ратмир лежит бледный как полотно, на лбу выступила холодная испарина, а отсеченное плечо туго перетянато кожей и замотано свежим отрезом белого льна. Он что-то бессвязно бормочет в бреду, но в этих звуках больше нет страшного, клокочущего волчьего рычания. Я бессильно

опускаюсь на край лавки рядом с ним и глажу его по седеющим волосам, забыв об осторожности и княжеской гордости — я просто чувствую, что обязана быть рядом.

— Настасья... — едва слышно шепчет Ратмир.

Я снова провожу ладонью по его щеке и вдруг с леденящей ясностью осознаю: колдун вовсе не исцелил моего воеводу светлой ворожкой. Он просто... впитал его скверну в себя. Забрал проклятие.

Холодок бежит вдоль позвоночника. А что, если всю эту заразу с самого начала наслал он сам?! Я с трудом унимаю частое, сбивающееся дыхание. На чужой обман и морок у меня теперь нюх тонкий — после того, как в детстве мне ласково заговаривал зубы Змей, прикинувшись прекраснотлицым юношей.

Я резко встаю и мысленно обрываю свой страх: *«Нет, глупая. Если бы он был врагом, он не стал бы связывать себя клятвой на крови и земле».*

Весь этот долгий день я провожу подле Ратмира, меняя повязки и поя дядьку отварами. Воеводе на глазах становится лучше. Он шепчет благодарности своему христианскому богу, истово крестится здоровой рукой, а я нет-нет да ломаю голову над тем, что не было в его спасении никакого чуда. Лишь суровая, прагматичная сделка, которую я заключила с человеком, которого толком даже не знаю.

Ближе к ночи я решаю разыскать Добрыню, выхожу во двор и узнаю весть, от которой на миг теряю дар речи:

он ушел. Этот невероятный, непробиваемый наглец просто пришел к моей страже, не моргнув глазом заявил, что княжна лично назначила его своим ближним телохранителем, выбрал себе лучшую кольчугу, добрый клинок и припасы, после чего спокойно вышел за ворота заставы и... растворился в сумерках!

Несколько мгновений я просто стою, хватая ртом морозный воздух. Жгучий стыд затапливает до самых кончиков ушей: похоже, я только что собственными руками вооружила и отпустила на волю причину всех бед Светлояра — того самого колдуна, который породил эту волколачью напасть! Лишь одна заноза в сердце мешает мне поверить в это до конца: если он враг, зачем тогда бросился меня от Змея спасать? И как сумел пересилить клятву, которую я скрепила самой Матерью Сырой Землей?!

Впрочем, на последнее слишком быстро находится горький, обидный ответ: сила текла во мне едва заметно. Мне мало что досталось от могучего богатыря Микулы, разве что упрямство да эти пшеничные, непослушные волосы. Всем остальным я пошла в мать — тихую, хрупкую искусницу Марью. Куда уж моей ворожке тягаться с древним колдуном!

— Найти подлеца! — приказываю я своей дружине, сверкая глазами.

Это все, что мне остается. Не признаваться же отцовским людям, что их княжна позволила какому-то бродяге обвести себя вокруг пальца!

Но проходит день, за ним тянется второй, а на третий конные разъезды возвращаются ни с чем. Как в воду канул, ни следа, ни сломанной ветки.

— Д-добрыня... — шиплю я, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Я клянусь себе, что теперь до конца своих дней запомню это имя.

И прикажу, как когда-то батюшка, без суда заковать в самые тяжелые цепи любого, кто посмеет им назваться!

Ратмир тем временем быстро идет на поправку. Лихорадка окончательно отступила — тот страшный, стремительный разрез, которым колдун отсек гниющую плоть, оказался поразительно точным, верным и чистым, нанесенным рукой истинного мастера.

После он еще и прижег рану так искусно, что воевода почти не потерял крови. Дядька уже способен самостоятельно держаться в седле, а весть из стольного Красного Яра свидетельствует, что медлить больше нельзя ни часа. Скрепя сердце, я оставляю бесплодные поиски беглеца и отдаю приказ дружине выступать в поход.

Глава 4. Предательство

И вот на рассвете всё готово к выступлению. По сырой земле стелется плотный, сизый туман, когда мужики с заставы налегают плечами и распахивают тяжелые дубовые ворота. Я гордо вскидываю подбородок, выпрямляя спину. Пусть наглый колдун обвел меня вокруг пальца и сбежал, на игры Вышгорода я не поддамся. Вернусь в стольный град и покажу этим заносчивым велесовым крючкотворам, чего стоит княжна Светлоярская!

И в этот миг вся головная колонна замирает: из белой пелены тумана на дорогу вышагивает одинокая фигура. Мужчины обнажают железо, но силуэт властно вскидывает руку, останавливая войско:

— Я ближний гридень Светлоярской княжны!

Я буквально давлюсь морозным воздухом, безошибочно узнав этот насмешливый голос.

— Добрыня... — сдавленно вырывается у меня.

А потом щеки заливаает краской, но это уже не от стыда, а от ярости. Как он вообще посмел три дня кряду где-то прохлаждаться, а потом заявиться сюда с такими словами!

Я бью пятками в конские бока, совсем забыв о том, что по статусу должна была бы послать кого-то из гридней разобратся с нахалом. Останавливаю лошадь, едва поравняв-

шись с колдуном, и шиплю:

— Тебя никто не называл ближним гриднем. Ты всего лишь обычный лихой человек!

Мужчины за моей спиной одобрительно гудят. Добрыня скидывает голову. Я вижу, как кровь отливает от его лица, и уже начинаю понимать, что именно так он выглядит, когда по-настоящему злится. Но я и не думаю отступить.

Пару мгновений мы молча меряем друг друга взглядами.

— Я прикажу своим людям заковать тебя в цепи, если не умеешь сидеть на месте, — еще строже произношу я.

Он смотрит на меня так, словно уже какое-то время ждал именно этой фразы, и вдруг улыбается. Я чувствую, что начинаю дышать чаще.

— Ты поклялась, княжна, что оставишь меня вольным человеком, — говорит колдун, поигрывая ножом: ловко подбрасывает его в воздух и тут же мягко ловит за рукоять.

Я лихорадочно ищу подходящие слова, чтобы осадить наглеца, как Добрыня веско припечатывает:

— Покуда я служу Светлояру.

Колдун отворачивается и собирается пройти дальше, на заставу — одни боги ведают, что он там забыл. Даже не соизволил дослушать свою госпожу! Это заставляет кровь бурлить в жилах.

— И как же ты служил ему в лесах? — бросаю бунтарю в спину.

Добрыня оборачивается вполоборота:

— А так, Настасья: я узнал, что на дороге к Красному Яру засада.

Мои люди тут же начинают возмущенно шуметь: да где это видано? Этих велесовых детей не пустит в Светлояр с оружием ни один дозор! Я стискиваю поводья так, что белеют костяшки пальцев, и озвучиваю очевидное:

— Ты лжешь!

— Скоро увидим, княжна, кто окажется прав, — бросает Добрыня, скрываясь в воротах.

Он уходит в сторону конюшни. Мужчины в отряде хмуро переговариваются — мол, ловко вывернулся, тать лесной: и не подкопаешься. Выторговал себе волю вести себя как вздумается, да еще и княжну при всем войске на смех поднимает. Я сжимаю кулаки еще крепче. Хватит быть с этим человеком вежливой! Я уже давала ему шанс — принесла одежду, позволила самому ставить условия.

— Настасья... — я встречаюсь с тяжелым, усталым взглядом Ратмира.

Но вместо ответа я со всей силы бью пятками коня. Колдун не смеет вести себя так безнаказанно! Галопом влетаю во двор заставы, торможу коня у конюшни и в следующее мгновение оказываюсь на земле. Колдун разве что бровь изгибает. Он уже спокойно приладил на кобылу седло и теперь затягивает подпругу.

Я направляюсь к нему скорым шагом, так что плащ летит за мной по ветру, словно крылья. Добрыня поворачивается.

Мы оказываемся на расстоянии вытянутой руки.

— Княжна...

— Ты как-то связан с волколачьим колдовством? — перебиваю я. — Ты не должен врать своей госпоже!

Он делает шаг вперед. Встает практически вплотную. Я снова вдыхаю его потрясающий запах, который напоминает мне о свободе и весеннем лесе. Но сейчас он смешивается с жаром сильного мужского тела, и я чувствую, как меня прошибает дрожь...

Я отступила бы, если было куда, сердце ударяется о ребра так, что на миг становится больно. И проклятый колдун безошибочно пользуется моей заминкой.

— Заставь меня... захотеть рассказать тебе об этом, — хрипло выдыхает он, и его губы почти касаются моего уха.

Это звучит настолько бесстыдно и откровенно, что я мгновенно прихожу в себя. Секунда — и я вскидываю руку, приставляя лезвие кинжала прямо к его горлу.

— Отвечай!

Добрыня несколько мгновений смотрит на мою руку, как мне кажется, с затаенным восхищением, а потом упирается взглядом мне в основание шеи.

— Я не призывал волколаков на эти земли, — говорит он. — Можешь быть уверена, княжна.

Тогда я с силой нажимаю на лезвие. По белой коже скачивается алая капля, но он даже не вздрагивает. Не то что я... Перед глазами внезапно вспыхивают растерзанные тела

и... тот, кто их прикончил. *Я никогда не стану Змею парой. Я никогда не буду слабой!*

Мы с Добрыней скрещиваем взгляды.

— Я тебе не верю, — одними губами шепчу я. — Потому что ты хуже, чем бродяга. Ты — боярин, который однажды уступил чудищу, и с тех пор ненавидит самого себя...

За этим следует ослепительная вспышка боли в запястье. В мгновение ока он бьет меня по руке, выбивая лезвие. Кинжал со звоном отлетает куда-то в дальний угол конюшни. Лицо Добрыни искажается от ярости лишь на долю секунды, а затем вновь становится бесстрастным.

— Княжна, тебе нужно больше упражняться в поединках, — ровным голосом говорит он, перехватывая повод своей кобылы.

Я возвращаюсь к своему отряду, не сказав ни слова. Как я объясню мужчинам, что колдун говорил мне бесстыдные слова, выбил у меня оружие — и я не заставила его за это поплатиться? Батюшка велел бы немедленно его высечь. Но я сама не знаю, почему не отдала такой приказ.

Наградой мне стало выражение лица Добрыни, когда я бросила ему слова про потерявшего дом боярина. Это оказалось вкуснее самого изысканного блюда. В пути он не держится особняком, как я ожидала: сидит у костров, играет с гриднями в зернь и бабки, а еще травит им какие-то небылицы.

Вот что он за человек? Стоит только подумать о нем одно, как он тут же все напрочь переворачивает! От этих его загадок у меня беспокойно на душе.

Ратмир же перед сном на привале примирительно говорит мне:

— Не тревожься, княжна. Колдун дело свое знает.

Я замираю, не донеся ложку с похлебкой до рта. Что?! И Ратмиру этот тать успел полюбовиться? Не тем ли, что от верной смерти его спас? Кошусь на замотанный льном обрубок плеча своего воеводы и прячу глаза. Да, старого воина можно понять.

Но все же я нутром чувствую: колдун ведет свою игру. Не везу ли я сейчас в Красный Яр еще большую беду, чем вышгородцы?

Той же ночью Добрыня является мне во снах — и на сей раз это совсем не тот спокойный морок, что охранял меня от Змея. Теперь все иначе.

Я вижу его со спины: как он стягивает через голову рубаху, как скидывает порты и заходит в темную воду. А потом оборачивается ко мне и манит пальцем. И, что самое страшное, я не сопротивляюсь.

Я чувствую жар, тяжелой волной разливающийся по телу от одного его взгляда, и шагаю в воду следом за колдуном, лишь бы только остудиться. Он обнимает меня, крепко прижимает к своей груди и шепчет прямо в губы:

— Суженая моя... — а потом вдруг превращается в Змея!

Я резко вскакиваю в темноте, судорожно пытаюсь отдышаться, и выбираюсь из палатки на холодный воздух. Дозорные у костров тревожно провожают меня взглядами. Иду к обнаруженному еще вчера лесному озерцу, чтобы смыть с себя липкие остатки сна. Демьян, мой ближний гридень, молча отправляется следом.

У берега я первым делом зачерпываю горсть стылой воды и жадно пью. Сердце все еще заполошно бьется под самым горлом. Потом выпрямляюсь и жду, пока вода перестанет идти кругами, — хочу взглянуть на собственное отражение.

Меж тем перед глазами снова встает обнаженное тело колдуна. Не иначе как оно приснилось мне лишь потому, что этот нахал сам его несколько раз бесстыдно показал! И от этих мыслей что-то внизу живота снова сворачивается жгутиком, плотным клубком.

«Я никогда теперь не полюблю, нянюшка, — вспоминаются мне собственные детские слова после похищения. — Про каждого красивого молодца буду думать и бояться, что он Змей в человеческом обличье».

А она только ласково гладила меня по волосам:

«Полюбишь, ласточка, полюбишь. Придет твоя пора».

«А как я пойму, что пришла?»

Она тепло усмехалась:

«Поймешь... Посмотришь на него и сразу почувствуешь, как часто-часто забьется сердце, какой в груди разгорится жар...»

Но я же чувствую этот жар вовсе не в груди! Это не может быть...

По глади озера как нарочно начинают расходиться широкие круги. Я вскидываю голову и вижу на другом берегу Добрыню, который зачерпывает пригоршнями воду и умывается.

Я резко выпрямляюсь:

— Что ты тут делаешь?! — бросаю я через воду.

Нас с ним разделяет лишь небольшое лесное озерцо. За моей спиной Демьян привычно хватается за рукоять меча, но уже совсем не с такой готовностью, как еще пару дней назад.

Добрыня неторопливо утирает губы рукавом:

— Хочешь объявить, княжна, что я не имею права пить из твоих озер? — он чуть приподнимает подбородок и смотрит мне прямо в глаза.

— Мне не нравится, что ты ночами один бродишь по лесам, — мой голос звучит низко и угрожающе.

Добрыня распрямляется во весь свой рост и вдруг улыбается мне — так открыто, дерзко и хищно, что у меня внизу живота снова предательски екает.

— Я охраняю покой Светлояра, Настасья. И твой тоже.

Я невольно закатываю глаза к звездным кушам. Эту песню я уже слышала.

— Ловушка никуда не делась, — говорит он, сладко потягиваясь.

Ткань рубахи натягивается и потрескивает на его широ-

ких плечах, и я против воли шумно набираю в грудь воздух.

— Подумай об этом, княжна. Жалко будет людей зазря потерять.

Демьян хмуро провожает этого возмутителя спокойствия взглядом. На лице гридня отчетливо читается тяжелое замешательство.

«Ну вот, — мысленно фыркаю я с досадой. — И этого бойца колдун своими речами смутил!»

Интересно, зачем он все это делает?

Еще какое-то время я умываюсь холодной водой, но вскоре понимаю, что мне беспокойно. Внутри словно поселился тревожный зуд.

Поднимаюсь и киваю Ставру: я должна разговорить колдуна до того, как случится что-то нехорошее. Вдруг он и вправду что-то знает? Чует своей черной душой.

Нахожу его у костра. Добрыня как ни в чем не бывало откусывает вяленое мясо.

Почуввав движение, он переводит на меня вопросительный взгляд. Тогда я жестом отсылаю прочь собравшихся у огня людей. Лишь Ставр неслышно встает у меня за спиной.

Выражение лица Добрыни меняется с вопросительного на заинтересованное. На губах появляется довольная улыбка, когда он смотрит мне в глаза. Колдун устраивается поудобнее, вальяжно положив руку на колено. Он словно собирается поболтать со мной, как парень с девкой на завалинке, —

никакого уважения к тому, что перед ним хозяйка здешних земель!

— Не спится, княжна? — этими словами Добрыня бесцеремонно вырывает меня из мыслей.

Отвожу взгляд. Да уж, действительно не спится. А потом резко поворачиваюсь и смотрю колдуну прямо в глаза: нет, эту битву он не выиграет. Я здесь княжна, а он всего лишь возмутительный смутьян.

Поэтому я стараюсь принять максимально спокойную и гордую позу, сделать голос покровительственным и ровным — именно так меня учили в княжьем тереме разговаривать с послами.

— Откуда тебе знать, что ждет нас дальше, а?

Он улыбается еще хитрее, словно волк, глядящий на добычу, и я едва не вздрагиваю, вспомнив недавние его слова: «Заставь меня захотеть...» Тут же выпрямляю спину и откидываю косу назад. И отчего он такой своенравный?

— Ты должен говорить! — даже не замечаю, как подаюсь к нему. В нос бьет горьковатый запах степных трав. Он не отстраняется и как будто даже вытягивает руки, чтобы меня поддержать, но я вовремя вскидываю взгляд. Его глаза блещут холодной сталью. — Ты поклялся охранять Светлояр.

Он скупо кивает, как будто признавая, что в этот раз вынужден отступить, но — я ясно вижу по его взгляду — это не поражение.

— Я заговоренный, — он переводит взгляд в костер.

— Что? — я удивленно выпрямляюсь.

Тогда Добрыня как ни в чем не бывало подкидывает полено в огонь, враз становясь каким-то обманчиво домашним.

— Мать Сыра Земля, — неверные блики пламени пляшут на его лице, — дала мне эту силу.

— Ты колдун! — я едва не вскакиваю с места.

Он вскидывает голову и оборачивается ко мне.

— Называй как хочешь, Настасья... — и в этом тихом признании звучит напоминание о том, что я уже видела его мощь.

Точно, я ее чувствовала. Но подумать не могла, что Земля благословит еще кого-то, кроме нас с батюшкой! Тем более такого страшного человека.

Добрыня кидает в огонь новое полено.

— Я чую лихо, — ровно объясняет он. — И чем оно ближе, тем четче. Тебя я спасу, а вот насчет твоих людей — не ручаюсь.

С этими словами Добрыня поднимается и направляется прочь, широко потягиваясь.

— Ты куда?! — я не верю своим глазам. Я ведь не позволяла ему уходить!

Он оборачивается вполоборота:

— Княжна, я должен выспаться, чтобы долг свой перед тобой выполнить.

— Ты будешь защищать и остальных, — шиплю я, вскакивая следом. — Потому что никто тебя моим ближним-grid-

нем не назначал!

На сей раз он разворачивается полностью и выглядит если не задетым, то явно озадаченным.

— Мой ближний гридень, — с нажимом продолжаю я, чувствуя, что моя взяла, — должен быть умнее и ловче всех других.

Он усмехается. Похоже, этот наглец вот ничуть в себе не сомневается.

— И доказать это в бою, — Добрыня распрямляет плечи, выслушивая мои условия.

— А еще он должен выглядеть так, чтобы смотреть на него было приятно! — припечатываю я.

И, круто развернувшись, возвращаюсь в собственную вежу с чувством полного, абсолютного удовлетворения. Наконец-то я сполна ответила ему за тот позорный разговор!

Во время нашего дальнейшего перехода он поразительно сосредоточен, как будто постоянно настороже — и меня поражает, что Добрыня действительно ведет себя так, как если бы был моим ближним гриднем. И мне приходится признать, что в этой роли он кажется сильнее всех тех, кого мой батюшка когда-либо ко мне приставлял.

«Но почему тогда Микула его выгнал?» — колет под ребром. Как пить дать, батюшка знал о нем что-то такое, что делает колдуна ненадежным или опасным.

Я крепче сжимаю поводья и тут вижу, как к нам возвра-

щаются дозорные.

— Матушка-княжна, — тревожно говорят они, — впереди болото.

Вскоре весь отряд оказывается на берегу странно разлившейся реки. Когда мы проезжали здесь седмицу тому назад, в низине был крепкий мост и весело звенела мелкая речушка.

— Да вроде неглубокое, — говорит один из самых молодых гридней, спешиваясь и уже стягивая коня за повод к воде.

Как вдруг впереди него оказывается Добрыня. Он поднимает с земли тяжелую палку и единым усилием швыряет ее в центр болота. Все мы видим, что та не плывет. Темные воды с хищным шипением мгновенно поглощают дерево.

Мои спутники переглядываются, и тут слово берет колдун.

— Непростая это вода, заговоренная, — он смотрит мне прямо в глаза, чеканя каждое слово. — Кто-то, княжна Настасья, очень обидеть тебя хочет. Дальше по тракту ходу нет!

В моем маленьком отряде начинается ропот, ведь единственный путь до Красного Яра теперь лежит через Мертвую Падь. То самое проклятое место, куда Змей годами таскал женщин и детей, пока не пришел мой батюшка и не заключил с Матерью Сырой Землей уговор: он будет заботиться о Земле, сделает ее плодородной, люди станут приносить ей дары, а та взамен поглотит и скует супостата.

Так и засыпало чудище в его гнилом логове, и держала его сила Микулы, пока...

Я вынырываю из прошлого, ловя на себе внимательный взгляд Добрыни. Передергиваю плечами и бодро командую: — Едем.

В конце концов, Змей не вернулся в свое старое логово, когда я по глупости и неосторожности открыла дверь его темницы.

Только этого не хватало — разуверить в своей силе колдуна, который наблюдает за мной с нескрываемым интересом! Судя по всему, то лихо, которое чуял Добрыня, и есть эта разлившаяся мертвая река. Вот вернусь в стольный Красный Яр и прикажу отыскать того, кто такими черными заговорами промышляет. А пока надо держаться.

Отряд трогается, и мы направляемся в глубокий стылый овраг, разрезающий непроходимый лес, что лежит на дороге к столице.

Люди тут почти не ездят, боятся с мертвецами встретиться. Но — я обвожу взглядом свой вооруженный отряд — кажется, я надежно защищена. Чего бояться памяти столетней давности?

Но стоит нам спуститься в падь, как отовсюду наползает удушливый сизый туман. Кони начинают ржать и хрипеть, а из глины поднимаются покойники...

Глава 5. Чародейка

Я с ужасом смотрю на то, как мой отряд рассыпается: лица гридней дико искажаются, и вот уже один заносит меч на другого с безумным криком:

— Навье отродье!

Меня сковывает ледяной ужас. Я вижу, как мои верные люди превращаются в покойников прямо на глазах: их кожа синееет, глаза глубоко западают, волосы начинают вываливаться клоками, а острые кости рвут кожу изнутри.

Зажмуриваюсь и испуганно твержу себе:

— Это не по-настоящему. Это не так страшно.

Княжий ведун Радогост рассказывал мне в детстве о морах. Если верить старому волхву, именно так они и выглядят.

И тут мимо проносится Добрыня, грубо вырывая меня из оцепенения. Колдун уже прыгнул с коня. Он с размаху бьет в челюсть того, кто посмел замахнуться оружием на своего брата — одурманенный гридень отлетает в грязь.

Второго он тоже умело скручивает. Я заторможенно наблюдаю за единственным человеком, который не поддался черному колдовству.

А навьи тем временем уже тянут ко мне руки. Конь подомной дико храпит, перебирая ногами. Я изо всех сил натя-

гиваю поводья, лишь бы удержать животное, не дать ему сорваться в слепой галоп и переломать ноги. Да и не могу я бросить своих людей... наедине со всем этим кошмаром.

— Княжна! — долетает до меня хлесткий голос Добрыни.
— Выверни плащ, скорей!

Я машинально слушаюсь, ругая себя последними словами за то, что сама не вспомнила старый способ бороться с темной волшбой. Я же их княжна! Это должна была сделать я, а не беглый ушкуйник.

Быстро переворачиваю тяжелую ткань шкурой наружу, и в тот же миг мои люди снова становятся нормальными. То же самое делает Ратмир и еще несколько гридней — догадались и без меня.

— Берегите княжну! — властно командует им Добрыня.

Я смотрю вниз. Морок спал с дружины, но сама навь никуда не подевалась. Покойники плотным кольцом обступили моего коня, тянут свои сгнившие руки, беззвучно моля спасти их от Змея.

К горлу подкатывает удушливая волна тошноты, когда перед глазами вспыхивают горы тел в его лежище.

В голове бьется только одна мысль: «Я должна двигаться. Должна действовать. Я не могу вечно оставаться жертвой!»

Ударяю пятками коня, выхватываю меч и с размаху рублю сгнившие головы, руки, скрюченные пальцы. Тошнота не отступает, кажется, меня вот-вот вывернет наизнанку, но в этот миг издалека долетает рык:

— Я достану кознодея, что Настасью задумал взять!

Это Добрыня. И тут меня словно молнией прошивает: он хочет спасти мне жизнь на глазах у моих же людей.

Так вот для чего он с гриднями моими брался и клятву не обманывать его с них брал! Я должна была раньше догадаться! Добрыня с самого начала знал про колдуна в Мертвой Пади. Он просто ждал момента, чтобы эффектно отдать долг и освободиться!

Я бью коня что есть сил. Жеребец пятится, но затем срывается в галоп, прорубаясь сквозь мертвые тела, сбивая призраков своей широкой грудью. Мерзкая слизь летит во все стороны. Сквозь это марево я вижу, как колдун уже карабкается по крутому склону оврага.

Спрыгиваю на землю.

Ну нет, я не отпущу его просто так! Выбью из него правду: что он задумал и зачем вообще подал мне ту весть о засаде!

В какой-то миг Добрыня оглядывается вниз — и такого искреннего изумления я никак не ожидала увидеть на его лице.

— Настасья?!

Мой сапог срывается со склизкого корня, но он успевает перехватить мою руку.

— Порчи не боишься? — рычит он.

Добрыня дергает меня на себя с такой силой, что мы оказываемся совсем близко. Густой запах степных трав и стали снова бьет мне в нос.

— Заговоренный здесь только я, — его лицо сейчас ближе дозволенного.

Делаю резкий рывок назад, упираясь свободной рукой ему в грудь.

— Именно поэтому я не дам тебе уйти просто так! — в ответ рычу я. — Пока не расскажешь мне всё, что знаешь. Зачем пришел, почему меня спас, как с отцом моим поссорился, и что ты забыл здесь сейчас!

Его серые глаза хитро блестят в полумраке.

— Пока не захочешь рассказать, — с нажимом прибавляю я.

И вот тут на лице Добрыни проскальзывает растерянность. Кровь на мгновение отливает от его щек.

Но договорить мы не успеваем: на нас сверху градом начинают сыпаться тяжелые комья глины. Добрыня с раздражением выпускает мою руку и продолжает карабкаться наверх.

— Мешаешь, княжна!

Я стараюсь не отставать.

— Он же людей твоих положит! — оглядывается через плечо Добрыня, когда я с трудом перекидываю свое тело через край оврага.

Выпрямляюсь, тяжело дыша:

— А что, если ты с ним заодно? Привел нас всех сюда, чтобы освободиться! — бросаю я в лицо колдуну.

Он выглядит одновременно пораженным и раздосадован-

ным. А потом резко бросается на меня, прижимает к себе, и мы валимся на траву. Первая моя мысль: какой же он тяжелый.

Лишь через секунду в воздухе над нами свистит стрела, и я понимаю, что Добрыня закрыл меня своим телом. Меня вдруг укрывает тем самым забытым чувством безопасности, которое я ощущала много лет назад в его руках.

Я, кажется, даже касаюсь его рубахи — движение неосознанное, скользящее, но я чувствую, что он его замечает.

— Что делает с тобой, девица, этот супостат? — вдруг звучит голос, странно искаженный глухим шлемом.

Добрыня отрывается от меня и единым, текучим движением выхватывает меч. Выглядываю из-за его плеча и с огромным удивлением вижу витязя: он весь в сияющей броне, разодет, как столичный богач. По ветру вьется красный плащ.

— Я пришел спасти тебя, Настасья, — чуть ниже произносит это чудо.

— А вот и тот, кого мы искали, — хищно скалится Добрыня, кидаясь на моего «спасителя».

— Колдун?! — ошарашенно вырывается у меня.

Но он же одет как... как богатырь! В сознании промелькивает почти забытое слово. Так в древности звали воинов, призванных защищать простых людей от чудовищ вроде Змея. Поговаривают, те обладали непревзойденной силой, и ранить в драке их было нельзя.

Только вот почему-то в наших краях они давно перевелись.

Словом, тот, кого мы искали, выглядит как легендарный богатырь из сказок нянюшки.

— Княжна не просила тебя о спасении! — заявляет в этот миг Добрыня.

Его меч проходит по широкой дуге, едва не задевая шею витязя.

— Ты-то, Перун тебя раздери, откуда взялся?! — шипит богатырь, поспешно отступая.

— Не твое собачье дело, — Добрыня легко подныривает под замах, метя в грудь противнику, но его клинок снова лишь со скрежетом царапает чужую кольчугу. — Лучше сам назовись.

— Пошел к чертям!

Богатырь двигается тяжело и медленно. В то время как движения Добрыни сильные, экономные, плавные. Но ни одно из них, как ни странно, не достигает цели.

— Богатырь... Заговоренный, — потрясенно шепчу я.

И тут перед глазами встает воспоминание: батюшка сидит у моей постели после того, как я вернулась от Змея, и гладит меня по голове.

«Я найду тебе настоящего богатыря, и тот наконец прикончит проклятого Змея».

Добрыня на долю секунды оборачивается, и в этот миг меч противника достигает его щеки, оставляя на ней яркую кро-

вавую полосу.

А я стою как громом пораженная: что, если батюшка не пропал? Что, если князь Микула прямо сейчас выйдет из-за деревьев и скажет, что разыскал этого воина из старых преданий? Нашел где-то в чужой земле и прислал за мной?

— Кто ты без своих оберегов?! — зло шипит Добрыня и снова бросается на противника.

Тот грузно пятится, и у меня создается стойкое впечатление, что и меч, и кольчуга ему непомерно тяжелы. Разве такими бывают непобедимые воины?

— Девчонку просто отдай, — пыхтит богатырь. — Тогда не пострадаешь.

— Ха! — выдыхает Добрыня. В этот момент над его ладонью вспыхивает призрачный огненный коготь. Он с силой замахивается и испаривает кольчугу противника до самого мяса.

В тот же миг наземь с жалобным звоном падает разрубленная связка оберегов.

— Ты об этом пожалеешь! — срываясь на визг, орет богатырь, хватаясь за рану. — Оба! Пожалеете!

Он бросает тяжелый щит и меч, почти бегом скрываясь в зарослях.

Добрыня же тяжело дышит, замерев на месте и глядя в землю. Я подскакиваю к нему и вижу, как жутко изменились его глаза: зрачки сузились, став хищными, птичьими.

Я не решаюсь коснуться его плеча. Теперь я еще больше

уверена: колдун — не человек. Но он и не дух, и не бог. Что же он тогда такое?!

В этот миг Добрыня шумно втягивает воздух и приходит в себя. Его глаза снова становятся человеческими.

— Думаешь, это всё, Настасья? — глухо спрашивает он.

И от этих слов я леденею.

«Убить всех, кроме девки!» — доносится до меня, и тут я понимаю, что это кричит точно не богатырь. По крайней мере, не тот, кого обещал прислать мне мой батюшка.

— Кому он это сказал? — шепчу я, но Добрыня слышит.

— Колдунам, что Мертвую Падь прокляли. Или думаешь, этот юродивый всё один сдюжил?

Земля под ногами начинает дрожать. Я оборачиваюсь, вижу, как осыпаются стены оврага, и бросаюсь туда.

— Нет! Там же мои люди! Дядька Ратмир!

— Настасья! — Добрыня пытается ухватить меня за плечо. — Надо уходить!

Я отбиваю его руку.

— Да как ты смеешь?!

Вижу, как бледнеют его щеки.

— Ты или не ты просила тебя спасти? — его глаза блестят сталью. — Я предупреждал, что всех не выведу. Не по чести мне лукавить, я с самого начала всё сказал.

— Ты ел с ними с одного ножа, кости кидал... — чувствую, как дрожат губы. Но не от сдерживаемого плача, как тогда, со Змеем, а от ярости, которой я сейчас не желаю да-

вать выход. — Душегуб.

Он отшатывается, словно только что получил пощечину.

— Мое место с теми, кто клялся моему батюшке в верности.

Добрыня не успевает схватить меня за руку — я падаю на колени от очередного толчка. Не знаю, чего он хотел — быть может, закинуть на плечо, оглушить, а потом нести прочь и требовать со Светлояра выкупа. С него станется.

Но я этой земле хозяйка. Мой батюшка клялся собственной кровью, что защитит каждого, кто под его руку придет, и научит жить в мире с Землей.

Настало время и мне скрепить эту клятву.

Я припадаю к сырой земле и шепчу:

— Послушай меня, Матушка. Дай силу, как Микуле давала. Позволь мне, его крови, служить тебе.

В этот миг первородная мощь вливается в мои вены, и я распрямляюсь. Даже Добрыня испуганно отступает, глядя на меня во все глаза.

— Настасья... — шепчет он.

А я чувствую, как катятся по щекам слезы. Раз Мать Сыра Земля приняла мою клятву — значит, нет больше батюшки. Сгинул. Я так боялась оказаться недостойной, боялась, что сломаюсь, если попробую взвалить на себя такую ношу... Даже помыслить не смела о том, чтобы предложить клятву Земле.

Но сегодня у меня не осталось выбора. Я или выжгу это

зло, или лягу тут со всеми.

Я чувствую, как моя воля вытравливает, вычищает чужую чародейскую гниль, как разверзается почва, затагивая в себя поднятых покойников.

А потом связь обрывается.

— Не будет больше в этой земле богатырей, — последнее, что я успеваю прошептать, прежде чем меня накрывает тьмой.

Я прихожу в себя от мерного покачивания — и тут же к горлу подступает тошнота. Дурнота накатывает с такой силой, что я невольно сгибаюсь пополам.

Меня немедленно перехватывает крепкая рука — надежно, как в забытом детском сне.

— Худо тебе, княжна? — раздается над самым ухом его низкий голос.

В памяти вспыхивает наш последний разговор, его жестокие слова, и я с ужасом решаю, что этот предатель все-таки исполнил задуманное — выкрал меня.

— Пусти, тать! — хриплю я, извиваясь в попытке вырваться.

— Убьешься же, — цедит сквозь зубы Добрыня. Он натягивает поводья, спрыгивает наземь и почти силой ссаживает меня с седла. — Вот так, Настасья.

Ноги меня почти не держат, и колдуну приходится меня подхватить. Оглядываюсь: надо мной уже шумит молодая зе-

леная листва. Весна в наш Светлояр всегда приходит раньше, чем в соседние княжества. Краем глаза замечаю свою дружину — и никак в толк не возьму, как они здесь очутились.

Ратники смотрят на меня чудно — во взглядах мешаются и глубокое почтение, и тревога.

Отталкиваю от себя Добрыню.

— Никто не позволял тебе ко мне прикасаться!

Он на миг сурово сжимает губы. А я упрямо вздергиваю подбородок. Боги, теперь-то я вижу в нем уязвленную гордость! Поразительно, что она вообще у этого человека есть.

— Настасья, — подает голос дядька Ратмир, грузно спрыгивая с коня рядом с нами. — Это он вынес тебя к нам на руках. Ты едва дышала. Он от тебя не отходил, травами отпаивал.

Несколько мгновений я сверлю дядьку взглядом, до боли стиснув зубы. Как же тошно от того, что он за этого наймита заступается!

— А до того он готов был бросить вас всех в Мертвой Пади на верную смерть! — зло выдыхаю я. — Думайте, кому верите!

Перевожу взгляд на Добрыню и вижу, что он в ярости. Ну надо же, проняло. Только чем?

— Я мог бы увезти тебя в чашу, — бросает он, и голос его звучит низко, с угрозой. — Но предпочел вернуть своим.

Коротким кивком он указывает на широкий тракт впереди. И что хуже всего — никто из моей дружины этому нагле-

цу слова поперек сказать не смеет. От этого кровь закипает пуще прежнего.

— Что ж, коли ты выбрал службу Светлояру, — ледяным тоном чеканю я. — Значит, должен знать свое место.

С этими словами я прохожу мимо, чувствуя спиной его тяжелый, нечитаемый взгляд.

Добираюсь до Светлояра я в седле, хотя это и стоит мне нечеловеческих усилий: меня то и дело мутит, перед глазами плывут темные круги, и тело так и норовит завалиться на переднюю луку седла. Я постоянно ловлю на себе встревоженные взгляды собственной дружины, но не позволяю себе слабости. Сижу прямо.

Они уже знают, что я принесла клятву Матери Сырой Земле — они чувствовали это там, в Мертвой Пади, — и теперь не должны видеть, что эта древняя магия выпила из меня все силы до дна.

Добрыня держится в хвосте отряда и смотрит на окружающие земли с непередаваемым, тяжелым выражением. Иногда я задумываюсь: что он должен чувствовать, возвращаясь сюда спустя столько лет? А потом зло гоню от себя эти мысли — да какая разница! Главное, чтобы он вновь не сотворил того, из-за чего моему батюшке пришлось гнать его взашей.

И вот тракт выводит нас к перепутью, где высятся четыре древних чура, вырезанных прямо в стволах живых, не срубленных под корень деревьев — суровые лики Макоши, Ма-

тери Сырой Земли, Перуна и Велеса. Дальше начинаются поля, отсюда уже совсем недалеко до стольного града.

Ратмир привычным жестом бросает в деревянную чашу перед идолами горсть медных кун. Иные ратники спешиваются, снимают шлемы и приветствуют своих богов, благодаря за то, что воротились живыми.

Я и сама невольно улыбаюсь. Ранняя весна — время гибельной распутицы. Туда мы ехали по черному бездорожью, утопая в ледяной грязи, а обратно земля под копытами как будто схватилась, подсохла. Сначала я думала, что мне это только кажется.

Но стоит миновать чуров, как вековые ветви надо мной тяжело, почтительно сгибаются. В лицо ударяет свежий, влажный ветер, пахнувший нагретым черноземом — и тут я окончательно понимаю, что Мать Сыра Земля откликается на мою кровь не единожды.

Когда мой конь ступает на тракт меж едва вспаханных весенних полей, я наконец вижу дорогу на много верст вперед. Вязкая грязь прямо на глазах затвердевает, послушно ложась под копыта монолитной твердью. Земля слушается меня, как свою Хозяйку.

Это удивительное открытие вдруг вливает в меня новые силы. Я — полноправная владычица Светлояра. Как бы ни сомневался во мне отец, я всё-таки смогла стать его достойной.

Но тут же мысль о гибели батюшки ложится мне на плечи

неподъемным, каменным грузом. Не радуют даже крестьяне, собирающиеся по обочинам тракта. Завидев стяг, они бросают работу, стягивают шапки и падают на колени прямо в талый снег. Они прикладывают испачканные ладони к земле и ко лбам, в благоговейном ужасе приветствуя ту, кого признала сама почва. А я смотрю на них и с замиранием сердца думаю о том, как должна буду выйти к боярам и сказать, что князя Микулы больше нет.

И вот мы приближаемся к столице. Мой родной Красный Яр выстроен на алом глиняном кряже, на высоком берегу реки Червлёны. Река эта широкой лентой течет дальше, в земли Вышгорода — по ней, видимо, и приплыли к нам его посланцы, ибо весной по нашему раскисшему чернозему никому из чужаков не проехать.

Мстислав — еще одна дурная весть, с которой предстоит разобраться.

Я поднимаю голову и смотрю на исполинский земляной вал детинца. Он укреплен не только вбитыми дубовыми срубам, но и вековыми деревьями, чьи корни намертво прошили красную глину, превратив стену в живой монолит. Их кроны уже зеленеют первой листвой. Здесь наше место силы. Здесь мой отец принес свою клятву, и здесь, укрывая нас, вечно будут дуть теплые ветра.

Я трогаю коня пятками, предвкушая, как посмотрю в лицо Мстиславу. Пока он думал, что в Красном Яре сидит испу-

ганная девчонка, ослабевшая без защиты отца, он смел надеяться, что подчинит Светлояр страхом. Но теперь, когда нас снова держит сама Земля, никто больше не решится грозить нам оружием.

Это единственное, что греет мне душу после исчезновения батюшки. У Светлояра снова есть защита. Защитница. И это я.

Краем глаза замечаю Добрыню. Если бы не этот наглый дикарь, я бы, наверное, так и не отважилась обратиться к Земле. Но он разозлил меня настолько, что я была готова на худшее, лишь бы доказать, как низко он пал.

Пожалуй, надо быть выше этого. Надо проявить к нему княжеское милосердие.

Но тут колдун, словно почувствовав мои мысли, вдруг спрыгивает с коня, преграждая дорогу.

— Ну вот я тебя и доставил в целости, княжна, — нагло заявляет он.

Я теряю дар речи. То есть это он меня доставил?! А моя старшая дружина, выходит, просто мимо проезжала?

А Добрыне этого мало.

— Жду платы, — чеканит он, глядя мне прямо в глаза.

— Да как ты смеешь?! — вырывается у меня сквозь сцепленные зубы.

Я бросаю разъяренный взгляд на Ратмира, ища поддержки, но старый воевода вдруг отводит глаза.

— Да ведь он прав, княжна, — тяжело роняет дядька. —

Жизнь твоя дорогого стоит. Кабы не его меч, так бы и легли мы все в Мертвой Пади.

Я со свистом втягиваю воздух. Да ведь это я всех спасла! Но ратники молчат. Они-то уверены, что это колдун справился — ведь это он бросился в лихо, он вынес меня из оврага на руках. Никак я им сейчас не докажу, что сама сбросила морок, — я вернулась слишком слабой, бледной, как смерть. А ругаться и кричать на площади — не по-княжески. Мой батюшка, хоть и вышел из простых пахарей, никогда себе такого не позволял.

Он всегда хотел видеть меня ровней столичной знати, не хуже какой-нибудь Забавы, вышгородской княжны.

Опускаю глаза и вижу собственные побелевшие костяшки — так крепко я вцепилась в поводья.

— Дай ему гривну серебряную, — с трудом выдавливаю я, глядя на казначея. — И пусть проваливает.

— Даже в мыльню его не позовешь, княжна? С гриднями после похода кости погреть? — усмехается в усы Ратмир.

Еще чего! Да откуда этому бродяге столько чести?

Но Добрыня лишь равнодушно пожимает плечами, подбрасывая тяжелый слиток на ладони:

— Мне посадские бани больше по душе.

Младшие гридни тут же оживляются, гогочут и советуют ему заглянуть в Нижние Ряды, к вдове Малуше, которая «так в баньке отпарит, что до утра со двора не выйдешь». Я прекрасно понимаю, что это значит. Значит, эта девка устроит

ему жаркую, полную ласк и бесстыдных стонов ночь.

Я не раз слышала, о чем шушукаются по углам охочие до гридней санные девки, и знаю, как они обсуждают то мужское достоинство, что воины прячут в портах. Но стоит мне только представить вдовушку и колдуна вместе, как щеки и шею обжигает краской — и я не знаю, от злости это или от постыдного внутреннего жара.

Резко быю коня пятками, направляя его в распахнутые ворота. Да какое мне дело до того, что этот негодяй будет там вытворять?! Наверняка он без одежды просто ужасен, весь в шрамах и грязи... Хотя перед глазами тут же предательски вспыхивают очертания литых мышц, которые колдун мне, ничуть не стесняясь, демонстрировал.

Не знаю, что он там прячет в портах, но... я совершенно точно обязана знать, что он не замыслил никакого лихого дела на моей земле!

Подзываю к себе молодого гридня Ставра и тихо приказываю:

— Ступай за ним. И глаз не спускай. Убедись, что дурного не сотворит. Ты же помнишь, как поступил с ним мой батюшка?

— А если сотворит, княжна? — хмурится Ставр.

— Тут же и пореши, — отрезаю я.

Выпрямив спину, я посылаю коня к детинцу. Мать Сыра Земля признала меня, но теперь я должна и перед людьми предстать истинной правительницей. Иначе не миновать

Светлояру кровавой смуты.

Я направляю коня в детинец, минуя кланяющихся горожан, и собираюсь с духом. Мне предстоит самое трудное за сегодняшний день: принять долю отца.

С тяжелым сердцем я подъезжаю к княжескому терему. Здесь, в самом сердце крепости, исчезает весенняя стылость — я чувствую, как дуют теплые ветра, а над головой тихо звенит зеленая листва.

На крыльце собрались старшие бояре, тысяцкий Путята и княжий волхв Радогост в окружении служек. Где-то вдалеке охает Марфа, моя нянька.

— Как княжна-то бледна! — испуганно вторят ей сенные девки.

Нет только вышгородцев, но это и понятно: кто ж допустит чужаков до тайнства?

— Не княжна она уже, — глубоким, ровным голосом обрывает причитания Радогост. Он спускается навстречу и обращается ко мне: — Подойди, дитя. Не бойся. Пора показать тебе, где бьется сердце Светлояра.

Я с трудом перекидываю ногу через седло и спешиваюсь. Ноги все еще плохо держат, дрожат от слабости. Бояре с напряжением, оценивающе следят за моей осанкой, но Радогост вовремя подставляет локоть, не дав мне даже пошатнуться.

Волхв выглядит седым старцем, но держится прямо, а ру-

ки его крепки, как дубовые корни.

— Ох! — снова не выдерживает Марфа. — Дайте же ей с дороги хоть воды напиться!

Кто-то шикает на няньку. Я пытаюсь найти ее взглядом — эту женщину, что кормила меня молоком, а потом долгие ночи сидела у моей постели. Она мне все равно что вторая мать. Но Радогост тянет меня за собой.

— Не время сомневаться, Настасья, — тихо, но властно говорит он. — Раз дала клятву Матери Сырой Земле, надобно ее закрепить. А то сила-то твоя в землю ушла, а обратного тока ей пока нет.

Я судорожно выдыхаю и готовлюсь к неизбежному.

Волхв уводит меня во внутренний двор княжеского терема, куда никому, кроме самых ближних, нет ходу. Денно и ночью этот проход стерегут лучшие люди отца — и сейчас они расступаются, почтительно опуская головы.

Я останавливаюсь на краю земляной чаши и смотрю наверх, на гигантскую крону Прадуба. Именно здесь мой батюшка много десятков лет назад принес свою клятву, ту самую, что сделала его почти бессмертным. У Земли было лишь одно условие — не делить эту силу, не рожать неразумных детей, дабы не распорядились они древней мощью впустую...

Я чувствую, как к горлу подкатывает тошнота.

Ведь это я виновата. Мое появление на свет нарушило уговор.

Радогост тем временем ведет меня вниз по выдолбленным в красной глине ступеням. Вокруг сплетаются вековые, пульсирующие теплом корни. И вот я вижу белый камень-Алатырь, зажатый у самого основания дерева, скрепившего клятву нашего рода. А из-под камня бьет родник.

Радогост опускается на колени, черпает воду берестяным ковшом и протягивает мне.

— Это сила Земли, — говорит он. — Вода живая.

Я замороженно смотрю на темную гладь. Знаю, что батюшка пил ее каждую весну, целый ковш. Давал ее и самым верным своим людям — тем, кого Земля принимала. Так и появились в Светлояре небывалые долгожители. Так пошла слава наших земель, и благодарный люд нарек Микулу князем.

— Пей! — Радогост подносит ковш к самым моим губам.

А я вспоминаю, как отец стоял со мной здесь, у этих самых корней. Вспоминаю свой детский вопрос:

— Ну почему мне нельзя наружу, батюшка?

Микула тогда ухмыльнулся и положил свою огромную, тяжелую ладонь мне на плечо.

— Не бойся. Сможешь уйти отсюда, Настасьюшка, но только как выдам тебя замуж...

— Почему замуж? — нахмурилась я.

Он ласково щелкнул меня по носу:

— А чтоб не утащил тебя никакой Змей. Найду тебе в мужья богатыря.

— Так перевелись они, сказывают.

— А я отыщу. Не кручинься.

Я тогда думала, что он шутит. А сейчас Микулы нет. Я осталась совсем одна и не знаю, простит ли Земля мое существование — само предательство ее древнего договора.

Зажмуриваюсь и делаю глоток.

Жидкость, ледяная и тягучая, как смола, прокатывается по глотке. А в следующее мгновение мои вены словно вспыхивают огнем. Грудь до краев наполняет яростный ветер. Я внезапно осознаю, что слышу всё: как шумят бескрайние леса Светлояра, как ждут солнца готовые заколоситься луга, как реки — кровь Земли — пробиваются подо льдом, взламывая тающую корку.

Этого становится так много. Дыхание огромной, живой земли переполняет мое сознание, вытесняя мысли, и я падаю, как подкошенная.

Сквозь мутную пелену вижу, как Радогост склоняется надо мной, заслоня крону. Он гладит меня по щеке шершавой, горячей рукой.

— Вот теперь ты княгиня, а не княжна, — глухо доносится до меня его голос. А затем он оборачивается и кричит кому-то наверх: — Снесите Настасью в мыльню!

Окончательно прихожу в себя уже посреди густого, пахнущего полынью пара и плеска воды. Марфа жестким лыком растирает мне спину.

— Вот так, княгинюшка, — приговаривает она, окатывая меня горячим травяным отваром. — Радогост сказывал, вода да жар тебе ныне нужнее хлеба.

Нянька помогает мне сесть на скобленную лавку. Я упираюсь локтями в острые колени, прячу лицо в ладонях и чувствую, что плечи начинают неистово дрожать. Только сейчас, в этой душной, безопасной мыльне, до меня до конца доходит страшная мысль: Микулы больше нет. Батюшка не войдет тяжелым шагом в терем, не пожурит меня и не погладит по голове своей огромной ладонью.

Сенные девки испуганно замирают с шайками в руках.

— Чего ревешь, Настасьюшка? — Марфа тут же цыкает на них, отсылая прочь, и тяжело опускается передо мной на колени.

Я лишь размазываю по щекам злые, горькие слезы. Я знаю, что только здесь, рядом с женщиной, заменившей мне мать, я могу позволить себе быть слабой девчонкой. Потому что сегодня вечером на настоловании в Гриднице, перед дружиной, боярами и этим вышгородским змеем Мстиславом, я обязана буду стать истинной княгиней.

Марфа прижимает меня к своей широкой, теплой груди, упирается подбородком мне в макушку и шепчет, мерно покачивая:

— Полно, полно, княгиня-матушка... Не кручинься. Светлояр при тебе пуще прежнего засияет. А как призовешь себе мужа, достойного почившего князя, так и вовсе беда

отступит.

Услышав это, я резко выпрямляюсь. Замуж? Да меня от одной мысли об этом тошнит! Во всяком случае, если вспоминать сальную улыбку Мстислава.

Марфа правильно понимает мой гнев и, вновь принявшись тереть мне спину, успокаивающе ворчит:

— Да вышгородский заморыш теперь и зубы скалить не посмеет. Не за него тебя батюшка прочил! Сыскал-таки он тебе в мужья северного ярла, Ингвара. Единственного, кто воистину достоин руки Владычицы Светлоярской. Вот теперь самое время за ним гонцов слать. Уж он-то быстро спесь собьет с этого Берендеева сына.

Я упираюсь невидящим взглядом в темную, распаренную бревенчатую стену. Пытаюсь представить себе этого Ингвара — человека, которого я должна буду назвать мужем. Но воображение упорно отказывается рисовать сурового воина с выбритыми висками и ледяным взглядом.

Вместо него перед глазами стоит наглый, дьявольски красивый дикарь, которого я сама же подобрала на заставе.

Я слишком живо представляю, как Добрыня сейчас развалился на полке в посадской бане. Как раздетые догола, румяные вдовушки гладят его влажную кожу, как их руки скользят по литым мышцам и шрамам. Как они смеются и, быть может, целуют эти самые губы, с которых то и дело капает яд насмешек...

Мои кулаки сжимаются сами собой, ногти до боли впива-

ются в ладони.

Он ведь совершенно точно замышляет дурное! — торопливо объясняю я сама себе эту внезапную вспышку ярости. Глупо было отпускать колдуна в посад одного, с целой гривной серебра в кармане. Ну ничего. Вот выследит его Ставр, кликнет младших гридней, и уж они-то быстро покажут этому бродяге, как не уважать княгиню Светлоярскую!

Глава 6. Бережец

Прогулка в посад была всего лишь предлогом. Добрыня уходит всё глубже в хитросплетение узких улочек Нижних Рядов, где селится рабочий люд, пока наконец не находит достаточно безлюдное место.

Город тем временем гудит и ликует. Возвращение связи с Землей пьянит местных куда сильнее, чем пугает весть о пропаже прошлого правителя. Пока Добрыня шел мимо корчм, его пару раз едва не окатили талой водой на счастье и чуть не всучили ковш с медом — людей не отпугнул даже его мрачный, запачканный вид. Он лишь глубже закутался в рваный плащ, уходя от поющего и смеющегося люда. Дороги в посаде на глазах менялись — вязкая весенняя грязь подсыхала прямо под ногами, становясь упругой твердью, совсем как тогда, когда Настасья выехала на тракт.

Добрыня задирает голову и смотрит на крыши. Дерн на них зеленеет прямо на глазах, пробиваются крошечные пятна первоцветов. В Красном Яре вдруг становится ощутимо теплее, чем за стенами, где еще лежит стылый снег. Воздух полнится пряным запахом влажной земли, и со всех сторон заливаются птицы. На краткий миг его сердце сбивается с ритма. Здесь *хорошо*. Бездомный, битый жизнью бродяга вдруг с пугающей ясностью осознает, что ему здесь нравится.

Он зло скалится, заставляя себя опустить взгляд. Добрыня смотрит на чавкающий чернозем, проступающий меж дубовых гатей, и кривится. У него когда-то был лишь один дом, и он твердо пообещал себе больше ни к чему не привязываться.

Тяжелую, неуклюжую поступь Ставра он заметил уже давно. Гридень топает так, что слышно за сто шагов. Добрыня скрывается в глухом, сыром тупике меж двух амбаров и сливается с тенью. Когда Ставр суется в переулочек, озираясь по сторонам, Добрыня бьет.

Он делает бесшумный, хищный рывок из слепой зоны. Жесткий удар под колено заставляет Ставра потерять равновесие, а стальная хватка на ворота не дает упасть. Добрыня с силой впечатывает гридня спиной в бревенчатую стену — так, что из груди парня со свистом вылетает дух, а затылок глухо стучается о дерево. В ту же секунду лезвие тяжелого ножа ложится Ставру прямо на кадык, а колено Добрыни намертво пригвозждает его к срубу.

Ставр судорожно хватается ртом воздух, с ужасом скашивая глаза на сталь у своего горла.

— Зачем по моему следу шел? — тихо шипит Добрыня. Пойманный гридень тяжело сглатывает.

— Не гневайся... — выдавливают он, явно не понимая, как обращаться к тому, кого еще утром считал дорожным татем. — Княжна приказала...

— Княжна? — Добрыня чуть ослабляет нажим.

При одном упоминании Настасьи где-то под ребрами шевелится то самое, пугающее чувство, сродни тому, что он чувствовал, глядя на цветущие светлоярские крыши. То, что хочется вытравить из себя, выжечь каленым железом, задвинуть подальше.

— И чего же она от меня хотела? — слова срываются с губ быстрее, чем он успевает их проглотить.

Ставр, чуть отдышавшись, вдруг расплывается в нелепой, широкой улыбке, словно позабыв о ноже у горла:

— Знать, как в баньку сходишь, колдун. Подсобить, может? Тебе дорогу до Малуши-то показать?

Добрыня морщится, словно залпом опрокинул в себя крынку скисшего молока. Его до дрожи бесят светлоярцы. Они кажутся ему нелепой насмешкой над реальной, жестокой жизнью, что кипит за границами их заговоренного княжества. Слишком уж они добрые, гостеприимные и бесхитростные — аж блевать тянет. Он с отвращением отстраняется.

— Плохой ты ей бережец, — выплевывает Добрыня.

— А? — Ставр непонимающе моргает, растирая шею. Добрыня вновь подается вперед. В нем просыпается скрытая глубоко под кожей звериная сущность — хищник, привыкший рвать глотки при малейшем признаке чужой слабости. Он чуть приподнимает верхнюю губу, обнажая ровный ряд белых зубов. Что бы стало с этим увальнем, не живи он под защитой Светлояра?

— Скажи, спас я княжну или нет? — чеканит Добрыня, вновь поигрывая ножом. — Говори, иначе сегодня же лишишься живота.

Глаза Ставра расширяются.

— Спас! — поспешно выдыхает он.

Добрыня усмехается. Он разворачивается и презрительно сплевывает прямо в весеннюю грязь под ноги гридню.

— Передай княжне, что надо мной больше не властна ее клятва.

С этими словами он закидывает мешок на плечо и тяжелым шагом направляется обратно к торгу. Пора и честь знать. Добрыня не собирается жить в этой сказке, потому что на собственной шкуре выучил: любые сказки однажды заканчиваются.

Добрыня шагает по гатям с твердой уверенностью, что еще до заката покинет Красный Яр. Сорвав сухую былинку, он бездумно зажимает ее в зубах. Странное, тянущее чувство скребется под ребрами: он снова выкрутился, осадил княжеского пса, избавился от клятвы, но победа кажется слишком пресной.

И куда подевался тот бешеный жар, с которым он бросился в гибельную топь выручать эту гордячку? Тот запал, с которым он вызвался тащить ее на своих плечах до самого тракта, рыча на остолбеневших дружинников? А она в ответ обошлась с ним, словно с порченным псом. Добрыня зло

сплевывает себе под ноги. Пустое! Станет он слушать оговоры девчонки, которая настоящей жизни за своим детинцем толком не видела!

И тут из-за поворота вырастает крепкий почерневший сруб — то самое подворье вдовы Малуши. На миг в нем просыпается ленивый интерес: и чего там такого особенного, раз все княжеские гридни слюни пускают? Добрыня хмыкает, подкидывая на ладони тяжелый серебряный слиток. Целая гривна. На эти деньги можно взять справногo степного коня, добрую кольчугу двойного плетения или заморский клинок из дамасской стали — куда более толковое вложение для воина, чем бабьи ласки.

Он уже собирается пройти мимо, как вдруг чуткий слух улавливает слишком знакомый шорох за спиной — чавканье грязи и лязг ножен. Добрыня скашивает глаза и замечает неуклюжую тень, метнувшуюся в щель между амбарами. Ставр! Оклемался, значит. И поплелся следом, когда осознал, как его наградит княжна за недавние слова.

Добрыня медленно поворачивается к подворью. В груди разгорается злое, мстительное веселье. Бить гридню морду во второй раз нет никакой охоты — парень он в самом деле неплохой. К тому же, помыться после Мертвой Пади, где он с ног до головы измазался в болотной тине и черной крови мертвецов, действительно не помешает.

Он толкает тяжелую калитку и входит во двор. Две румяные девки с ведрами при виде него испуганно шарахаются в

сторону, расплескав воду. Добрыня останавливается. Неужели он и впрямь так страшен? Может, потому княжна и просила его приодеться, чтобы не позорил ее перед людьми? Эта непрощенная мысль проносится почти незамеченной.

На крыльцо выплывает сама Малуша — дородная, статная баба, в самом деле чертовски хорошая собой, но с жестким, хватким взглядом. Хозяйка подворья упирает руки в крутые бока и с брезгливым вызовом бросает:

— Чего забыл-то тут, тать лесной?

Вместо ответа Добрыня достает княжескую гривну и с небрежным стуком швыряет тяжелое серебро прямо Малуше под ноги.

— Вот, — громко, чтобы точно услышали в переулке, говорит он. — Пришел проверить, так ли ты хороша, как скажут.

Где-то за забором отчетливо крикает от изумления Ставр. Добрыня мысленно клянет себя за этот глупый, показушный жест, но не может отрицать: за годы скитаний его душа дьявольски истосковалась по теплу, сытости и ласковой женской руке. Хотя бы один раз он может позволить себе немного слабости и сбросить шкуру бродяги.

Увидев серебро, Малуша мгновенно меняется в лице. Она проворно подхватывает слиток, передает его подскочившей девке и всплескивает руками, расплываясь в медовой улыбке.

— Ах ты, сокол мой ясный! Сейчас всё справим! Да так,

что не забудешь меня еще много ночей!

Девки-банщицы, позабыв про страх, тут же выются вокруг него, наперебой предлагая холодного меда, парного молока да пышного хлеба. Пусть Ставр смотрит. Ему будет, что в красках доложить своей юной княгине, и уж это без сомнения заставит ее раз и навсегда перестать посылать за Добрыней своих псов.

В парной жарко натоплено, густо пахнет распаренным березовым листом и душистыми травами. Девы бесстыдно скидывают сарафаны, явно собираясь сполна отработать щедрое серебро. Добрыня тяжело опускается на полок и прикрывает глаза. Одно дело — дать измученному телу долгожданный отдых и тепло, и совсем другое — устроить посадский блуд.

Он откидывается назад, отдаваясь в умелые, сильные руки Малуши. Вдова и вправду хороша, а мелькающие в клубах пара обнаженные девичьи тела волей-неволей распалют воображение — как-никак, он живой, полный сил мужчина.

Добрыня крепче зажмуривается, до боли прикусывает губу и воскрешает в памяти то, что всегда безотказно умиряет плоть.

Малуша как раз проходится скользящими пальцами по глубокому, застарелым рубцам на его спине.

— Кто же тебя так, соколик? — ахает она.

Со свистом рассекает воздух плоть.

Вместо бревенчатой стены мыльни он видит перед собой лишь врытый в землю грязный столб и оплетающие его ржавые цепи. Он падает от каждого удара, разрывающего кожу, но упрямо, хрипя, поднимается, выпрямляя спину.

Брызги его собственной крови красят выжженную солнцем землю. Где-то совсем рядом тревожно ржут кони, горячий степной ветер клонит к земле седой ковыль. И речь... гортанная, чужая, тошнотворная речь.

— Откажись от родины и веры, князь. Откажись — и будешь среди наших лучших воинов сражаться...

Наваждение обрывается, когда руки Малуши скользят по его шее, случайно задевая тонкий кожаный шнурок, на котором висит потертый нательный крест. Вдова с любопытством тянет его вверх.

Добрыня перехватывает ее запястье так стремительно и жестко, словно поймал базарного татя за руку.

— Что ты так холоден-то, господин? — вырывается у Малуши.

И по ее расширившимся глазам видно, что сорвалось это от испуга. Наверное, его серые волчьи глаза сейчас блеснули так страшно, что она всерьез испугалась за свою жизнь. Никому еще в этой жизни не удавалось снять с него крест.

Чтобы не объяснять, Добрыня притягивает Малушу к себе и дает ей то, чего она хотела: жарко целует в губы.

Давно забытый, обжигающий вкус женских ласк мгновенно будоражит кровь. Он вспыхивает, как сухой валежник от

искры, причем сам не может разобрать — от злых ли воспоминаний, от случайной ли оговорки испуганной бабы или от откровенной близости горячего нагого тела.

Малуша только рада. Под коркой дорожной грязи обнаружился статный, красивый мужчина, о чем она уже не раз жарко шепнула ему на ухо.

Он снова прикрывает глаза, и перед внутренним взором непрошеной, яркой вспышкой является Настасья.

Когда Добрыня встретил ее впервые, девчонка была похожа на откормленную овечку, ведомую на заклание к Змею: густые нелепые кудряшки, пухлые детские щеки, огромные испуганные глаза. Она не вызывала тогда ничего, кроме сочувствия.

Теперь это красивая, властная молодая женщина. Смешные кудри легли тяжелыми, блестящими волнами, а полнота ушла куда надо — в крутые бедра и высокую, гордую грудь.

Он судорожно сглатывает, представляя, как сжал бы сейчас в ладонях податливое, горячее тело княжны. И тут же мысленно кроет себя последними словами. Всего лишь заносчивая девчонка! Неправильно о ней мечтать лишь оттого, что глаза у нее — как вешняя листва, что пахнет она свежими ландышами и что смех у нее такой чистый и звонкий, что на него отзывается что-то давно выжженное, запрятанное глубоко внутри.

Неправильно, что до одури хочется ее коснуться.

Но только не грязными руками раба, который сражался

в Степи, словно цепной пес. Раба, который пал в своей последней, нечестной битве.

Добрыня до скрипа стискивает зубы. Единственную битву он проиграл. Зато остальные сдавать не намерен.

Малуша призывно выгибается в его руках, притираясь горячим бедром.

— Бери, не томи, соколик... — жарко шепчет вдова ему на ухо, изнемогая от нетерпения.

Тогда Добрыня опрокидывает ее спиной на широкую полку. Но вместо того, чтобы взять свое, пускает в ход лишь руки — не привык он отказывать тем, кто хорошо для него старался, добрым был.

Когда Малуша наконец удовлетворенно выдыхает, откидываясь на влажные доски, по ее затуманенным глазам видно: гость оказался хорош. И в этот миг Добрыня чувствует то, чего, как ему казалось, не испытает больше никогда — забытую, почти звериную мужскую гордость. Осознание того, что он еще способен заставить стонать не только врага на поле боя, но и женщину в своих руках.

Вдова тяжело дышит, но затем медленно поднимается и придвигается к нему вплотную.

— А сам-то? — лукаво и хрипло спрашивает она, скользя жадным взглядом по его телу. — Вижу ведь, что хочешь.

Он хмурится и отводит глаза.

— Бабе, что ль, какой обещался? — фыркает она.

— Себе, — резче должного отрубает Добрыня. — Обе-

шал, что не родит от меня больше ни одна.

Малуша понимающе усмехается, ничуть не обидевшись.

— Ну ладно. Будь по-твоему, соколик.

Она плавно наклоняется к нему, и на этот раз у Добрыни нет ни сил, ни желания ее отталкивать. Виновата ли в том Настасья, разом разозлившая и до одури раззадорившая его кровь, или просто он слишком долго скитался одиночестве. Хватит с него вечного поста.

Он позволяет себе расслабиться, полностью отдаваясь густому пару и ласкам чужого горячего тела. Позволяет себе вспомнить, что человеческие прикосновения могут не только нести боль, но и дарить ослепительное наслаждение. После долгих лет внутреннего холода это ощущается так же остро, как спасительное тепло раскаленной печи после лютого мороза.

Задыхаясь от нахлынувших ощущений, он вдруг с пугающей ясностью осознает, насколько же сильно изголодался. Он так охоч до женских ласк, до простого человеческого тепла, что, окажись сейчас на месте вдовы Настасья, он бы напугал княжну своей необузданной, первобытной жадой. И она вовек бы больше в его сторону не посмотрела. Но в мыльне девки бывалые. Им, похоже, только в радость баловать щедрого, яростного бродягу, возвращая его своими губами и руками к жизни.

К исходу мытья Малуша тяжело выдыхает, утирая пот со

лба.

— Ну и загонял ты нас, — с усмешкой говорит она, а глаза блестят, как у девки-молодухи. — Давно на моем подворье не было такого голодного зверя. Иди же почивай. Приготовлю тебе лучшую горницу.

— Не надо, — глухо бросает Добрыня, тяжело поднимаясь с полка. Спустил себя с цепи на малую малость — и будет. — Ехать пора.

— Э, нет, — Малуша цепко хватает его за горячий локоть. — Я такого мужика в ночь на распутицу не пушу.

Глаза ее хитро блестят — верно, вызнать хочет, откуда у грязного татя столько серебра. Чует вдова выгоду.

— Почивать у меня будешь, как князь! — заявляет она.

Это слово прошивает его насквозь, как удар копья. Князь... А хотел бы он снова им стать? Девки, пользуясь его замешательством, со звонким смехом легонько толкают его в спину, выводя в сени. И Добрыня вдруг ловит себя на странной, пугающей мысли: ему хочется остаться. Остаться там, где ему рады.

Когда его ведут через общую залу корчмы, он хмурится:

— Снаряди мне коня, да... — вновь командует он, но вдова по-свойски бьет его по плечу.

— И слушать не желаю! У тебя серебром на седмицу вперед постой оплачен! За это время девки из тебя писаного красавца сделают!

Добрыня прикрывает веки. Вот ведь угораздило! Но он

начинает понимать, за что княжеские гридни так ценят вдову — она не только горяча да умела, но при этом по-своему щедра и честна.

— А сам-то откуда взялся? — щебечут идущие следом девки.

И тут за соседним столом гудят подвыпившие мужики, и до слуха Добрыни долетает:

— Сказывают, Мстислав-то Вышгородский больной с охоты вернулся давеча. Так и отлеживается в княжьем тереме.

— Да я ж его намедни видал! — отзывается другой бас.
— Все правое плечо в кровавых тряпках перемотано! Главное, чтоб не обвинил теперь его батюшка Светлояр в том, что сынок-то их — плохой охотник!

Мужики дружно и злобно гогочут.

— Да пускай обратно выродка этого забирают!

Корчма согласно гудит, а Добрыня замирает, словно налетев на невидимую стену. Так вот, значит, как. Вот кто, в Мертвой Пади, посмел назваться спасителем! На лице Добрыни сам собой проступает страшный, хищный оскал. Придушил бы вышгородского щенка голыми руками, да только кто ж поверит слову бродяги?

Пальцы рефлекторно сжимаются в кулаки. Добрыня знает всех настоящих богатырей Руси. Более того — он сам один из них. И чтобы какой-то изнеженный столичный выродок марал это имя?..

— Ты чего опять окоченел? — голос Малуши вырывает

его из мыслей. Они уже стоят на верхнем ярусе, у дверей чистой горницы.

Добрыня переступает порог и жадно втягивает ноздрями воздух. Здесь густо пахнет сушеной полынью и свежим льном. Ложе — поистине княжеское, лучшее из тех, на которых ему доводилось спать за последние годы. Кровать застелена отбеленными простынями, поверх наброшены пушистые меха.

— Свою отдаю, — жарко шепчет Малуша ему на ухо, ласково отводя со лба влажную прядь.

И Добрыня был бы лжецом, если бы сказал, что это ему неприятно. Каково это — снова чувствовать себя человеком, о котором заботятся? Он делает несколько неуверенных шагов в горницу.

— Эй, девки! — звонко командует вдова в приоткрытую дверь. — Мяса, пирогов сюда несите! Да не забудьте меду хмельного!

Они остаются вдвоем. Добрыня медленно садится на край кровати, прикрывает глаза и тяжело откидывается спиной на шкуры.

— А я ведь в бане смекнула, что непростой ты, — Малуша садится рядом, берет костяной гребень и принимается плавно расчесывать его волосы. — Взгляд у тебя волчий, стать, манера держаться... Сказывай, что за человек будешь?

Он криво усмехается, не открывая глаз:

— Не много ли с тебя?

Малуша качает головой и смотрит на него со спокойной, понимающей улыбкой.

— Так я готова услужить человеку знатному, — она ловит его взгляд. — За так.

Добрыня молчит. Он вспоминает израненного Мстислава и наконец решается.

— Снеси тогда мне лучшей одежды, что только сможешь купить за мое серебро на торгу.

Малуша смотрит на него с полуулыбкой и блеском в глазах, чуть склонив голову набок. Он замечает довольный блеск в ее глазах: не ошиблась-таки вдова, распознав под грязью человека непростого.

— Ближний я княжны Настасьи бережец, — ровно произносит Добрыня, вновь смежая веки.

Глава 7. Наследница

Едва боярам доносят, что в мыльне я пришла в себя, они требуют немедля провести на столновение. Марфа ругается на них через дверь так, что у меня щеки пунцовыми становятся, но я понимаю: тысяцкий Путята прав. Светлояр должен выставить вышгородцев вон, раз обрел княгиню, связанную с Матерью Сырой Землей нерушимой клятвой. Чем быстрее я покажу великому князю Берендею, что мой удел — не его вотчина, тем спокойнее будет спать Светлояр.

Поэтому я соглашаюсь. Сразу после мыльни сенные девки торопливо рядят меня в княжеские одежды. В ход идет тяжелое, расшитое золотом и скатным жемчугом летное платье, заготовленное еще пару лет назад для моей несостоявшейся свадьбы. На плечи ложатся давящие бармы и багряное корзно, а голову венчает княжеская шапка.

Я стою перед Марфой ни жива ни мертва, придавленная тяжестью этого убора. Я еще не успела до конца осознать смерть отца, а мне уже предстоит принимать клятву на крови от его дружины. Нянька делает ко мне шаг, чтобы поправить очелье, но тут двери в горницу со скрипом отворяются. На пороге мнется помятый Ставр.

— Княжна! — он виновато склоняет голову.

Девки тут же шикают на него, гоня прочь из женских по-

коев, но я обрываю их властным жестом. Я жажду знать, что замыслил колдун. И тут же, обедев взглядом притихших служанок, вспыхиваю от стыда за свое неуместное любопытство. Мне власть над Светлоярм принимать, а я о бродяге думаю...

Но Ставр уже начинает говорить — торопливо, сбиваясь. И несет он совсем не то, что я хотела бы услышать. Добрыня погулял на славу.

— Стоны троих девок точно слышал! — выпаливает Ставр, пряча глаза.

Я чувствую, как краска отливает от моего лица, а девки за спиной начинают бесстыдно перешептываться и хихикать: «Ох, а мужик-то силен!». Я закипаю. Да какое мне до этого дело?!

— И долго он их почивал, ох долго... — продолжает тянуть гридень.

— Хватит! — мой голос срывается, звеня громче и резче должного. — Хватит. Беру себя в руки и произношу уже тише, ледяным тоном: — Я не желаю слушать про блуд этого лесного бродяги.

Снаружи я — камень, но внутри все полыхает так, словно я снова хлебнула обжигающей Живой Воды. Убеждаю себя: он просто дикарь, животное. Думать о таком слишком много — не по-княжески. Я вздергиваю подбородок, надеясь, что никто в горнице не почуял моей ярости.

— Что-нибудь полезное ты вызнал?

Ставр тупит взгляд. Долго изучает мысы своих испачканных грязью сапог и, наконец, выдавливают:

— Матушка-княжна...

— Княгиня! — сурово обрывает его Марфа.

Я выжидающе смотрю на Ставра. Тот судорожно срывает шапку с головы, повинно комкает ее в руках, и мое сердце предательски екает. Точно стряслась беда. И колдун наверняка все это подстроил!

— Выбил он из меня признание... — хрипит Ставр.

— Какое? — мой голос бьет в притихшей горнице, как набат.

— О том, что это он тебя из Мертвой Пади на себе вынес. Спас, стало быть.

Я задыхаюсь от возмущения, срываю с головы тяжелую княжескую шапку и в ярости швыряю ее на пол. Жемчуг жалобно звякает о доски.

— Княгиня! Окстись! — в ужасе охает Марфа.

— Прочь! — в голос кричу я на побагровевшего Ставра.
— Прочь с глаз моих! И не бывать тебе больше моим ближним гриднем!

Няньке едва удастся удержать меня за плечи. Девки в страхе жмутся по углам.

— Что ж ты лютуешь-то так, княгиня матушка? — причитает Марфа, бережно поднимая шапку.

А я не могу найти слов. Как ей объяснить? Этот проклятый разбойник снова меня переиграл! Но пугает даже не это.

От клятвы он теперь свободен. А значит, уйдет! Заберет своего коня, сядет в седло и навсегда покинет Светлояр. И я не знаю, что будет дальше творить.

В просторной гриднице натоплено так, что дышать тяжело. Густо чадят смоляные факелы, отбрасывая мечущиеся тени на бревенчатые стены. Я выхожу в тяжелом багряном корзно и, до боли стиснув челюсти, сажусь на отцовский престол перед своими боярами.

— Вот она, истинная матушка-княгиня Светлоярская! — торжественно провозглашает Радогост, ударив посохом об пол. — Клянись ей, как Микуле клялись, и вечно будет стоять Светлояр!

Бояре поднимаются с лавок и один за другим подходят к княжескому столу. Сколько раз я видела батюшку на этом самом месте. Сколько раз думала, что он будет сидеть здесь всегда. Я никогда не хотела этой власти, никогда! А теперь суровые, седые дружинники опускаются на одно колено и с лязгом кладут обнаженные мечи к моим ногам.

Только не заплачь, Настасья. Только не заплачь!

Мужчины произносят древнюю клятву Земле, и я гордо вздергиваю подбородок. Все обошлось. Теперь я полноправная княгиня. Сама Мать Сыра Земля признала меня. Самое время отправить послов Вышгорода восвояси.

Я перевожу тяжелый взгляд на группу разодетых в шелка чужаков. Среди них возвышается Мстислав — тонкокостый,

болезненно-бледный, с жидкими каштановыми волосами и цепким взглядом вечно голодного пса. Никогда он мне не нравился.

— Я рада, что великий князь Берендей прислал своих людей в мое княжество в трудный час, — громко, чтобы слышали все, говорю я, как только смолкает последняя клятва. — За заботу его благодарна. Но Светлояру она более не нужна. Мать Сыра Земля сама позаботится о своих детях.

В зале повисает напряженная тишина, и тогда Мстислав неожиданно поднимается на ноги. Его бледность сейчас бросается в глаза еще сильнее, но держится он с высокомерной уверенностью.

— Княгиня Настасья, — говорит он, намеренно не глядя на меня, а обращаясь к боярам. — Я здесь для того, чтобы исполнить последнюю волю твоего отца.

Краем глаза замечаю, как каменеют Радогост и тысяцкий Путята.

— Князь Микула сказал, — глаза Мстислава торжествующе блестят, когда он наконец переводит взгляд на меня, — что мужем твоим и полноправным хозяином этих земель станет лишь тот, кто принесет голову Змея.

В гриднице мгновенно поднимается гул и ропот, перекрывающий слова княжича. А я стремительно холодею. Змей... Его же изгнали. Какой страшной ценой — я не знаю, батюшка никогда не говорил. Но изгнали же!

— И я, Мстислав Вышгородский, отправлюсь за ней! —

звонко объявляет он на весь зал.

Нет.

Ледяной ужас пронзает до самых костей. Только не Змей. Не тревожь лихо, пока оно тихо... Но я просто не нахожу слов, чтобы остановить это безумие. Губы не слушаются.

В этот миг слово берет Радогост.

— Микула Селянович действительно оставил такой зарок, — сурово произносит волхв, перекрывая шум. — Но есть и другой человек, который вправе...

Договорить Радогост не успевает. Тяжелые дубовые двери гридницы с грохотом распахиваются настежь.

Я теряю дар речи, во все глаза глядя на того, кто замер на пороге. Это Добрыня. Но он больше не похож на грязного лесного бродягу.

Сейчас он выглядит как приличный человек.

На нем ослепительно белая льняная рубаха, поверх которой наброшена добротная темная свита. А на широком наборном поясе, грозно покоится тяжелый меч. Борода сбрита, волосы аккуратно уложены, открывая резкие, хищные и поразительно красивые черты лица. От него веет такой спокойной, несокрушимой силой, что изнеженный Мстислав на его фоне вдруг кажется наряженным мальчишкой.

Все в гриднице на мгновение замирают. Взгляды бояр и дружинников разом обращаются к незваному гостю, и я начинаю закипать от ярости. Надо же, как ловко он выбрал момент!

— Что за гость? — шелестит над столами.

Они видят лишь его спесивую статью, дорогие одежды и не ведают сути. Я высоко вскидываю подбородок.

— Это... — я уже собираюсь объявить на весь зал, что перед ними всего-навсего грязный лесной бродяга, которого я подобрала на тракте, надеясь вывести вести о батюшке. Но Добрыня, не сбавляя шага, прерывает меня сам.

— Приятен ли я твоему взору, княгиня? — его глубокий голос легко перекрывает шепотки бояр.

Я замираю на полувздохе. Наглец! Какой же невероятный наглец! Он и сейчас пытается меня переиграть на глазах у всей дружины, только я не понимаю, зачем? Впрочем, теперь я отлично читаю правила его игры. Ведь я сама прилюдно заявила на тракте, что назову своим ближним бережцем лишь того, кто окажется умнее и ловчее других — с этим, признаться, в Мертвой Пади он справился, — но главное, того, кто будет приятен моему взгляду.

А вот этого он от меня ни за что не дождетя! Я еще раз окидываю Добрыню мстительным взглядом и с ужасом ловлю себя на мысли, что он разительно переменился. Под слоем дорожной грязи скрывалась алебастровая кожа, непослушные жесткие волосы цвета воронова крыла теперь убраны в аккуратную косу, а одежда воистину достойна боярина. Я покривлю душой, если скажу, что он мне неприятен.

Но не даром батюшка столько лет учил меня быть истинной правительницей.

— Вполне, — холодно роняю я.

Мстислав тем временем нервно оглядывается, с ужасом понимая, что этот незнакомец только что украл его выступление.

— Однако мой ближний бережец... должен уметь впечатлить всех, — я чувствую, как на моих губах сама собой расцветает хищная улыбка. — Давай-ка посмотрим, бродяга, сможешь ли ты удивить моих сенных девок.

Он ни за что не справится! Лесной тать, привыкший махать мечом. Я вальяжно подпираю подбородок кулаком, всецело наслаждаясь моментом.

Ну, покажи мне, как ты умеешь девок услаждать. Покажи мне себя настоящего...

Но Добрыня не выглядит застигнутым врасплох. В его серых волчьих глазах вспыхивает насмешливый огонек.

— Вели принести мне гусли, княгиня.

Одна из сенных девок бросается прочь и вскоре возвращается, робко неся перед собой тяжелые яровчатые гусли. Добрыня принимает инструмент из ее рук неожиданно бережно, почти ласково, и тут меня прошибает холодком осознания: он умеет играть.

Я... сама задала ему условие, которое он с легкостью выполнит. Меня подмывает немедленно вскочить, оборвать этот представление и приказать ему убраться вон, но... я до одури хочу знать, что он сыграет.

Губы предательски дрожат, и я до боли прикусываю их.

Добрыня проводит ладонью по струнам. Мелодия рождается легкая, обманчиво светлая и игривая. Она струится по душевной гриднице, как весенний ветер, пробегающий по высоким травам. словно двое влюбленных беспечно гуляют по залитому солнцем лугу, улыбаясь друг другу и тихо смеясь.

Сенные девки замирают, очарованно приоткрыв рты. Мне тоже хочется закрыть глаза и просто слушать. Хочется понять — откуда в нем это? Откуда вообще взялся этот человек с руками безжалостного убийцы и душой гусяра?

Но тут мелодия резко, словно оборванная нить, меняет темп. Ритм становится тяжелым, чеканным, и Добрыня начинает петь. У него не сладкий тенор придворного бахаря. Это глубокий, сильный и страшный в своей тоске баритон воина. От первых же звуков этого голоса Мстислав, только что кичившийся своей доблестью, медленно оседает на скамью и начинает стремительно бледнеть.

А слова бьют наотмашь:

Догорает стольный город, черный дым встает, Полонянок в Степь чужую лютый враг ведет. Князь изрубленный остался на сырой земле, Меч отцовский потеряв в выжженном ковыле.

Сыромятным злым арканом связан девий стан, Увели мою голубку за седой туман. Ее белые запястья стерты до крови, В этом мире не осталось места для любви.

Ты не плачь, моя лебедушка, крылья не ломай, Я бы встал, да сил уж нету — за спиною край. Отчего ж сы-

ра-земля не берет меня, Если жизнь моя осталась в пламени огня?

Последний аккорд повисает в звенящей тишине гридницы глухим стоном. Я вижу, как сенные девки, не таясь, утирают слезы, как хмурятся и прячут глаза суровые дружинники.

— На столование окончено, — бросаю я так ровно, как только могу.

А потом резко встаю и быстрым шагом ухожу из гридницы, пока никто не заметил, как у меня перехватило дыхание. Я не хочу, ни за что не хочу признавать перед самой собой, что это пробрало меня до костей! Не хочу признавать, что теперь я больше всего на свете жажду узнать, кто же он такой на самом деле.

Влетаю в свою горницу, с грохотом задвигаю засов и бесильно прислоняюсь спиной к дубовой двери. Еще ни один мужчина на свете не вызывал во мне такой бури! Не заставлял сердце так отчаянно биться в горле! Да и, признаться, я всегда верила, что выйду за того, в ком буду уверена до самого конца. Светлояру нужен суровый воитель, а не гусляр!

Проклятие! Почему я вообще продолжаю о нем думать?! Какой стыд, Настасья. Сбежала с собственного столования, бросила бояр и дружину! В ярости срываю с себя давящие бармы, швыряю на сундук тяжелую княжескую шапку. Подхожу к слюдяному оконцу, жадно глотая стылый воздух, и клянусь себе, что больше не поддамся этой слабости.

Надо гнать этого колдуна в шею, пока я из-за него не совершила непоправимую глупость.

В дверь робко скребется Марфа.

— Все ли ладно, Настасьюшка? Уж не дурно ли тебе стало?

— Нет!

То есть... да.

— Вели послать за северным ярлом, — бросаю я сквозь закрытую дверь, заставляя себя расправить плечи. — За тем самым, что клялся батюшке принести голову нашего врага.

Сказав это, я словно оседаю. Вот он достойный ответ Мстиславу.

Но в груди почему-то становится звеняще пусто. Я до дрожи боюсь призывать жениха, потому что уже видела, как прекрасные с виду юноши оборачиваются чудовищами. Но выбора нет. Никто, кроме меня, не отстоит Светлояр.

Слышу, как шаги Марфы стихают в коридоре. Я ничком бросаюсь на застеленную бархатом лавку и прячу пылающее лицо в ладонях. В ушах, вытесняя все государственные думы, неотвязно звучит тяжелый перебор яровчатых гуслей.

Тишину спальни внезапно вспарывает голос Ставра из-за двери.

— Княгиня! — от неожиданности я резко подскакиваю на лавке. — Колдун велел спросить... желает знать, справился ли он с твоим заданием?

Чувствую, как щеки снова обжигает кровь. Опять этот

бродяга испытывает мое терпение! Наглеет так, что впору бросить его в поруб. Я решительно выпрямляю спину. Эта дерзость — отличный повод наказать его и разом оборвать нашу странную, мучительную связь.

— Кличь его сюда! — ледяным тоном приказываю я.

А затем торопливо снимаю с себя оставшиеся громоздкие украшения. Я остаюсь в одном лишь расшитом платье, которое когда-то должно было стать моим подвенечным, готовясь встретить его лицом к лицу.

Я тяжело опускаюсь в резное кресло и невидящим взором скольжу по столу, за которым еще недавно учила свои уроки.

Дверь отворяется. Я мгновенно вздергиваю подбородок, выпрямляю спину и даже не думаю о том, с чего начать. Слова рождаются сами, поднимаются откуда-то из глубины души, продиктованные моим новым ощущением себя — княгиней.

— Что ж, ты хочешь служить мне? Отчего же ты тогда выбивал нужные тебе слова из Ставра силой?

Мои пальцы нервно поглаживают рукоять отцовского кинжала, но я заставляю себя не отрывать холодного взгляда от стоящего передо мной колдуна.

— Я с самого начала сказал, княгиня, что служить буду лишь на своих условиях, — его голос звучит ровно. — Я не желаю быть просто твоим мечом. Я буду твоим ближнем гриднем.

Я усмехаюсь, на миг опуская взгляд:

— Высокого же ты о себе мнения.

— Я того стою. И ты уже убедилась в этом, — от этих слов я снова вынуждена посмотреть на него.

«До чего же хорош!» — мелькает предательская мысль, и я тут же мысленно бью себя по рукам. Не смотри на лицо, вслушивайся в речи — старое батюшкино правило.

— Что ж, — я вальяжно откидываюсь на спинку кресла. — Раз ты хочешь этого места, то должен быть честен. Откуда на твоих запястьях шрамы?

Он едва заметно дергается, словно от удара хлыстом, но тут же гордо расправляет плечи.

— Хочу знать, за что тебя заковали в железо, прежде чем подпущу к себе, — роняю я ледяным тоном, хотя внутри все сжимается в тугую комок.

Сейчас, думаю я. Сейчас я наверняка услышу какую-нибудь мерзость и окончательно пойму, что этот лесной тать не стоит ни единой моей мысли.

— Это был позорный столб, — его голос вдруг становится пугающе бесцветным, словно он говорит об обыденных вещах.

— И кто же тебя к нему приковал?

— Враг, — он ни на мгновение не отводит тяжелого взгляда. — За то, что не умею подчиняться приказам, а языком подчас владею лучше, чем мечом.

Я задумчиво перебираю пальцами забытые на столе листы пергамента. Совсем не такого ответа я ожидала.

— А к тебе я явился, чтобы проучить Мстислава, — вдруг меняет тему Добрыня. — Сдается мне, тот воин в багряном корзно, что устроил засаду в Мертвой Пади, и есть вышгородский княжич.

Эти слова мгновенно выбивают меня из колеи. В голове со щелчком складываются разрозненные детали, на которые я не обратила внимания, занятая на stolованием и клятвой.

Вышгород играет грязно. И Мстислав куда опаснее, чем кажется.

Добрыня смотрит мне прямо в глаза, словно желая удостовериться, что я уловила суть.

— Если я прав, княгиня, то мой острый язык сослужит Светлояру добрую службу, — он делает мягкий шаг вперед. — Я доведу этого щенка до того, что он сам сбежит обратно под крыло к батюшке.

Я невольно усмехаюсь. Звучит как мед. После его подлой засады я хочу для Мстислава именно такой участи. Я ведь на своей шкуре выучила, насколько искусно колдун умеет выводить из себя.

Так я и Вышгород не оскорблю открыто, и передам великому князю Берендею ровно то, что хотела: пусть больше не сует свои тощие руки в мой удел!

Смотрю Добрыне в глаза. А он ведь и впрямь умеет бить словами! Предложил мне именно то, чего не могли дать ни бояре, ни верный Ставр.

— Назови меня своим ближним бережцом, — хищно шу-

рится бродяга, — и Мстислав потеряет покой. Он отлично помнит мои когти.

И вот как его теперь прогнать? Если в умении отравлять чужую жизнь он хорош хотя бы наполовину так же, как в драке...

— Твоя взяла!

Добрыня победно улыбается и разворачивается к выходу.

— У меня будет условие! — бросаю я колдуну в спину, пока он не дошел до дверей.

Он замирает и медленно оборачивается.

— Ты больше никогда не будешь выглядеть как лесной тать, — чеканю я. — Сегодня же спустишься в казну и оденешься не хуже моего воеводы.

Я крепко сжимаю пальцы, вспоминая его недавнюю насмешку: «Куклу свою пришла одевать?». Но я не могу позволить ближнему человеку расхаживать в обносках. Пусть склонит голову хотя бы в этом.

Он прикладывает руку к груди и отвешивает мне глубокий, безупречный поклон:

— Благодарствую, матушка-княгиня.

Я кликаю стражу и приказываю выдать Добрыне лучшее платье из сундуков — так, чтобы у Мстислава от зависти скулы свело. И тут же чувствую мстительное удовлетворение, густо замешанное с чем-то пугающим, чему я не могу найти названия.

Когда дверь за ним закрывается, я остаюсь в звенящей ти-

шине горницы, а воображение уже рисует мне колдуна, облаченного не в дорожную рвань, а в одежды, достойные истинного князя. Интересно, он будет смотреться в них так же ладно, как и с гусями в руках?

Желая немедленно отогнать это наваждение, я зову Марфу.

— Есть у тебя на примете пригожие сенные девки, охочие до парней? — задаю я вопрос в лоб.

Нянька от неожиданности даже теряется:

— Зачем тебе такое, Настасьюшка?

— Новому бережцу моему сегодня приставишь, — говорю я нарочито безразличным тоном. — Да накажи, чтоб любого слова его слушались, как моего. Чтоб спину в мыльне терли, постель мягко стелили, а когда надобно — и согревали.

Марфа уходит, задумчиво качая головой. А я до побеления костяшек сжимаю кинжал и упрямо вздергиваю подбородок. Я докажу себе, что он — просто наемник. Уверена, этой же ночью Добрыня поведет себя как животное. Раз уж заставил троих девок у Малуши стонать — значит, запала в нем много.

«Не должен здоровый мужчина голодать», — лихорадочно уговариваю я себя. А его голод мне совершенно неинтересен!

Вечером Ставр — все еще выглядящий как побитая соба-

ка — приводит ко мне того, кто так нагло и быстро занял его место.

Я сжимаю кулаки. Колдун выглядит пугающе роскошно. Вещи сидят на нем как влитые, но дело не только в этом: он словно нарочно выбрал все самое лучшее, ничуть не стесняясь. На нем льдисто-серая рубаха из заморской паволоки, расшитая по вороту тусклым серебром. Сверху — кафтан из темного бархата.

И как я могла сомневаться, что он выберет именно его? Это скромное с виду, но поразительное по качеству произведение искусства шили для батюшки. Оно пылилось в сундуках лишь потому, что оказалось Микуле узко в плечах. На ногах — мягкие сафьяновые сапоги и порты из тончайшей шерсти. Пояс Добрыня взял не самый броский, но тяжелый, с дорогими серебряными накладками. А на плечи небрежно набросил подбитый волчьим мехом плащ.

Я медленно выдыхаю, думая о том, что сама же велела ему одеться не хуже воеводы — и это первый раз, когда Добрыня ничуть не переиначил моих слов.

Мы встречаемся взглядами и мне впервые хорошо от того, что он *понял*. И поддержал тот вызов, который я собираюсь бросить Вышгородскому великому князю.

Возвышая своего бережца так, что он уже почти неотличим от боярина, я хочу показать, что благодарю своего ближнего человека за рану Мстислава.

— Ты бы знала, княгиня, сколько он там копался!

— неверно истолковав мое молчание, робко подает голос Ставр. — Я говорил, что гридни не носят шелка. Но он...

Я поднимаюсь.

— Он исполнял приказ, — говорю я.

Добрыня оглядывается на Ставра и тот тут же сникает, пропадая в дверях.

— К твоим услугам, княгиня, — он наконец скупно, с достоинством кланяется.

Губы вздрагивают в улыбке, когда я бросаю еще один взгляд на моего бережца.

— Надеюсь, ты и дальше будешь так же прям, — бросаю я и огибаю колдуна, нарочито не удостаивая его лишним взглядом, напоминая себе, что должна держаться как хозяйка.

Добрыня бесшумно ступает следом. Он держится ровно в полушаге позади, за моим правым плечом. И я ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время чувствую себя в безопасности. Когда я была совсем маленькой, меня пугали тем, что ждет за воротами детинца, а когда выросла — узнала, что на девиц нападают чудовища. И вот сейчас его тяжелое, незримое присутствие поразительным образом успокаивает. На краткий, малодушный миг мне хочется, чтобы он стоял за моей спиной вечно.

Но стоит мне войти в малую палату, как все меняется.

Первым я вижу потрясенный взгляд Радогоста. Старый волхв всплескивает руками, и до меня долетает его сдавлен-

ный крик:

— Так это правда! Настасья, ты взяла ближним бережцем человека, который нанес оскорбление твоему отцу?!

Тысяцкий Путята и Ратмир тут же напрягаются, их руки инстинктивно ложатся на пояса. А я вспоминаю недавнее обещание Добрыни «проучить Мстислава» — да, оно звучало сладко, но сейчас я готова отвесить себе мысленную затрещину. Вместо того чтобы выпытывать про шрамы от коллодок (о которых я все равно ничего толком не узнала), я должна была спросить про отца! Чем этот бродяга вывел из себя Микулу, который зря людей не карал?

— Это мое решение, — чеканю я так ровно, как только могу.

— Это решение наносит оскорбление Светлояру! — не унимается волхв.

— Слышал ли ты, Радогост, — неожиданно, без тени волнения берет слово Добрыня. — О чем именно я толковал тогда с князем?

Волхв давится новой фразой.

— Тогда и знать не можешь, было ли то оскорблением, — припечатывает бережец. — А княгиню светлоярскую я спас, когда другие не сумели. Тому есть свидетели. Значит, и сейчас за ее плечом постоять сумею.

Все как по команде смотрят на Ратмира. Тот неловко поправляет пояс здоровой рукой и шумно выдыхает, не смея перечесть.

— Если надобно, я докажу делом прямо сейчас, — обманчиво мягко добавляет Добрыня.

— Довольно! — рывкает Путята, ударив ладонью по столу.
— Слишком много слов для того, кто должен лишь мечом махать.

Все трое одаривают меня тяжелыми, недовольными взглядами. Затем Путята указывает на расстеленный пергамент.

— Вот духовная грамота твоего батюшки, княгиня.

— Если, конечно, хочешь, чтобы этот ушкуйник все слышал, — презрительно кривится Радогост.

Я бросаю взгляд на Добрыню. Завтра мне говорить с вышгородцами. Плечи колдуна гордо расправлены, а ничего не выражающий, холодный взгляд устремлен прямо перед собой. Интересно, он так же смотрелся у позорного столба?

Глубоко вдыхаю и принимаю решение. Если я хочу, чтобы мой бережец раздавил Мстислава, он должен знать все.

— Он останется, — говорю я непрерываемым тоном.

— Узнать бы только, кто выболтал все Мстиславу? — тяжело вздыхает Ратмир, глядя на пергамент. — Писец?

Мужчины невесело переглядываются.

— Все на словах любят Светлояр, — Путята мрачно растирает лоб костяшками пальцев. — А как вышгородским серебром перед носом потрясут...

— Ох, сложная нужна ворожба, чтоб предателя сыскать, — сокрушается Радогост. — Я пробовал, да всё как в тумане...

Они бы еще долго спорили, перебирая имена челяди, если бы не ровный голос Добрыни:

— Вы не отыщете предателя с серебром. За вами чужой волшебой следят.

— Откуда тебе знать? — бледнеет Ратмир.

Добрыня же, даже не глянув на них, берет со стола тяжелую солонку, которую Радогост оставил здесь в качестве оберега. Он бесшумно подходит к стене, выходящей на гульбище, и под общее ошеломленное молчание высыпает соль тонкой дорожкой прямо на половицы.

— Что ты творишь?.. — только и выдыхает старый волхв.

А я почему-то ни на миг не сомневаюсь в действиях своего бережца. И правда: едва коснувшись дерева, белая соль с тихим шипением темнеет и на глазах сворачивается в твердые комки, словно преграждая путь невидимой гнилой влаге.

Добрыня невозмутимо отряхивает ладони и поворачивается к онемевшему Радогосту.

— Вот теперь, — произносит он с легкой, издевательской усмешкой, — из лишних ушей здесь только мои.

Он переводит взгляд на потемневшую соль.

— Эту же волшеббу я почуял в Мертвой Пади. Не удивлюсь, если щенок вышгородский окажется замешан.

Я гляжу на своего защитника. Он может быть невыносимым, резким и пугающим, но его совершенно невозможно не слушать. Глядя на эту свернувшуюся колдовством соль, я

вдруг отчетливо понимаю: этот человек способен раздавить Мстислава. И за одно только это я уже готова простить ему многое.

Но ближние мои люди совсем не так рады обнаруженной прорехе.

— Кто сказал, что ты не сам подстроил это? — шипит Радогост, но по глазам видно, что сомневается. — Чтоб заполучить наше доверие? Не сообщника ли покрываешь?

— Я не промышляю черным колдовством, — щеки Добрыни бледнеют, когда он говорит это.

— Княгиня, если он оскорбит такими словами Мстислава Вышгородского, тебе ответ держать придется, — предупреждающе говорит Путята.

— Бережец нужен княгине для охраны. Советчиков у неё и без тебя достаточно, — басит Ратмир.

Я жду что колдун взорвется, но он вместо этого опускает подбородок и отступает на шаг, но я почему-то уверена, что он еще не сказал последнего слова. Во мне просыпается жгучий интерес: чем же этот гордец ответит?

Но Добрыня спокойно стоит за моей спиной всё то время, пока Ратмир зачитывает последние слова отца. И он радительно отличается от Ставра. Тот вечно переглядывался с сенными девками или, скучая, ковырял пояс.

Колдун же — само сосредоточение, и я невольно думаю о том, как хорошо он будет смотреться за моим плечом, когда мы посмотрим в глаза Мстиславу.

Пока Ратмир не произносит ничего нового. Условие батюшки неизменно: светлоярским князем станет лишь тот, кто убьет Змея, и неважно, какого роду-племени будет этот человек. Я тяжело вздыхаю. Интересно, отдал бы Микула меня, например, за бродягу? И тут же вздрагиваю, вспомнив, что как раз один такой стоит сейчас за моим плечом.

В этот миг Радогост протягивает мне еще один пергамент.

— Это должна прочитать ты сама, — говорит он. — Здесь... тайна рода.

После этого мои ближние люди скупно кланяются и выходят вон.

Я остаюсь с пергаментом в руке. Добрыня молча кланяется тоже и спрашивает:

— Нужен я еще тебе? — и я не могу не признать, что смирным он смотрится едва ли не лучше, чем скалящим клыки.

Это вызывает у меня неожиданное восхищение. Уверена, мой тысяцкий, воевода и волхв сочли бы что я должна выставить опасного наглеца. Мы встречаемся взглядами, и я неожиданно понимаю: хочу вознаградить его за то, как он держался и выглядел сегодня.

— Сделай так, чтобы никто батюшкиных слов не услышал, — распоряжаюсь я и с интересом слежу за ним.

Княжеское доверие — вещь, которую не каждому дано заслужить.

Добрыня молча подносит мне тяжелый кованый подсвеч-

ник, ставит его около аналоя, на который я бережно кладу грамоту, а сам отходит в дальний угол, к печи. Там он садится на лавку, вынимает из кожаной калиты небольшой оселок и начинает править клинок, который наверняка затупился за время лежки в княжеской казне.

Убедившись, что монотонный лязг стали заглушит мой голос для тех, кто, возможно, затаился в сених, я набираю воздуха в грудь и приступаю к чтению. Слова написаны ровным плотным уставом без единого пробела, поэтому мне приходится проговаривать текст вслух, чтобы уловить, где кончается одно слово и начинается другое.

Отец не знал грамоты и за долгие годы так ей и не выучился. Он до последнего продолжал считать себя пахарем.

То ли дело я.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я оживляю своим шепотом слова, записанные с его голоса:

«Ты должна знать, Настасья, какова была моя клятва Земле. Много вытерпела она от проклятого Змея. Много девок и парней унес супостат, много детей живыми сожрал, а сколько отравлял поля да луга. И вот тогда я поклялся, что положу ему конец. Я взял силу, что Земля давала, но проклятуций враг оказался хитер. Он спрятался от меня, ушел в глубокие норы и затаился там. Я завалил вход, отчаявшись найти гада. А потом болота эти, где жил Змей, стал очищать. И зацвела тут под моей рукой Земля. Так появился Светлояр.

Но об одном меня предупреждала Матушка — нельзя делиться своей силой, иначе враг учует слабость. Вернется сильнее прежнего. Не послушал я, когда встретил твою матушку. Ты родилась. И как дочь моя забрала себе часть. Послушай, Настасья, враг больше всего владеть этим хочет — если он получит себе мощь земную, то не будет ему ни в небе, ни на земле равных. Оттого он столько ждал. Оттого украл тебя. А я потому и велел Марье, что должна родить мне богатыря».

Я вскидываю голову, потому что знаю, что было дальше: умерли оба — и мой нерожденный брат, и матушка.

«Я не могу простить себе этого, Настасья. Должен был одной тебе радоваться».

Я сглатываю.

«Поэтому, дочь моя, я ушел искать Змея. И если не сдюжу, убьет он меня, то сила к тебе вернется целой. И ты уж тогда не оплошай. Не слушай сладкие речи. И мужа себе не бери, покуда не прикончит чудовище. Силу Земли Змей не должен получить».

Из ослабевших пальцев выскальзывает пергамент.

Так вот как всё было! Я столько лет терзалась, считая свое рождение ошибкой. Но истинной ошибкой Микулы оказалось то, что он не довел дело до конца! А расплачиваться теперь мне. Я должна найти какого-то богатыря, который обуздает чудовище, хотя с ним в свое время не справилась даже полная мощь Земли!

— Проклятие, — цежу я.

Добрыня тут же поднимает голову, откладывает оселок и с щелчком вгоняет клинок обратно в ножны.

— Княгиня? — он поднимается.

— Проводи меня до покоев! — бросаю я бережцу. — Да сделай так, чтобы никто по дороге и слова мне сказать не посмел!

Он кивает. Распахивает передо мной двери, и дальше я иду по гульбищам и темным лестницам, словно в горячке. Всё смешивается перед глазами. Как отец мог взять и оставить всё на меня: Змея, Светлояр, клятву?!

Я останавливаюсь перед бывшей горницей Ставра. Следующая дверь, тяжелая и окованная железом — моя. Именно сейчас я понимаю, что не хочу видеть Добрыню рядом с собой этим вечером.

— Твоя служба на сегодня окончена, — собрав остатки воли, я вскидываю подбородок, чтобы посмотреть бережцу в глаза. — Ступай к себе, поешь и выпишь.

С этими словами я разворачиваюсь и шагаю в свои покои. Последней промелькивает злая, горькая мысль: зачем я только послала к нему лучших постельниц, что сыскались в тереме? Но менять что-либо уже поздно.

Глава 8. Черное колдовство

Едва тяжелая дверь за княгиней затворяется, Добрыня с хрустом разминает затекшие шею и плечи. Давно он не стоял с такой прямой спиной. Рядом с Настасьей, на глазах у ее волчьей стаи, в нем вдруг шевельнулось то, что он считал давно и надежно похороненным. Нечто сродни былой княжеской гордости — и он тут же получил сполна.

Добрыня усмехается. Дурак. Полез куда не следовало вместо того чтобы просто тихо делать дело, за которым он тут оказался.

Какое-то время он просто стоит в полумраке гульбища, глядя на темное железо, которым окованы ее двери. Глупо врать себе: ему приятно осознавать, что сейчас лишь он стоит между княгиней и остальным миром. Шагни в этот миг в сени враг — он бы не раздумывая пустил в ход сталь. Уж больно хороша и отчаянна эта девчонка в роли юной хозяйки Светлояра. Дать такую в обиду было бы хуже позора.

Но причина, по которой он ввязался в эту игру, куда темнее. Мстислав, вышгородский выродок, наверняка пустил в ход черную волжбу, пытаясь через пролитую кровь выследить и удушить того, кто оставил ему рану. Ищет одолевшего его колдуна.

И вот тут-то Добрыню настигло то, от чего он бежал. Ко-

гда-то у него были свой город, отцовский меч и земля, на которой не требовалось прятать крест под рубахой. Потом он очнулся здесь — среди чужих богов, заговоров и силы, поселившейся в его собственных руках. Дар чуждый, грязный, противный всей его вере и природе. Он исходил сотни верст, ища способ выжить, убить в себе это колдовство. Но все, кого он встречал на пути, твердили, что он глупец, отвергающий благословение богов.

И только Змей выслушал...

Добрыня дергает плечом, сбрасывая воспоминание. Он не лгал Настасье ни единым словом. Он доберется до этого вышгородского щенка и заставит его захлебнуться собственными заклятиями. Потому что пока Мстислав тянется к нему своей магией сквозь пространство, спавшая в Добрыне проклятая сила начинает отзываться и жечь его.

Тяжело выдохнув, он толкает от себя дверь своей новой горницы — и замирает на пороге.

Внутри жарко натоплено по-белому. Горят настоящие восковые свечи. А посреди комнаты застыли две рыжие красавицы, похожие друг на друга как отражения в воде. По их высоким скулам и стати бережец мгновенно читает породу: северянки. Девицы одеты в легкие, почти прозрачные льняные рубахи.

Одна из них покорно держит медный кувшин над лоханью, другая уже плавно опускается на колени, готовясь стянуть с него тяжелые сапоги.

— Приветствуем, господин, — мягко произносят сестры в один голос.

Добрыня медленно сглатывает. Княгине всё же удалось застать его врасплох. Вот несносная девка! Неужто и впрямь решила, что он будет предаваться разврату всю ночь?

— Кто будете? — спрашивает Добрыня резче, чем стоило бы.

Девицы не тушуются. На их лицах расцветают загадочные полуулыбки, способные растопить сердце любого мужчины, но Добрыня давно не считает себя обычным.

— Инга, — плавно отвечает одна.

— И Аста, — вторит ей другая, склоняя голову с идеальной, пугающей покорностью. — Нам велено во всем слушаться твоих приказов, витязь.

Добрыня прикрывает глаза, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение. С чего Настасья взяла, что может вот так просто распоряжаться его желаниями? Но и срывать злость на невольниках тоже не дело.

— Согрейте постель, — бросает он, и, круто развернувшись, выходит обратно на темное гульбище.

Кровь кипит. Да что она себе позволяет?! Эти двое явно лучшие постельницы во всем детинце. Добрыня спешит вниз по лестницам, тяжело и гневно дыша. Какой-нибудь Ставр или Демьян не вылезал бы из их объятий до самого утра. Но прислать такое в услужение *князю*...

Добрыня замирает на полушаге.

Проклятье. В какой миг он снова позволил себе мыслить как оскорбленный князь?

Он делает глубокий вдох, и его тело само вспоминает нужное. Напряженные плечи опускаются. Тяжелый, чеканный шаг сменяется бесшумной, стелющейся поступью наймита. Он снова человек без рода, инструмент. Весь сегодняшний день и так стал сплошным попранием клятв: он ведь обещал себе, что больше никогда нигде не остановится надолго. Что не склонит голову перед чужими приказами. И уж тем более — что запретит себе служить...

Добрыня выходит на прохладный двор терема и с негромким шелестом вынимает меч из ножен. Единственный обет, который он не предал — не выпускать из рук оружия. И статус ближнего бережца позволяет ему именно это. Он сумел убедить Настасью, что будет сражаться за нее, и пока их общий враг — Мстислав, так оно и будет.

Он проходит на середину двора. Раскисшая почва должна была бы громко чавкать под ногами, но бывший князь, научившийся в плену убивать искусно, ступает слишком мягко — издалека его не слышать.

Добрыня с размаху вонзает клинок в столб, туго обмотанный тряпками для упражнений княжеской стражи. Раздается глухой удар стали о дерево. Он делал это сотни раз, чтобы не слабела рука.

Но сейчас он здесь не ради упражнений.

Не прекращая мерно наносить удары, Добрыня вскидыва-

ет взгляд на окна гостевого крыла, где разместились вышгородцы. Это старое правило: сложнее всего вычислить того, кто стоит на виду. Добрыне жизненно важно узнать, где этот проклятый малец прячет своих настоящих колдунов. Ведь не зря ходит людская молва, что и сам Берендей, и дети его — «пустышки», выродившаяся кровь Велесовых чародеев.

Мелькает тень в окне. Если бы не Мстислав и его темная волшба, Добрыня никогда бы не позволил себе вновь обрести дом и стены.

Он с яростью вколачивает клинок в изрубленный столб.

Щенок безусловно поплатится за это.

В окнах гостевых палат, затянутых мутной слюдой, мечутся рваные тени. Опытный взгляд Добрыни безошибочно выхватывает длинный и тонкий силуэт — вышгородский княжич. Тот сидит неподвижно, а над ним суетится другая тень, поменьше. В какой-то момент музыка, доносящаяся из палат, становится громче. Добрыня кривит губы в жесткой усмешке: это чтобы заглушить княжеские стоны.

Колдовскую рану не так-то просто выжечь. Но если бы этот щенок не возжелал немедленно поквитаться, его лечцы наверняка уже управились бы.

В голову вдруг бьет неожиданная, злая мысль: а что тогда стало бы с Настасьей? От этой мысли струйка ледяного холода стекает по позвоночнику, пробираясь, кажется, на самое дно души.

Добрыня с яростью снова вгоняет клинок в изрубленный,

обмотанный тряпьем тренировочный столб. Да какая ему разница?! Эта девчонка позволила себе распоряжаться его постелью, решать, чего и кого ему хотеть, приравняла его к обычным дворовым кобелям!

Но тут же по груди разливается предательское тепло. Он вспоминает, как Настасья приказала ему остаться. Как читала при нем последнюю отцовскую волю, доверилась до конца когда он сам себе не доверяет.

Она выбрала не тех, кто скалил клыки в совете. Она выбрала его.

От этого на миг становится нестерпимо жарко. Добрыня до побеления костяшек сжимает рукоять всаженного в дерево меча, со скрипом стискивая зубы. Ему нельзя думать о таком!

— Ни дома, ни семьи... — глухо шепчет наемник.

И в этот самый миг он замечает, как от дверей гостевого крыла отделяется юркая тень.

Добрыня мгновенно подбирается, словно гончий пес. Отбросив мысли, которые кажутся ему сейчас слишком опасными, он бесшумно скользит следом.

Тень жметя к бревенчатым стенам — слуга Мстислава явно хочет остаться незамеченным. И крадется он вовсе не к поварням, а к неприметной двери, ведущей в ледник, то и дело испуганно озираясь.

Добрыня идет по его следу мягко, по-кошачьи, потому что колдовская сила, надежно запертая в его собственных венах,

вдруг начинает отзываться на то, что несет в руках этот человек. Бережец княгини физически чувствует, как впереди пульсирует тяжелая, густая черная волжба. Теперь он уверен: Мстислав отправил что-то чародеям, чтобы те извели обидчика.

Добрыня хищно скалится. Знать, крепко он щенка напугал.

Выждав, пока возня впереди стихнет, он аккуратно открывает дверь и юркает в ледник. Смертельная опасность, смешанная с пьянящим охотничьим азартом, заполняет его до краев. Так ходить его научили в ханском плену: сливаться с чужими шагами и дышать лишь тогда, когда дышит жертва.

Он сразу замечает откинутую тяжелую ляду — крышку потайного люка. Добрыня склоняется над черным провалом, откуда тянет могильной сыростью и спертым земляным духом. Слуга пошел туда, освещая путь крошечным огоньком лучины. Добрыне же придется ступать во мраке на ощупь: зажечь свет — значит немедленно выдать себя.

Он шумно втягивает ноздрями стылый воздух и абсолютно бесшумно спрыгивает в земляную кишку тайника. Охотиться так охотиться.

Вены снова обжигает колдовским огнем. Он ощущает, как невидимая магическая нить, связавшая его с Мстиславом через пролитую кровь, натягивается всё туже. Но Добрыня, не колеблясь ни мгновения, шагает во тьму.

Впереди пыхтит и спотыкается слуга. По его рваному ды-

ханию слышно, что парень смертельно боится и темноты, и того узелка, что прижимает к груди.

Земляной лаз оканчивается снаружи крепости, в густом плакучем ивняке у реки. Добрыня специально всё это время держал дистанцию, сливаясь с шумом шагов жертвы, чтобы не спугнуть.

Мальчишка выскакивает на берег и лихорадочно отвязывает лодку. И тогда ближний бережец позволяет себе выйти из тени. Он плавно, с тихим шелестом вынимает меч из ножен, позволяя лезвию холодно блеснуть в лунном свете, но не скидывает с головы глубокий капюшон плаща. Посланнику ни к чему знать, какое у него лицо.

Мальчишка взвизгивает, роняет узел и в панике начинает рубить привязь лодки ножом.

Добрыня легким, пугающе изящным для крупного мужчины прыжком оказывается в лодке и единым движением подхватывает с досок брошенный узелок.

— Кому и куда это ташил? — произносит он. — Говори как есть, и уйдешь отсюда на своих двоих.

Парень замирает. Несколько мгновений он смотрит на черную фигуру абсолютно остекленевшими, пустыми глазами. А затем резким, неестественным движением подносит свой же нож к собственному горлу и с силой давит на рукоять.

Алая кровь брызжет во все стороны, пачкая борта.

Добрыня бросается вперед, перехватывает его руку, но

слишком поздно. Мальчишка с влажным бульканьем оседает прямо на него.

Грудь наемника тяжело вздымается. Запах свежей крови, чужое обмякшее тело на руках — всё это мгновенно, болезненно оживляет худшие воспоминания. Он помнит, как вот так же держал умирающих отроков, которые когда-то служили ему и так нелепо погибли в битве.

Добрыня заставляет себя судорожно выдохнуть, передергивает плечами и возвращается в реальность, бережно опуская мертвое тело на дно лодки.

Он чувствует это. Плотный, липкий морок, сводящий людей с ума — тот самый, что стоял в Мертвой Пади. Чародеи Мстислава чудовищно сильны, но Добрыню их волжба пока пронять не может — из-за той самой отравленной, чужой силы, что кипит сейчас в его собственных жилах.

Добрыня поднимается над трупом и скалится в лунную ночь.

— Будьте вы прокляты, — бросает он глухо, адресуя эти слова древним богам, наградившим его этой ношей.

После этого он подходит к телу юноши. Не обращая внимания на липкую кровь, Добрыня бережно скрещивает руки мертвеца на груди — правую поверх левой. Затем окунает ладонь в ледяную речную воду, смывает багровую грязь со лба мальчишки и большим пальцем чертит на его бледной коже невидимый крест. Короткая молитва за упокой души, погубленной бесовским мороком, слетает с его губ.

Исполнив этот краткий долг, Добрыня обнажает меч и несколькими сильными, размашистыми ударами прорубает тонкое дно лодки. Вода с жадным шипением рвется внутрь. Бережец упирается сапогом в борт и мощным толчком отплавляет суденышко на стремнину.

— Покойся с миром, — глухо роняет он во тьму, глядя, как река поглощает свою жертву.

Проклятый узелок перекочевывает в кожаную калиту на поясе. Добрыня бросает взгляд на чернеющие вдали зубцы детинца. Пронести это за стены? Безумие. К утру чародеи Мстислава могут нащупать след, и тогда княжич первым обвинит нового бережца в наведении порчи. Эту дрянь нужно спрятать за пределами крепости, там, где вышгородцы искать не посмеют.

Решение приходит мгновенно.

— Скоро же ты воротился, — Малуша, вышедшая на глухое заднее крыльцо своего черного двора, тихонько охает и качает головой. В полумраке ее лицо становится по-настоящему серьезным. — Никак осерчала на тебя княгиня?

Добрыня делает беззвучный шаг вперед, в бледную полосу лунного света, позволяя женщине разглядеть темные, влажные пятна на своих руках.

Но взгляд Малуши тут же цепляется не за кровь, а за узелок, который тот уже достал из калиты.

— Хуже, — Добрыня тяжело скидывает голову. — Мстислав ворожить в детинце пытается. Княгине от него добра не

будет. Но я здесь человек пришлый, меня слушать не станут.

Малуша упирает руки в бока.

— Знаю я, что про тебя на посаде говорят, — она издает короткий, тихий смешок, чтобы не разбудить соседей. — По мне, так не колдун ты.

В темноте блестят ее проницательные глаза.

— Ты намного интереснее.

Добрыня едва заметно улыбается. Искренне. Впервые за весь этот бесконечный, безумный день.

— Хочешь княгине услужить? — он протягивает ей сверток. — Она не забудет. И я не забуду.

Малуша с сомнением смотрит на узелок, словно чуя исходящую от него опасность. Она задумчиво покачивает головой, но затем быстро, цепко сгребает страшную ношу с широкой ладони воина.

— Сдается мне, дело это гиблое, — ее глаза снова озорно вспыхивают. — Но... верю я тебе, соколик.

— Отнеси старухе Велине, о которой ты рассказывала., — негромко бросает Добрыня, Малуша сама хвасталась, что знает в посаде всех — от повитух до старых ведуний, который княжеские волхвы предпочитали не замечать. — Пересыпь солью. И никому кроме ведуньи не показывай.

Малуша оборачивается и, несмотря на весь ужас ночного визита, лукаво подмигивает бережцу.

— А ты заходи еще, витязь, — мягко произносит она на прощание, скрываясь в темноте подклета. — Поговорим.

Путь обратно лежит через стылую грязь и слякоть — в обход запертых ворот посада иначе не попасть, только по кромке берега. Когда Добрыня возвращается в детинец, он с ног до головы перемазан глиной и несет на себе тяжелый, гнилостный дух речной тины. Он достаточно опытен, чтобы тенью проскользнуть мимо ночной стражи, но вот насквозь промокшую одежду так просто не спрячешь.

Поэтому бережку приходится сбросить тяжелые, хлюпающие сапоги еще в сенях, чтобы не оставить грязных следов на чистых половицах гульбища, и бесшумно шагнуть в свою горницу.

Он легонько толкает створку, ожидая увидеть двух спящих рабынь. Но слух у княжеских постельниц, натасканных улавливать каждое движение господина, не уступает его собственному. Инга и Аста тут же вскакивают с ложа. Девицы раздеты догола — приказ Настасьи «согреть постель» они поняли буквально.

Добрыня замирает на пороге и тяжело выдыхает. Холод пробрал до самых костей, тело бьет крупная, неконтролируемая дрожь, а зуб на зуб не попадает. Какие тут, к черту, постельные утехы? И хотя он вполне способен оценить красоту девушек — тут княгиня расстаралась от души, — эта мысль вызывает лишь раздражение.

Это распаляет в нем злую решимость показать Настасье, что он не так прост, как ей кажется.

— Рубахи наденьте, — сурово, сквозь стучащие зубы, бросает Добрыня.

Только убедившись, что рабыни торопливо потянулись за льняным тряпьем, он начинает стягивать с себя тяжелые, прилипшие к коже ледяные вещи. А то еще решат, что он прямо сейчас на них броситься готов.

Инга и Аста смотрят на Добрыню с недоумением, граничащим с испугом.

— Не любы мы тебе, господин? — робко подает голос первая.

Но Добрыня так вымотан, что ему трудно даже шевелить языком.

— Ужин, — добавляет вторая, указывая на нетронутое блюдо с мясом на столе.

— Сами ешьте, — глухо отзывается Добрыня, сбрасывая на пол мокрые порты. — А потом в постель.

Девицы затравленно переглядываются. Бережец с шумом втягивает воздух, пытаясь унять колотящий его озноб.

— Греть простыни будете, как княгиня и приказала.

Он падает на ложе. Давно он не спал вот так, на мягком, как подобает князю. Густой мех шкур ласкает промерзшую кожу, и после ледяной воды напряженные, сведенные судорогой мышцы начинают мучительно расслабляться.

Добрыня утыкается лицом в подушку, вдыхая горьковатый запах сушеной полыни, и на мгновение теряет концентрацию. Перед внутренним взором вспыхивает лицо Наста-

сьи — это всё дала ему она. Ее дом, ее тепло.

Кулаки инстинктивно сжимаются. Он вскидывает голову, борясь с желанием вскочить — уязвленная гордость кричит, что он не должен принимать от нее этот подарок.

— Болит, господин? — тихо спрашивает одна из близняшек, робко касаясь старого уродливого шрама на его плече. Добрыня еще не научился их различать.

Он резко оборачивается, издавая низкий, предостерегающий рык. Девчонки испуганно замирают, но не отстраняются.

— Нет, — отрезает он и, немного поразмыслив, снова бесильно падает на подушки, позволяя их горячим телам прижаться к его бокам. — Просто замерз. В воде ледяной плавал... Кому скажете об этом — не сносить мне головы.

Произнеся это, он мирно закрывает глаза.

Инга и Аста — рабыни. Наверняка еще ни один из хозяев не кормил их со своего стола, а лишь пользовался их юными телами, брал свое и выгонял. Добрыня же слишком устал, чтобы угрозами выбивать из девчонок верность, да и не хочет он этого делать. В глубине души он словно боится доказать самому себе, что даже здесь, в Тридевятом царстве, люди стоят того чтобы к ним привязываться.

Пусть лучше предадут...

Ему снится луг у родного города. Высокие травы, тянущиеся к земле. Ее смех. Он все никак не может восстановить в

памяти ее лицо — всё затянуто дымкой после того, что с ней стало. Помнит только волосы, легкие как пух, светлые пряди, летевшие по ветру, когда она распускала их только для него. И этот густой, нагретый солнцем запах полудня.

Потом видение обрывается. Его сменяют разбитые пальцы, порванные сухожилия, липкая кровь. Его забивали до смерти после того брошенного хану оскорбления, когда он в последний раз заговорил с ней в плену. На миг ему показалось, что можно сбежать. Тогда хан дал своей знатной полонянке выбор: остаться с ним или разделить участь мужа и сгинуть в грязи.

Она выбрала золото.

А его бросили на последний потешный бой с переломанными костями. И там, задыхаясь в собственной крови под хохот степняков, он думал вовсе не о мести — он думал о том самом луге и запахе ее волос. О доме.

Он сам толком не понял, как очутился в мире, где никогда не знали ига. Просто в один миг распахнул глаза под чужим, но удивительно родным небом. Рядом пасся конь, в вышине кружил сокол, а сам он лежал в пыльном, заляпанном кровью рабском рубище.

Дверь со скрипом отворяется, и Добрыня в мгновение ока вскакивает с постели, выдергивая из-под подушки клинок. Вернув себе право носить оружие, он поклялся больше никогда не выпускать его из рук.

На пороге замирает Демьян и от неожиданности даже от-

шатывается назад.

Тело Добрыни медленно отпускает напряжение. Он нарочито вальяжно опускает меч, принимая расслабленную позу человека, которого разбудили среди бела дня.

— Чего тебе? — бросает он небрежно, с тем пронзительным чувством собственного превосходства из прошлой жизни, когда он еще не склонил голову перед ордой, спасая от жуткой участи родной город.

Демьян кривит губы в насмешливой улыбке, скользя взглядом по его обнаженному телу.

— Княгиня-матушка уж давно на ногах, требует тебя к себе, — бросает он и захлопывает створку.

Добрыня сухой ладонью резко растирает лицо.

Проклятие! На глаза попадают безобразные рубцы от цепей на запястьях. Опять забыл, где он! Ближний бережец должен был стоять у княжьих дверей с первыми петухами.

Он косится на узкое окно: солнце уже давно перевалило за крыши.

Долго же вытерпела Настасья! Добрыня сглатывает, прочищая пересохшее горло, и единым, пружинистым движением соскакивает с ложа.

Инга и Аста со сна испуганно протирают глаза.

Он уже было собирался отослать их к хозяйке, но вовремя замечает, с каким голодным, тоскливым вождением девицы смотрят на вчерашний ужин — на роскошное блюдо с мясом, к которому он даже не притронулся. Добрыня натя-

гивает сухие порты и молча кивает им на еду.

Он слишком хорошо помнит, каково это — когда тебя моят голодом просто так, потехи ради, за строптивый норов.

Девицы затравленно переглядываются, не смея поверить.

Тогда Добрыня сам садится за стол, берет нож и начинает крупно нарезать мясо, деля остывший завтрак на три равные порции. Неслыханная, безумная вольность в обращении с чужими рабынями. Если Настасья взбесится, то пусть быстрее выставляет его за дверь. А с черной волшбой Мстислава, даст бог, посадская ведунья теперь и сама справится.

Одна из девок робко вскидывает на него испуганный взгляд.

— Ты чьих будешь? — усмехается Добрыня, а затем, чуть понизив голос, спрашивает на ее родном языке: — Как твое настоящее имя?

— Ингрид, — девицы затравленно переглядываются. — А это Астрид. Матушка нас уже здесь родила. Ее, брюхатую, в рабство продали.

И вдруг, осмелев, с отчаянной надеждой прибавляет:

— Поможешь нам хоть одним глазком на родину нашу взглянуть, господин?

Добрыня не успевает ответить — кусок мяса буквально встает поперек горла. Он же давал себе железный зарок: ни к кому не привязываться и не быть никому нужным. Но додумать эту мысль ему не дают. Дверь в сенях с грохотом распахивается:

— Эй, девки! — раздается зычный голос Демьяна. — Пора и честь знать!

Добрыня криво усмехается, прожевывая еду. Ох, и разозлил же он Настасью, раз она снова этого своего цепного прихвостня прислала.

Глава 9. Соперник

Я расхаживаю взад-вперед по горнице, не находя себе места. Не то чтобы я очень ждала увидеть Добрыню у своих дверей на рассвете, но его дерзкое отсутствие заставляло меня думать о дикаре неустанно. Что он о себе возомнил? Что вообще себе позволяет?!

Я прождала столько, на сколько хватило терпения, и, наконец, кликнула того, кто привык меня сопровождать. По уму, надо было идти в гридницу с Демьяном и там спокойно обдумать, как проучить зарвавшегося бережца, но проклятое любопытство взяло верх.

И я узнала. Узнала, что этот паршивец провел всю ночь в объятиях моих же постельниц, а наутро даже прикрыться не потрудился, когда за ним пришли!

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Ненавижу!

Добрыня всё не идет, и тогда я, кипя от негодования, посылаю за его девицами. Уж эти-то точно не осмелятся ослушаться. А он... он не смеет выказывать мне такое неуважение!

Пока я жду, придумывая для наемника кару поизощреннее, в голове назойливо крутятся недавние слова старой няньки Марфы:

«Ох, знаешь, любовь, деточка — это когда ты теряешь покой из-за него. И ни о чем другом уж не думается».

В ярости топаю ногой. Вздор! Не может быть у меня никакой любви к этому невыносимому, дурному человеку!

Дверь тихо скрипит. Инга и Аста неслышно заходят в мои покои и низко, в пояс, кланяются.

Я принимаю самую расслабленную и властную позу, на которую сейчас способна, и цежу сквозь зубы:

— Ну что, сильно утомил он вас ночью?

— Нет, матушка, — испуганно шепчет Инга. — Он нас сразу же покинул.

— Не смей мне врать!

Девушки кланяются еще ниже, едва не касаясь лбами чистых половиц.

— Истинная правда, княгиня, — торопливо прибавляет Аста. — Он полночи где-то бродил. Вернулся весь мокрый, бледный, тиной от него разит...

Гнев мгновенно уступает место острому, невыносимому любопытству. Что же делал мой ближний бережец в ледяной реке?

— Продрог он, — виновато произносит Инга. — Очень сильно продрог. Приказал, чтобы мы его в постели грели.

Я язвительно усмехаюсь:

— Да не так, как ты приказывала, матушка! — поспешно, краснея, добавляет рабыня. — А просто теплом. Телами нашими. Не тронул он нас.

— Значит, никак не обидел?

Девицы дружно мотают головами.

— Хороший он человек, — вдруг, совершенно искренне, прибавляет Аста. — Добрый.

Я изумленно хмыкаю. Вот это да! Не только бояр этот Добрыня может уесть, но и девиц приворожить без единого поцелуя. Осталось только убедиться в том, что они мне не соврали.

— Хорошо, — обманчиво спокойно заявляю я. — Несите-ка мне его вещи, те самые, в тине испачканные. Если солгали — велю на конюшне трудиться и конюхам помогать.

Девицы тут же испаряются в сених.

А следом за ними, почти без заминки, является Добрыня. Он одет в ту же одежду, в которой вчера явился в детинец.

— И где же мои подарки? — усмехаюсь я, скрестив руки на груди. — Так ты, значит, относишься к княжеской милости?

— Так ты сама уже всё, княгиня, знаешь, — отвечает Добрыня, отвешивая мне поклон.

Я изо всех сил стараюсь сдержать улыбку, упрямо рвущуюся с губ. Этого человека невероятно трудно поймать в ловушку — и, признаться честно, это начинает мне нравиться.

Молчание затягивается, но тут створки горницы вновь открываются. Девки вносят перемазанную глиной и засохшей грязью одежду, со страхом кладут ее к моим ногам, и я властным жестом отсылаю их прочь.

Внимательно рассматриваю тряпки, а затем медленно перевожу взгляд на своего бережца.

— Отчего тебе вдруг ночью захотелось искупаться? — спрашиваю вкрадчиво, хотя уже прекрасно понимаю, почему он молчит. Такие, как Радогост и Путята, тут же заподозрили бы его в измене или воровстве.

Но я хочу знать правду. Я приподнимаю подбородок и смотрю Добрыне прямо в его по-волчьи внимательные глаза. *Давай. Или ты сейчас скажешь правду, или пожалеешь.*

— Я вчера упражняться во двор ходил, пока девки, как ты приказала, перину мне грели, — произносит он это с каким-то особенным, тягучим наслаждением, не отрывая от меня взгляда. — И заметил слугу Мстислава. Тащил он что-то странное в руках. Я за ним спустился в земляной лаз, что кончается на берегу реки. А мальчишка, как только понял, что я его обнаружил, нож себе в шею воткнул. Не раздумывая. Черное это колдовство, Настасья. Вели его тело ниже по течению в омуты искать. И пускай волхвы сами осмотрят мертвеца.

Звучит пугающе убедительно. Я отворачиваюсь, пытаюсь скрыть дрожь, и ворошу сафьяновым мыском сапожка брошенную одежду. В глаза сразу бросаются бурые пятна на рукавах. Кровь. Ну что ж... Либо он сам кого-то хладнокровно прирезал, либо действительно рисковал головой, защищая меня, хотя мог бы всю ночь спокойно кувыркаться с девками в тепле.

Щеки предательски вспыхивают жаром, как только эта мысль возвращается, и я спешу заглушить смущение, сделав то, что обязана сделать любая правительница на моем месте.

— Ну, если не соврал, награжу тебя, чем сам попросишь.

Добрыня делает мягкий, бесшумный шаг ко мне. На его губах расцветает хищная, предвкушающая улыбка.

— Я больше для тебя сделаю, княгиня. Сегодня же Мстислав сам проговорится. Ты только меня рядом держи.

Звучит пугающе соблазнительно, и я, сама того не желая, тянусь к Добрыне. Но тут тяжелые створки с грохотом распахиваются, и мы одновременно оборачиваемся к дверям.

На пороге замирает Радомир, сын воеводы — красивый, статный, пышущий юношеским гневом. Его волосы, золотые, как спелая пшеница, лежат крупными волнами, а дорожная кольчуга начищена до такого ослепительного блеска, что сенные девицы вечно сворачивают шеи ему вслед.

— Княгиня, что этот пес себе позволяет?! — восклицает Радомир, инстинктивно кладя ладонь на рукоять клинка.

Добрыня плавно, по-кошачьи делает шаг назад и медленно оборачивается к вошедшему, расправляя плечи. Он не спрашивает вслух, кто это такой, но весь его обманчиво ленивый вид служит одним большим вопросом.

— Это мой ближний бережец, Радомир, — спокойно произношу я, намеренно вставая между двумя мужчинами. — Не гневайся. Он только седмицу как из глухих лесов. Еще немного дикий.

В темных глазах Добрыни вспыхивает опасная искра, но бережец ни единым жестом не выдает своего возмущения, продолжая разглядывать воеводича.

— Но зачем же пускать смерда...

— Он сильный колдун, — жестко обрываю его я. — А у нас в лесах нынче неспокойно, да и люди Мстислава бродят под окнами... — Я вскидываю подбородок, меняя тему. — Как прошло твое посольство в Степь, Радомир?

Воеводич с неприязнью косится на Добрыню, застывшего невдалеке с видом скучающего хищника.

— При нем? — цедит он сквозь зубы.

— Говори, — приказываю я.

Радомир тяжело вздыхает, но затем расправляет грудь, и лицо его светлеет:

— Посольство прошло удачно, княгиня! Батюшка твой покойный думал, что Степь защитит Светлояр от Вышгорода, и вот что передал Великий хан: «Мой кнут мирно лежит у очага. И пока овцы пасутся тихо, им нечего бояться волков». Думаю, можешь больше не дрожать перед Мстиславом, Настасья. Хан обещает мир! Я прогоню вышгородцев сегодня же!

Радомир порывисто делает шаг вперед и касается моих рук. Мы замираем друг напротив друга. Я прекрасно знаю, о чем он мечтает: жениться на мне и стать полноправным князем Светлоярским.

Это было весело давным-давно, когда мы детьми играли

в князя и княгиню в светлой горнице. Но с тех пор, как мне исполнилось десять... Я больше не могу смотреть на златокудрых, безупречных юношей без глухого отвращения. А Радомир, к его несчастью, слишком хорош, слишком светел и красив. Прямо как Змей!

Тихий, хриплый смешок Добрыни разрушает момент.

— Не торопись радоваться, княгиня, — тянет мой бережец, отлепляясь от стены. — Он назвал вас овцами. Пока пасётесь смирно — кнут ему не нужен. Начнёте грызться — придёт стричь обе стороны.

— Да что он несет?! — вскипает Радомир, багровея пятнами. — Кто этому псу вообще рот разрешил открывать?!

Добрыня коротко кланяется мне.

— Пойду-ка я свой пост за дверью займу, княгиня, — с этими словами он с показным удовольствием разминает шею. — А то сегодня и так проспал.

Он выходит, а мы оба провожаем его широкую спину взглядами — думаю, одинаково разгневанными, хоть и по разным причинам.

— Что это за мужлан? — тяжело выдыхает Радомир.

— Не знаю, — честно отвечаю я, чувствуя, как внутри ворочается холодный страх от пророчества Добрыни. — Но в деле своем он понимает.

Бросаю тяжелый взгляд на резные двери и обреченно вздыхаю:

— Идем в гридницу.

Давно пора было это сделать. Бояре и гости заждались.

Я вхожу в просторный, гудящий голосами зал, где уже собрались все главные люди Светлояра. Посольство Вышгорода тоже восседает на почетных местах.

— Как прошло посольство? — густым басом спрашивает воевода Ратмир своего сына, едва я успеваю занять княжеское место во главе стола.

Я почти невольно скашиваю глаза на застывшего за моим правым плечом Добрыню. Часть меня отчаянно надеется, что старые, многоопытные бояре сейчас высмеют мрачное толкование бережца. Но в глубине души я уже знаю, что он прав.

Радомир послушно повторяет переданные ханом слова про «кнут у очага» и «мирных овечек». Но звучат они уже не так звонко и весело, как давеча в моих покоях. В голосе красивого воеводи́ча проскальзывают предательские нотки сомнения — он сам начинает чувствовать подвох.

И Добрыня оказывается пугающе прав. Я понимаю это в тот миг, когда суровый Ратмир мрачнеет и тяжело опускает голову, а хитрый Путята разочарованно цокает языком. Гул в гриднице стихает. Внутри меня всё обрывается, оставляя лишь звенящую пустоту: я осталась совсем одна. Если Светлояру не приведи боги придется схватиться с Вышгородом, степной стервятник тут же явится за нашими землями.

Я злюсь на своего наемника, злюсь до побелевших костяшек, но не могу не признать: он единственный, кто назвал ве-

щи своими именами, вскрыл эту угрозу без обвиняков и сделал это первым.

Бояре встревоженно перешептываются. И только Мстислав Вышгородский, сидящий по правую руку, довольно сверкает глазами, безошибочно уловив нашу слабость.

— Сыграй на гусях! — громко приказываю я поникшему Радомиру, чтобы хоть как-то развеять этот могильный холод в зале.

Вот чем мой товарищ по детским играм всегда славился, так это вежеством. Он знает заморские языки, обучен красноречию и песням. Пальцы Радомира взлетают над струнами, и он заводит красивую, тягучую былинку. Играет он так виртуозно, что сенные девки, разносящие медовуху, тут же замирают и начинают томно вздыхать.

А ко мне, воспользовавшись этой музыкальной заминкой, вкрадчиво склоняется Мстислав.

— Послушай меня, княгиня, — тихо, чтобы не слышали ближние бояре, произносит он. — Я знаю, как мы могли бы ответить хану на его дерзкие слова. Давай обсудим это за игрой в тавлеи.

Я крепче сжимаю в ладони тяжелый кубок и медленно киваю.

Пожалуй, поговорить нам давно пора.

Как только пир подходит к концу, я поднимаюсь со своего места и приглашаю гостя за доску.

Мы неспешно идем по сумрачным переходам терема в малую горницу — туда, где батюшка Микула предпочитал вести разговоры не для чужих ушей. Дорогое корзно Мстислава тихо шелестит при каждом шаге, но даже тяжелый шелк не может скрыть того, как вышгородский княжич тощ и сутул.

Я невольно скашиваю на него взгляд, вспоминая «богатыря» из Мертвой Пади, и меня накрывает волной ледяного отвращения. Этот недоносок думал взять меня обманом и насильно утащить в свою вотчину?

Только присутствие Добрыни не дает моему сердцу сорваться в панический ритм. Рядом с ним я чувствую себя паразитально, пугающе защищенной.

Бережец распахивает тяжелые двери, и я вижу, что слуги уже расставили на столе тавлеи.

Проходя мимо, Мстислав кидает на Добрыню быстрый взгляд, который на краткий миг кажется мне затравленным. Мой бережец отвечает ему ленивым оскалом сытого волка, заприметившего зайца — мол, гуляй пока, рано еще тебя убивать.

Я жестом приглашаю Добрыню войти. Мстислав тут же вскидывается:

— Княгиня, этот разговор не для чужих ушей.

— А он и не уши. Он — мой меч, — беззаботно отзываюсь я, занимая место во главе стола.

Глаза Добрыни на мгновение вспыхивают — и я задержи-

ваясь на этой реакции. Я оскорбила его чем-то сейчас?

Мстислав кривится, но не спорит. Он тяжело и как-то неуклюже опускается в кресло напротив, заметно щадя плечо. В этот краткий миг перед моим внутренним взором ярко вспыхивает тот удар, которым Добрыня снес подставного богатыря в Мертвой Пади. В груди разгорается злая уверенность: это был он! Мстислав!

Если раньше я еще сомневалась в словах своего бережца, то теперь точно знаю секреты того, кто сидит напротив меня. К горлу подкатывает невиданная доселе ярость — этот грязный негодяй не получит с моей головы ни единого волоска!

Грудь вздымается от частого дыхания. Я готова сорваться, но тут широкая ладонь Добрыни тяжело ложится на резную спинку моего кресла. Одно властное касание деревянной резьбы у самого моего плеча, один беззвучный знак: *тише, княгиня*.

Его присутствие мгновенно отрезвляет и внушает уверенность в собственной силе. Я выдыхаю, беру в руку прохладную, вырезанную из моржовой кости фигурку и плавно двигаю ее по доске, мурлыкая:

— С чем же ты пришел ко мне, Мстислав? — Вот теперь я, пожалуй, выгляжу как настоящая, опасная правительница, и чувствую, что могу собой гордиться.

Княжич бросает тяжелый взгляд на Добрыню, как на неодушевленный предмет, и начинает плести свою сеть:

— Зачем нам с тобой испытывать друг друга, Настасья?

Мы оба непростые люди, и от нас зависит процветание наших земель. Вышгород усилит Светлояр. Ведь этого нам обоим и надо.

Он двигает свою фигуру, сходу ставя моего «князя» в невыгодное положение. Прежде чем ответить, я краем глаза замечаю короткое, неуловимое движение Добрыни — он едва заметно переводит взгляд на другой край доски, указывая спасительный маневр.

Я прячу улыбку и делаю ровно так, как подсказал бережец. Мстислав раздраженно хмурится.

— Отчего ты так уверен, что именно тебя я захочу в мужа? Светлояр есть кому усилить...

Мстислав на мгновение задумывается, потирая жидкую бородку, а затем делает новый выпад — снова резкий и наглый.

— Потому что, княгиня, я умен и упорен, — он впивается в меня взглядом; тусклые зрачки поблескивают нехорошим огнем. — Этим я пошел в отца. Со мной ты горя знать не будешь. Ни о чем думать не придется. Отец мой лучше твоего умеет со Степью договариваться и посол хана уже сидит в наших палатах.

Это прямая угроза!

Я так зла от намеков Мстислава на то, что он готов с врагом Руси объединиться лишь бы подчинить себе Светлояр, что вдруг осознаю как хотя бы на доске захлопнуть ловушку.

От этой мысли в груди разливается горячий азарт.

Я делаю финальный ход, изящно переставляя фигуру. Шах и мат. Мстислав загнан в угол. Княжич скалит неровные зубы.

А краем глаза замечаю довольную улыбку Добрыни — и от этого собственная победа становится слаще, а решимость растет до небес. Нет, Светлояр не сдастся, покуда за ним стою я и силы Матери Сырой Земли.

— А отчего же ты не думаешь, что княгиня Светлоярская хочет сама решения принимать? — я подпираю подбородок кулачком и с наслаждением победительницы смотрю ему прямо в глаза. — Надо будет, поскачу впереди войска, а батюшка твой предателем земли русской прослышет. Я — названная дочь Земли-матушки и мне она помогать станет. А мужа без капли сил не примет.

Мстислав мерзко скрипит зубами.

— Пожелаешь, княгиня — силы будут. И стеснять тебя я не хочу. Как сына мне родишь, хоть любовника бери.

Я откидываюсь на спинку кресла и, нарочито беззаботно покачивая ножкой, чеканю:

— Я ценю свое ложе, Мстислав. И разделю его только с истинным князем.

Я слышу как Добрыня неожиданно делает шаг назад.

Мстислав встает из-за стола, скривившись. В этот же момент мой бережет наклоняется к доске, показывая всем видом, что собирается убрать фигуры.

— Ворожить еще раз вздумашь — как в Мертвой Пади

уже не пожалею, — долетает до меня сдавленный шепот.

Мстислав слишком быстро выходит из горницы после этих слов.

Мы остаемся одни. Смотрим вслед этому напыщенному, перепуганному гусю и вдруг, не сговариваясь, начинаем смеяться. Искренне, зло и весело. Я чувствую, что рядом с таким мужчиной мне не страшен даже сам хан.

Добрыня, неспешно прикрывает тяжелые створки двери.

Я делаю шаг навстречу, и оказываюсь гораздо ближе дозволенного к этому загадочному, грубому, но такому притягательному человеку. Он оборачивается, чуть приподнимает бровь, но не отступает ни на шаг. Воздух между нами вдруг становится густым и тяжелым, мешая дышать.

— Откуда ты знаешь, как играть в тавлеи? — тихо спрашиваю я. — Это игра только для знати и ближних бояр.

Он кривит губы в полуулыбке и на мгновение опускает глаза.

— Прости, княгиня. Не все могу рассказать. Но обещаю, что буду хранить твои тайны так же крепко, как ты — мои.

Я улыбаюсь, медленно проходя мимо него, и, подавшись необъяснимому порыву, мимолетно задеваю кончиками пальцев жесткий край его рукава. Не знаю, зачем я это делаю. Но тело мгновенно отзывается сладкой, пугающей волной жара — потому что я уверена — он смотрит мне вслед.

— Что если Мстислав выполнит свою угрозу? — спрашиваю я, придя в себя.

Я ведь самому Берендееву сыну отказала, да еще и дала понять, что знаю все о его колдовстве.

— Я буду рядом, — обещает Добрыня и кажется он говорит это совершенно искренне.

В последующие дни мы тщетно ждем отъезда Мстислава — вышгородский княжич внезапно занемог и не покидает своих покоев. А мои верные люди тем временем приносят дурные вести: ниже по течению реки и впрямь нашли того самого пропавшего слугу. Мертвым. И судя по стеклянным глазам и черной крови, перед гибелью его разумом завладела чужая, злая воля.

Вечером я задумчиво смотрю на Добрыню, застывшего каменной глыбой у моих дверей. Как честная правительница, я должна была бы наградить его за спасение. Но как умная княгиня, я обязана его испытать. Этот человек не обмолвился о себе ни словом, но при этом явно знает с чарами, когда-то довел до белого каления моего батюшку и, вполне вероятно, скрывает в себе тьму погуще, чем у любого колдуна. По крайней мере, именно на это без усталости намекает мой старый советник Радогост.

Я сажусь у окна и медленно, со стуком расставляю на доске резные костяные тавлеи. Добрыня бросает на фигурки короткий, цепкий взгляд и тут же снова замирает в своей идеально спокойной, обманчиво-расслабленной позе.

Выдыхаю. Я должна подобрать ключ к его душе. Мои со-

ветники правы в одном: этот степной волк прячет слишком много тайн.

— Садись, — приказываю я своему бережцу.

Он снова скашивает глаза на доску.

— Тогда некому будет охранять княгиню, — голос звучит ровно, он безупречно отстранен, как и всегда.

— Я не хочу, чтобы ты меня сейчас охранял, — я вскидываю подбородок и смотрю ему прямо в глаза.

Добрыня улыбается одними губами. Неслышно, с кошачьей грацией опускается на скамью напротив.

— Покажи, на что способен.

Первую партию он ожидаемо проигрывает. Я сижу в тишине, не сводя с него глаз, пытаюсь уловить хоть малейший признак уязвленной гордости или злости. Ничего. Как же хорошо он носит свою маску, когда ему этого хочется! Причем это не маска вышколенного, заискивающего раба — он совершенно не старается мне угодить. Он просто желает, чтобы о нем думали ровно то, что он сам позволяет видеть.

Но со мной это не пройдет.

Я раздраженно покачиваю ногой под столом. И на краткий миг, на долю удара сердца, успеваю перехватить его взгляд — он внимательно следит за мыском моего сафьянового сапожка.

— Я хочу, чтобы ты был настоящим.

Серые глаза вспыхивают сталью. Кажется, на самом дне этих зрачков я успеваю прочесть вызов. Я подаюсь вперед,

опираясь локтями на стол:

— Докажи, что тебе есть чему меня поучить. И тогда будешь не просто стоять истуканом за моей спиной, но и разговаривать, — я помню как он дернулся, когда я сказала про меч. И сейчас я понимаю, что мне не показалось.

Пальцы его правой руки чуть вздрагивают — мышечная память воина, готового перехватить инициативу, — но он тут же гасит этот порыв. Его взгляд становится глубоким, черты лица приятно смягчаются. Обманчиво. Теперь-то я это понимаю.

— А если осерчаешь, княгиня? — негромко произносит он, и бархат в его голосе заставляет кожу покрыться мурашками.

Осерчаю? Да мне это понравится. И я вдруг с ледяным ужасом ловлю себя на мысли, что откровенно им люблюсь.

— Я скорее осерчаю, если ты продолжишь заговаривать мне зубы.

Он усмехается, на этот раз искренне, и делает свой настоящий первый ход.

Играет Добрыня блестяще. Понять его многоходовую вязь из костяных фигур почти невозможно, и всякий раз, когда мне удастся разгадать его ловушку, меня окатывает волной жгучего, пьянящего восторга. Игровая горячка захватывает и его: бережец зажигается, глаза теплеют, и он начинает местами, почти незаметно, терять свою каменную собранность.

Он шутит — тонко, умно, с такой скрытой иронией, кото-

рую понял бы далеко не каждый в моем тереме. А потом начинает рассказывать о заморских чудесах и невиданных землях. Причем делает это не чтобы бахвалиться, а лишь для того, чтобы развлечь меня.

Так проходит не один вечер. Мы засиживаемся далеко за полночь. Мне невыносимо нравится придвигать к нему блюда с редкими лакомствами, привезенными заморскими купцами: прозрачным, как янтарь, тягучим рахат-лукумом, засахаренными дольками медовой дыни и терпким миндалем в патоке. Мне нравится кормить его чуть ли не с рук и видеть, как из-под скорлупы сушеного наймита проступает человек, умнее и интереснее которого я не встречала за всю свою жизнь в Светлояре.

Я чувствую себя так, словно шаг за шагом приручаю матерого лесного волка. Сердце замирает и сладко трепещет каждый раз, когда он склоняет голову, осторожно беря угощение.

«Всё это ради Светлояра», — упрямо твержу я себе. Хотя в какой-то момент, слушая, как его сильные, покрытые шрамами пальцы перебирают струны гуслей, наполняя горницу щемящей ночной тоской, я окончательно перестаю понимать, какую именно пользу моему княжеству приносит эта музыка. Я отворачиваюсь к слюдяному окошку, наблюдая за тем, как на остывающие луга ложится густой молочный туман.

Внизу, на дворе, мечется Радомир. Отсюда слышно, как

он яростно рубит мечом тренировочные дубовые столбы, вымещая на них свою злость. После того памятного унижения и неудачного посольства моему другу детства словно больше нечем заняться в Светлояре, кроме как холить уязвленную гордость.

— Я пойду, княгиня, — низкий голос Добрыни разрывает тишину. Он мягко поднимается со скамьи. — Завтра у тебя важный день. Тебе нужно спать.

Я перевожу на него взгляд. На кончике языка вертится отчаянное «останься», но я проглатываю его. И отпускаю бережца кивком головы.

Потому что он всего лишь мой слуга. И еще потому, что он единственный мужчина, наедине с которым я чувствую себя в абсолютной безопасности. А значит, влюбиться в него просто невозможно. Ведь любовь, как пишут в старых свитках и поют в веснянках, — это сладкое томление, пожар в крови и тревога, а не это ровное, глубокое спокойствие.

Оставшись одна, я ложусь в холодную постель и кутаюсь в меха и одеяла. И впервые в жизни с пронзительной ясностью осознаю, как отчаянно хочу, чтобы простыни согревало живое тепло чужого тела. Чтобы сильные руки обнимали меня в темноте.

От одной этой мысли щеки вспыхивают жаром, и я, спасаясь от самой себя, с головой утыкаюсь в подушки.

Утром сенные девки будят меня протяжными песнями и

ритуальными причитаниями: «Земля-то, матушка, под снегом стынет...» Грядет первый день весенних посевных работ, и в Светлояре испокон веков принято встречать его с размахом. Кланяться Земле-Матушке, просить, чтобы уродила густо.

Я до дна осушаю чашу с парным молоком. Служанки бережно расплетают мне косы, надевают на голову венок из голых ивовых веточек с набухшими белыми почками, омывают ноги теплой водой. Затем каждая берет по слюдяному фонарю, и под их стройное, звенящее пение я выхожу из терема.

Сердце колотится где-то под самым горлом. Сегодня я должна призвать весну. Это моя первая настоящая проверка — имею ли я право зваться княгиней Светлоярской.

Босыми ногами ступаю на крыльцо, а затем — во двор. Воздух еще по-зимнему колюч, стылую землю покрывает грязный снег, и ступни обжигает таким холодом, что я едва удерживаюсь, чтобы не застучать зубами. Но страшнее холода — липкий, ледяной страх. Что, если отцовская сила не проснется во мне? Не отзовется? Ведь если земля меня не послушает, это будет значить лишь одно: древний Змей под Светлояром больше не заперт.

Я гоню прочь эти мысли и до побеления в костяшках сжимаю в руках ритуальный ковш.

На широком дворе уже собрались мужчины: мои ближние бояре, дружина, именитые гости из соседних земель. Сегодня одному из них я окажу великую честь. Лучший боец

принесет клятву верности Светлояру.

Песня санных девок стихает. Мужчины как один срывают шапки и склоняют головы. В абсолютной, звенящей тишине слышен лишь клекот птиц, кружащих высоко в бледном рас-светном небе.

Краем глаза замечаю Мстислава. Вышгородский княжич бледен, словно полотно, но стоит на ногах твердо. Меня захлестывает горячая волна бешенства: больной, как же! Задумал что-то, поганец, вот и пришел смотреть. Следом мой взгляд скользит дальше, натывается на Добрыню... и я невольно замираю, забыв, как дышать.

Так вот на что мой бережец спустил все те богатые дары, что я отправляла ему «комнату обставить»! Он принимал их без слов, но слуги доносили, что вещи куда-то исчезали. Как исчезал по ночам и он сам — к той самой посадской вдове-ведунье. Я не раз ломала голову, до боли сжимая кулаки: что такого он нашел в ней, чего не могут дать ему мои лучшие постельницы?

Теперь осознание бьет по вискам: он носил дары ей, чтобы та справила ему наряд! Наряд, достойный не наймита, а удельного князя. И как же пугающе, невыносимо ему идет! Где он только раздобыл этот тяжелый, пепельно-серый шелк? Ткань облегает его широкие плечи, делая стальные глаза еще пронзительнее и подчеркивая благородную бледность кожи.

Завтра в детинце снова будут шептаться, что безродный

бродяга позволяет себе слишком многое. Снова мне придется оправдываться перед Радогостом, отвечая, что богато одетый страж лишь подчеркивает величие Светлояра перед гостями. Снова услышу за спиной змеиный шепоток: мол, княгиня молода да горяча, вот и привечает красивого бродягу. Мужа ей надо, да поскорее.

Плевать! Только слепой сейчас не заметит, до чего же хорош мой Добрыня!

«Мой Добрыня»... Я мысленно спотыкаюсь об эти слова, обжигаясь о собственную дерзость. Спешно, словно меня поймали с поличным, перевожу взгляд на Радомира. Мой друг детства одет ничуть не хуже. Он сияет золотом и серебром, являя собой резкий, слепящий контраст с мрачной пепельной строгостью бережца.

Люди замечают мою заминку. Пора. Я делаю первый шаг и твердо опускаю босую ступню на мерзлую землю.

И в тот же миг от нее начинается густой, влажный пар. Я чувствую, как сквозь подошвы в тело вливается живое, пульсирующее тепло.

Высоко поднимаю над головой деревянный ковш. Голос мой звонко разносится над двором:

— Быть Весне! Ручьям — звенеть, полям — цвести! Людям — радоваться!

А затем начинаю медленно, плавно ступать по двору. Ноздреватый снег с тихим шипением тает под моими ногами, обнажая черную, парящую мякоть почвы. Я снова чув-

ствую, как по жилам вместе с кровью стремительно несется первородная сила земли, как бурно расцветает она в моей груди.

В это мгновение я ощущаю себя такой могучей, такой невыносимо живой и красивой, что хочется отбросить все княжеские приличия. Бежать, смеяться во весь голос и крепко держать за руку того, к кому так отчаянно тянется сердце.

Ведь сегодня я — сама Жизнь.

Я силой сдерживаю шаг, заставляя себя ступать плавно. Девушки заводят долгую, красивую, тягучую песню, а у меня перед глазами вдруг встает черная тень грядущей угрозы. В груди холодеет от мысли, что степняцкий колдун может прийти сюда и сжечь всё дотла. И виной тому буду я — потому что посмеялась над Мстиславом и слишком дерзко ему отказала.

Мой батюшка, хоть и на дух не переносил вышгородцев, всегда умел находить для них правильные, гладкие слова. А я не сдержалась.

Моя босая нога ступает на скрытый под снегом скользкий камень и предательски подворачивается. Я даже не успеваю ахнуть, как сильная рука Добрыни ловит меня за локоть. Бережец рывком возвращает мне равновесие — так легко, словно во мне нет веса.

На короткий миг мы встречаемся взглядами. Добрыня даже не догадывается, что сейчас спас весь обряд: упали я, и

Живая Вода расплескалась бы по весенней грязи, так и не дождавшись реки.

— Спасибо, — одними губами шепчу я.

Он смотрит на меня сверху вниз, и в уголках его губ мелькает едва заметная тень улыбки.

— Я лишь делаю свою работу, — тихо отзывается он, и мы оба выпрямляемся, делая вид, что ничего не произошло.

Но стоило нам сделать еще десяток шагов, как за моей спиной начинается неладное. Первым я различаю глухой толчок и злой, шипящий голос Радомира:

— Чего вырядился, как петух?

Повисает острая, звенящая пауза. Я отсчитываю удары сердца, до боли сжимая ковш. Понятия не имею, почему мне вдруг становится так важно услышать, что он ответит. Или не ответит. Княжеский бережец обязан держать язык за зубами и сносить насмешки знати.

— Петухи яркое носят, — голос Добрыни звучит потрясающе, убийственно спокойно.

Я выдыхаю сквозь стиснутые зубы. Вот же степной волк! Опять не сумел промолчать.

— Да кем ты себя возомнил? — заводится Радомир, голос которого дрожит от сдерживаемой ревности. — Тебе не место здесь стоять!

— Попробуй занять мое, — всё так же ровно отвечает Добрыня, но теперь в его голосе явственно лязгает сталь.

Я резко останавливаюсь и оборачиваюсь. Плавное течение

обряда тут же ломается. Девицы сбиваются с шага и испуганно скашивают на нас глаза, не понимая, петъ ли дальше. Люди сзади спотыкаются, натыкаясь друг на друга.

— А ну-ка, закрыли рты! — командую я обоим, гневно сверкнув глазами.

Добрыня коротко, с невозмутимым достоинством склоняет голову, но я успеваю заметить усмешку в уголке его рта. И меня обжигает внезапное, кристально ясное осознание. Он, наверное, единственный здесь, кому искренне нравится видеть меня *княгиней*. Все остальные были бы счастливы подчинить меня своей воле, как Мстислав, поучать и контролировать, как Радогост, или продолжать видеть во мне веселую несмышленную девчонку, как Радомир.

Только этот суровый наймит признает во мне взрослую, настоящую правительницу. От этой мысли сердце сбивается с ритма.

Я разворачиваюсь на пятках и продолжаю путь к крутому берегу Червлёны. Первые шаги проходят в тяжелом молчании, затем девки неуверенно переглядываются и вновь затягивают песню. А я с затаенным, сосущим под ложечкой страхом прислушиваюсь к Земле. Не оскорбилась ли она моей злостью? Ведь стоит только Мстиславу, который внимательно следит за мной из хвоста процессии, почуять мою слабость — и у Светлояра начнутся страшные беды.

И тут земля под моими ногами начинает стремительно остывать. Живой, благотворный пар рассеивается, ступни

холодит мертвая корка. Пальцы, сжимающие ковш, леденеют и начинают мелко дрожать. Пока никто из толпы не заметил перемен, я ускоряю шаг. Достигнув обрыва, я с силой выплескиваю Живую Воду в бурлящее русло полноводной реки — воду, которая должна была разнести силу нашего рода по всем полям, напоить княжество жизнью.

Сглатываю тугой ком, тревожно вглядываясь в темные волны. Испортила ли я ритуал? Кулаки сжимаются сами собой. Всё из-за моего желания урезонить этого невыносимого бережца! Или... всё из-за того, что я на самом деле к нему чувствую?

Следом за мной девушки с песнями бросают свои ивовые венки в воду с высокого берега. Чей венок река подхватит и понесет — та замуж выйдет, а чей прямо на воде покроется зеленой листвой — та будет счастливее всех. Мы, затаив дыхание, следим за тем, как ветви качаются на волнах. Но ни одна веточка не зеленеет. Они плывут по реке голыми, мертвыми венками.

В толпе позади кто-то испуганно ахает, слышится тревожный, тяжелый ропот.

Старый волхв Радогост неслышно подходит ко мне, осторожно касается моего плеча и произносит скрипучим, ровным голосом, стараясь успокоить людей:

— Княгиня... пора хороводы во славу Земли заводить.

Я молча киваю, с трудом проглатывая предательский, горький ком в горле.

Девки с протяжным пением заплетают мне косу, подносят кожаную обувь, а затем встают в хоровод. Я же готова расплакаться от бессилия. Если поляна сейчас не зазеленеет, это будет значить, что в Светлояр так и не придет прославившая его плодородная, буйная весна. Это будет значить, что сама Земля больше не благоволит нам.

Мои панические мысли обрывает Радогост, бесшумно вставая за моим плечом.

— Говорят, только молодое, ретивое сердце Землю от сна пробуждает, — негромко произносит он. — Батюшка твой, княгиня, парней и девок до упада танцевать заставлял, чтобы трава соками налилась.

Я невольно усмехаюсь: значит, у Микулы тоже не всё и не всегда получалось легко.

Мы встаем в широкий круг и заводим обрядовую песню. Девушки и парни берутся за руки. Шаг медленный, тяжелый. Голоса звучат низко, с придыханием:

Ой, Земля, сыра́ Земля,

Мать-кормилица моя!

Разомкни тяжелый сон,

Отвесь зимушке поклон.

Сбрось с плечей снега да льды,

Выпей, Матушка, воды!

Они поют, а меня вдруг прошибает кристально ясное понимание. Я знаю, что должна делать. Я выхожу в самый центр круга и протягиваю руку Добрыне.

Грудь тяжело вздымается от частого дыхания. Если я ошибаюсь, мне будет невыносимо стыдно перед всем княжеством. Но я кожей чувствую, что именно пошло не так: я сковала свое сердце льдом, запретила себе чувствовать — и тем самым запретила Земле цвести.

Добрыня отвечает мне острым, настороженным взглядом: *ты уверена?* Я твердо киваю: *еще как уверена.*

Он плавно выходит в круг и берет меня за руку. Его ладонь горячая и жесткая. Ритуальный хоровод вокруг нас тут же начинает двигаться чуть быстрее. Парни и девушки ритмично, с первобытной силой втаптывают пятки в стылую землю, заставляя ее проснуться. Никто не подает вида, что обряд нарушен. Ведь мой батюшка никогда не танцевал в центре хоровода.

Собравшиеся поют:

Кóло, кóло, ясный свет,

Защити от черных бед!

Ой, лёли-лёли, весна,

Поднимайся ото сна!

Мы с Добрыней кружимся. Сначала по солнцу. Затем я плавно поднимаю руку, и он в точности повторяет мой жест. В нашем танце кроется какая-то древняя, еще не понятная мне до конца сила. Я смотрю в его лицо и понимаю, что не могу — не хочу — отрывать взгляд. Сейчас он собран, хищен и предельно серьезен. В нем нет ни тени того насмешливого скомороха, каким он иногда притворяется, чтобы скрыть свою злость или досаду.

Он совершенно точно понимает, что делает...

Краска обжигающей волной бросается мне в щеки. Неужели я... Нет, я не люблю его, нет!

Хоровод останавливается на миг и поворачивает в обратном направлении: теперь мы движемся против солнца. Голоса вокруг становятся звонче, тревога в песне сменяется гудящей, древней силой:

Там, где спит глубинный Змей,

Бьют ключи еще сильнее!

Как жива его руда,

Так сильна в реке вода!

Разливайся, Червлёна,

Буди семя от зерна!

Пои корни глубоко,

Чтоб дышалось нам легко!

Мое сердце бьется всё чаще, оглушая. Где-то вдалеке, за кругом танцующих, я замечаю потемневший взгляд Радомира, блещущий непонятной мне болью. Но сейчас для меня имеет значение только один человек — Добрыня. Он тяжело сглатывает, и по его потемневшему, томящемуся взгляду я читаю, что он отчаянно хочет того же, чего и я: чтобы наши руки снова встретились в танце.

И тогда я признаю очевидное. Я до одури хочу его прикосновений. Нервно облизываю пересохшие губы. Нет, не так. Я просто хочу его.

Шаг танцующих переходит в бег, хоровод закручивается вокруг нас, словно пестрый водоворот:

Кóло, кóло, ясный свет,

Защити от черных бед!

Ой, лёли-лёли, весна,

Поднимайся ото сна!

И тут под нашими ногами из черной почвы начинается стре-

мительно пробиваться густая, изумрудная трава. Девушки радостно вскрикивают. Парни восторженно улюлюкают.

Под последний куплет молодые с хохотом разбегаются кто куда. Парни ловят приглянувшихся им девушек, крепко обнимают и жарко целуют. Старшие хлопают в ладоши и подпевают:

Ива-ивушка, цвети!

По живой воде лети.

Раскрывайся, белый цвет,

Дай на девичий обет!

Грянем оземь каблуком,

Разольемся ручейком,

Шире круг, сплетайся в вязь,

Солнце, грей, не наглядясь!

Над лугом звенит счастливый хохот. Мстислав затравленно оглядывается по сторонам — его лицо сейчас кислее протухшего молока. Добрыня смотрит на бурлящее веселье, на зеленеющую землю, и вдруг начинает открыто, беззаботно смеяться. Я замираю, пораженная. Я и подумать не могла,

что он способен на такой светлый, искренний смех.

Внезапно он подхватывает меня на руки и кружит в воздухе.

— Теперь я вижу твою силу, княгиня! — хрипловато выдыхает он, и в его глазах плещется столько неподдельного, горячего восхищения, что мне до одури хочется, чтобы он прямо сейчас прижался губами к моим губам.

Но наваждение рушится. Добрыня опускает меня на землю, делает шаг назад и отстраненно, по всем правилам, кланяется.

Я остаюсь стоять, чувствуя, как нерастроченный жар всё ещё пульсирует по венам. Внутри зияет пустота, словно меня обманули, словно мне чего-то мучительно не хватило. Что-то во всем этом неправильно.

То, что этот мужчина — лишь мой слуга, вдруг начинает ощущаться как самая злая, неестественная ошибка на свете.

Я смотрю на парочки, разбредающие по лесу. Сегодня любое веселье позволено в угоду Матери Сырой Земле. Я глубоко вдыхаю — позволено всем, но только не мне.

Это кажется ужасно несправедливым. Я перевожу взгляд на Добрыню, но тот делает вид, что ничего не произошло, и меня это дико злит. А ведь весь народ смотрит только на него! Девушки откровенно косятся и хихикают, прикрываясь ладошками.

А ему это как будто в радость.

Радость шепчется с волхвами и закатывает глаза — на-

верняка думает, что Весну я должна была пробуждать как-то иначе.

В это время ко мне подходит Радомир и, нависая надо мной, говорит:

— Сегодня я тебе покажу, Настасья, кто твоим мужем быть должен.

Звучит это так, что невольно становится тревожно.

Глава 10. Схватка

Добрыня окидывает взглядом поляну, понимая, что ему впервые так хорошо. Ему хочется смеяться, танцевать. Он не хочет думать, что все это из-за нее.

Из-за легкого запаха ландышей, который исходит от ее волос, из-за зелени очей. Он не должен был подхватывать княгиню на руки. Но именно сегодня ему впервые захотелось быть мужчиной, достойным ее. Быть князем.

Добрыня спешит уйти с поляны, чтобы приблизиться к княгине — и так все вокруг смотрят на него, — но тут его ловит за руку какая-то девица и тащит в «ручеек». Над головой шелестят ветви, ветер треплет одежду и волосы. Он прикрывает веки и пытается вызвать в памяти образ горящих домов, но там только река Червлена, зелень лугов и взгляд Настасьи.

Сердце пропускает несколько ударов. Княгиня смотрит на него именно так, когда женщина хочет... Не просто того, чтобы он был рядом. Она хочет его близости, прикосновения.

Детей от него.

Добрыня вспоминает, как убили его собственных детей: старший, отрок, пал в битве, а малышей просто прирезали, как скот. Обычно после этого он чувствует полное опусто-

шение. Но не в этот раз. Рука внезапно сама по себе ложится на рукоять меча. На этот раз он хочет обнажить оружие не потому, что так надо, а потому, что он готов... впервые снова готов защищать.

Добрыня стискивает челюсти и бросает девкам:

— Княгиню я охранять должен, а не с вами танцевать.

И это полная правда. А вокруг нее, вон, так и вьется Радомир.

Добрыня не понимает, что это не забота, а ревность. Он, гордый князь, никогда в себе не сомневался. Он брал то, что принадлежало ему по праву. И это право было написано на его щитах. Кровь Рюрика. Правитель по древнему праву.

Так было, пока он не столкнулся с силой, превосходящей его в несколько раз. Но даже это не сломало его железный хребет.

Даже смерть.

Добрыня выпрямляется, глядя на них — Настасью и Радомира.

Если он хочет княгиню — бережец нервно дергает плечом, как будто хочет отогнать черта, который шепчет ему всякие сладкие мерзости, — он должен снова стать князем.

И он должен защищать ее родину, Светлояр. Добрыня сжимает кулак, чувствуя, как в этот момент в его жилах начинает пульсировать колдовская сила.

В тот же миг бережец щурится: забытое было отвращение к колдовству поднимается в нем темной волной. Господи, ну

что за бред. Он и княгиня. Она слишком многого не знает про него.

Он тот, кто довел до белого каления ее отца, заключив сделку со Змеем.

Добрыня криво усмехается и качает головой. Ведь он сам этого хотел — вытравить из себя проклятое колдовство и сгинуть в какой-нибудь безымянной яме. Но Мать Сыра Земля сделала его тем, кто не знает поражений в честном бою.

Пока он стоит на родной земле, его невозможно даже ранить. Только извести чарами.

Потому-то он и не боялся идти к волкам в ту ночь, когда Настасья его нашла. Он бы играючи раскидал волколаков и спас заставу. Если бы не эти недоумки...

Тем сильнее Добрыня удивляется, когда Радомир швыряет ему под ноги кинжал — праздничный символ вызова.

— П-ха! — невольно вырывается у бережца.

Этот дурак и правда считает...

Добрыня вскидывает голову. Ну почему в соперники ему достался такой глупый, не нюхавший жизни юнец? В соперники?

— Решил, что я оставлю княгиню? — наконец находится он.

Забывшее умение жалить словом вновь расправляет крылья. В последние годы он пускал его в ход, лишь чтобы бить наотмашь тех, кто подходил слишком близко. И вот опять...

Прикусил бы ты язык, бывший князь.

— Если немощен, так и скажи, — уголок губ Радомира нервно подрагивает.

Надо же. Он взволнован не на шутку — и даже не понимает, на что нарывается.

Добрыня смотрит на брошенный клинок так, словно это ядовитая змея. *Не бери его, князь. Нет!*

И все же он наклоняется.

По обычаю, на бои во славу Матери Сырой Земли может выйти каждый. Победитель примет из рук Настасьи чашу с заговоренной водой — или же распорядится наградой по своему усмотрению.

Но на бой можно и вызвать. Драться будут жестоко: это дань памяти о Змее и былых жертвах, принесенных на этой земле. Потому мужчина имеет полное право отказаться от поединка, сославшись на хворь.

Добрыня распрямляется, небрежно покручивая кинжал в пальцах.

— Нет, я не немощен, — бросает он как ни в чем не бывало. — Постоишь за плечом княгини, пока я буду это доказывать.

— Петух гребаный, — глухо цедит Добрыня, разворачиваясь. И на сей раз он имеет в виду себя. Какого черта он не мог просто промолчать?!

Князь раздраженно передергивает плечами. Он прекрасно знает причину: на него смотрела она. Ее зеленые глаза. А

признать немоту перед этой женщиной...

— Она бы все равно поняла, что это ложь, — скрипит зубами Добрыня, стягивая через голову рубаху.

Но в глубине души он знает: дело вовсе не в этом. Он выпрямляется и ловит на себе взгляд Настасьи. Она неотрывно смотрит на его широкую грудь, исполосованную — как и спина — шрамами. Но это следы боевых ран, а не рабских плетей. От этого пристального взгляда по телу Добрыни разливается тяжелый жар.

Он принял вызов лишь с одной целью: показать ей, каким безжалостным и искусным бойцом сделали его годы в Золотой Орде.

Здесь ему и вправду нет равных. Должно же было остаться от плена хоть что-то полезное.

Добрыня туго перехватывает волосы, чтобы не лезли в глаза. Он ловит на себе восхищенные взгляды девиц, но куда приятнее другой взгляд — растерянного Радомира. Князь испортил юнцу весь выход. Теперь воеводичу придется торчать за спиной Настасьи, пока Добрыня будет упиваться своим мастерством.

Добрыня шагает в вытоптанный бойцовский круг, чувствуя, как к нему возвращается былая хватка. Вернее, она никуда и не исчезала. Просто в последнее время князь использовал свой изворотливый ум лишь для того, чтобы отталкивать людей.

Сейчас же он вспомнил его истинное предназначение —

властвовать и управлять. Настасья разбудила его разум, заставив сесть за тавлеи. Что ж, теперь он развлечет ее по-другому.

Наконец все бойцы собираются вокруг вытоптанного круга, и к ним выходит Настасья. Княгиня произносит приветственную речь. Она благодарит заезжих витязей за то, что они проделали долгий и непростой в начале весны путь, а затем прибавляет:

— Сильнейший из вас останется в Светлояре и, испив воды из источника нашей силы, станет любимым сыном Матери Сырой Земли.

Добрыню словно молнией прошибает. По спине пробегает холодок: победитель должен будет принести клятву княгине и навсегда остаться на ее земле. Но ведь он клялся самому себе, что не будет для него иного дома, кроме сожженного и разоренного княжества, принадлежащего ему по крови.

А это значит лишь одно. Сегодня он должен проиграть.

Добрыня слушает, как оглашают имена соперников, а в голове бьется набатом одна и та же мысль: он должен будет проиграть прямо на ее глазах. Опозориться перед женщиной, ради которой вообще вышел в этот круг.

Первые пары сходятся. Бои идут без оружия, на одних кулаках — грубая, честная мужская потеха. Толпа ревет от восторга. Настасья сидит на расстеленных по земле шкурах в окружении сенных девок. Она выглядит до того притягатель-

но — с этим ее блестящим взором и пухлыми губами, которые она то и дело покусывает, — что Добрыня решает: нет, не сейчас. Только не в первом поединке.

Поэтому он выходит против своего первого противника, здоровяка-кузнеца, неспешно разминая плечи. Внутри пробуждается то, от чего он давно хотел откреститься — зверь, которым он стал в плену. Там, в Орде, он бил противников так яростно, словно все еще мог переиграть исход той своей последней, проигранной битвы. Он был самой яростью. За это хан ценил его, но относился не иначе как к цепному псу.

Сейчас же ноги холодит родная земля, и это приносит странное освобождение. Больше нет нужды биться насмерть. Нет необходимости убивать. По правде говоря, последнее ему никогда не нравилось — вся эта бессмысленная жестокость, в которой не было никакой практической пользы.

Тело Добрыни двигается само, на давно вбитых инстинктах. Он больше не думает о Настасье. Он отдается этому странному первобытному танцу, снова чувствуя себя сильным, полновластным хозяином собственной судьбы. Захочет — проиграет, захочет — ...

Кулак кузнеца со свистом пролетает мимо, едва не мазнув по скуле. Добрыня бьет противника по спине, обращая против него его же собственную массу и силу. Миг — и здоровяк врезается лицом в грязь.

Добрыня стоит над ним, прикрывая веки. Как же это приятно — снова быть победителем.

Он давал себе зарок больше не проливать русской крови. Никогда и нигде. Из разбитого носа кузнеца капает кровь, девки, которых Добрыня видел у Малуши, со смехом помогают здоровяку подняться. Девицы с нескрываемым интересом поглядывают на княжеского бережца, а тот лишь крепче сжимает кулаки. Теперь он уверен: он не даст их в обиду — ни Настасью, ни этих посадских людей. Он сам не знает почему. Просто... ему это сейчас нужно как воздух. Знать, что он не просто убийца. Добрыня — защитник. Как сказали боги, когда призвали в этот мир: богатырь.

Он кривится и сплевывает себе под ноги. К черту! Он князь, он христианин. Добрыня пропускает три следующих схватки, отчаянно пытаюсь совладать с чувствами, которые рвут его душу в разные стороны.

Наконец снова вызывают его. Добрыня смотрит в круг — там уже стоит покрытый шрамами вояка, который, сказывают, прибыл из дальних земель. «Самое время проиграть», — думает князь. У этого ратника, поди, жена хворает или дочка. Волшебная вода ему куда важнее, чем наемнику, который сделал все, чтобы забыть свое настоящее имя. Он назвал себя Добрыней, потому что так его стали кликать в Тридевятом царстве.

Имя, данное ему при рождении, было другим. И он его похоронил. Добрыня легко уклоняется с линии удара, с горечью отмечая, что хотя бы это его желание исполнилось: он действительно не в состоянии вспомнить свое истинное имя.

Но почему-то до сих пор способен воскресить в памяти отдельные черты жены, дома, детей...

Бой выходит недолгим, но яростным. Добрыня снова видит перед собой хана. Боже, как же он мечтал выйти против этого ублюдка, проломить ему череп! И плевать, что бы с ним потом стало.

Его соперник вдруг тяжело падает на колени и вскидывает руку.

— Твоя взяла!

Добрыня опускается рядом с ним, пытается поднять на ноги.

— Ты что?

Он ведь старался проиграть! Просто не успел!

— Не мне с тобой тягаться.

Третий противник — юнец, выставленный Радомиром. Добрыня переглядывается с воеводичем. Кажется, паршивец наконец нашел, чем ответить. Ну что ж, это не последняя схватка. Даст бог, Добрыня проиграет в самом конце. Да, так будет правильно. Так будет красивей, и это не заденет его начавшую пробуждаться княжескую гордость. Уступить лучше — пожалуй, это достойно потомка Рюрика.

Добрыня выходит в круг, хищно потягиваясь. Уже наступил вечер. Вовсю чадят факелы, народ, обступивший границу круга, затаил дыхание. Большинство бойцов уже избиты или ранены, но на богатыре — ни единой царапины, лишь бугрятся лоснящиеся от пота мышцы. Добрыня слышит, как

в толпе делают ставки. Как же ему это знакомо!

Он чуть опускает подбородок, исподлобья глядя на юнца. Боже, как же он рад, что это всего лишь шуточный поединок... Ты еще не знаешь, щенок, на кого нарвался.

Он дерется долго, позволяя себе использовать грязные приемы, впитанные с пылью ордынских арен. Он, не стесняясь, издевается над противником, демонстрируя все свое превосходство. Это чистое, пьянящее удовольствие. Добрыня то и дело бросает насмешливые взгляды на Радомира: «Вот что я с тобой сделаю, волчонок, если приблизишься к моей княгине». Теперь он даже не спотыкается мысленно на слове «моей». Настасья должна принадлежать только князю. И никого достойнее себя Добрыня сейчас не видит.

Он заигрывается. Очередной бросок, жесткий захват — и Добрыня, сам не осознав, как это вышло, наступает на руку поверженного юнца. Раздается тошнотворный хруст кости. Парень дико воет. Добрыня замирает, и внутри у него все холодеет. Черт! Он сделал это. Он сломал ему руку.

В круг тут же решительно шагает Радомир.

— Он дрался нечестно! — эти слова гулким эхом отдаются в ушах бережца.

— Радомир прав, — неожиданно говорит Настасья.

Добрыня переводит взгляд на нее. Что это значит?

Радомир выходит в круг, скидывая свое тяжелое корзно.

— Я буду драться с тобой вместо него, — бросает воеводич.

Добрыня прикрывает веки.

«Проиграй ему, — беззвучно шепчут его собственные губы. — Проиграй...»

Но он слышит приближающуюся поступь воеводича, и перед глазами вспыхивают непрощенные видения.

«Проиграй, князь, — шипит над ухом голос степняка. — Проиграй, и жив останешься...»

Тогда, в Орде, его тоже просили сдаться. Дать смешать себя с грязью после того, как хан узнал, что пленник посмел заговорить со своей женой.

Кулаки сжимаются сами собой. Сердце бешено колотится где-то в горле. Нет. Он больше никогда не позволит чужаку тронуть свою женщину. Добрыня уже не контролирует себя, и он совсем не уверен, что со стороны это выглядит достойно.

Он сбивает Радомира наземь двумя короткими, четкими ударами, но на сей раз милует — не ломает ни единой кости.

Добрыня возвышается над поверженным соперником, тяжело дыша. По телу пробегает дрожь облегчения.

Другой не коснется ее.

«Дурак», — одними губами произносит он, и это, конечно же, относится к нему самому.

Он выиграл эту чертову воду и совершенно не рад победе.

Если бы он не хотел снова почувствовать себя живым, если бы до одури не желал Настасью, он бы никогда не совершил того, что теперь намертво привяжет его к Светлояру.

Княгиня поднимается на ноги — и, как ему кажется, идет к нему неуверенным, шатким шагом. Радомир тем временем так и валяется в грязи.

Она подносит Добрыне берестяной ковшик.

Ее руки чуть подрагивают, и это кажется князю настолько трогательным, что глубоко в груди, словно раненая птица, начинает биться забытое чувство. Как же давно он не ощущал себя таким живым!

— Прими это, — говорит Настасья, глядя не в глаза, а на его рубцы и шрамы.

Добрыня протягивает руки. Что сделать? Выплеснуть воду на землю? Отдать ее тому ветерану, которого он одолел? Снова нанести Светлояру оскорбление?

Это было бы идеальным выходом.

Только вот он не может. Просто не способен на это.

Добрыня принимает ковшик ледяными пальцами и одним махом опрокидывает в себя заговоренную жидкость. Он пьет отчаянно, жадно, всем нутром проклиная себя — и одновременно чувствуя себя настоящим. Эта вода будит в нем то, о чем он давно приказал себе забыть.

Он все еще живой человек. Он хочет жить, хочет радоваться. Он хочет, чтобы Настасья родила ему детей, пусть сейчас это и кажется безумием.

Добрыня швыряет пустой ковшик под ноги, осознавая: он впервые благодарен за возвращенную ему жизнь, и за это же он себя люто ненавидит.

— Клянись Светлояру, — еле слышно просит Настасья. Она знает, что он откажется, но все равно произносит эти слова.

— Что я должен сказать? — так же тихо отзывается он.

— Что останешься.

— Я остаюсь. Покуда должен защищать тебя.

Бросив это, Добрыня резко разворачивается, идет к своим вещам и натягивает рубаху. Ликующие возгласы местных — людей, рожденных на Руси, тех, в ком течет одна с ним кровь, — смешиваются в ушах с гулом ненавистной степной толпы. Он убил бы себя на месте, да только не может умереть.

Добрыня быстрым шагом уходит в лес, совершенно забыв о том, что должен беречь свою княгиню. Прямо сейчас он слишком сильно ненавидит себя.

За то, что позволил себе ожить...

Добрыня уходит в лес. Находит самую толстую березу — в этом чертовом лесу нет ни одного по-настоящему огромного и корявого дерева, — со стуком бьется затылком о ствол и проклиная себя. Но он уже понимает, что ничего не изменить.

Клятва дана, а значит, придется перестать убегать от самого себя. Он разглядывает сбитые в кровь костяшки. Рюрикова кровь... Впервые за долгое время это звучит для него красиво.

Добрыня прикрывает глаза. Никто в этом проклятом цар-

стве не... В сердце ледяной иглой вколачиваются слова Змея: *«Оставь свою силу, князь, я о ней позабочусь»*.

Он сделал это не специально. Просто чувствовал себя грязным. Еще грязнее, чем после ордынского плена. Добрыня слизывает с костяшек кровь. Говорят, кровь колдуна нельзя проливать просто так — и впервые он готов это принять.

Нет, он больше не вернется к проклятой ворожке. Малуша снесла узелок ведьме и та сказала, что Мстислав не избавиться от раны хочет, а во что-то особое ее превратить. Оттого бережца так и скручивало... Добрыня намеренно позволял Демьяну, второму ближнему гридню Настасьи, следить за собой. Ради этого он и нарядился в лучший костюм на праздник — чтобы отвести глаза от своих истинных дел.

Или не только ради этого. Сейчас уже неважно.

Заморский шелк почти полностью вернул ему княжеский облик.

Добрыня резко вскидывает голову, слышав стоны. И это не стоны страсти — уж их-то он отличит с легкостью, девок сенных развлекать он научился еще до венчания с женой. Молод был, горяч.

Эти стоны другие. Такие Добрыня слышал в плену.

Перед глазами мгновенно падает кровавая пелена. Он вспомнил, как насиловали уведенных в полон женщин, а он ничего не мог сделать — только до звона натягивать цепи да забивать противников насмерть на арене.

Но не сейчас.

Добрыня отрывается от дерева и уверенно шагает вперед. Ему плевать, кого он там увидит, но насильнику не жить.

На поляне оказываются Аста и... Радомир.

Добрыня на мгновение нависает над ними, а затем внутри срывается что-то животное, первобытное, неконтролируемое. Он рывком оттаскивает воеводича за шиворот. Бьет раз. Другой... Кулак вновь окрашивается алым. Где-то истошно визжит Аста, но Добрыня глух: прямо сейчас он исправляет то, что нужно было исправить много лет назад.

С женщиной так нельзя. И плевать, кто она — славянка или чужачка.

Спустя какое-то время его оттаскивают. И вовремя. Он забил бы Радомира насмерть, потому что видел перед собой хана, забавляющегося с его собственной женой.

Добрыня тяжело оседает у березового ствола, прикрыв веки.

Люди Настасьи требуют расправы. Где это видано, чтобы обычный наймит поднимал руку на боярина? Выпороть на конюшне — самое малое, чего он заслуживает. Но Добрыня твердо знает: он лучше сдохнет, чем позволит коснуться себя кнутом.

Что ж, может, оно и к лучшему. Так он хотя бы наконец уйдет.

Прибегает Настасья. Лицо бледное. Она вскрикивает, увидев изувеченного Радомира, и Добрыня впервые пугает-

ся того, что натворил. Он смотрит на княгиню, не зная, как оправдаться. Он вел себя как цепной пес, но иначе поступить не мог. Может, и вправду стоит гнать такого страшного, неуправляемого волка со двора?

На миг становится невыносимо пусто и одиноко. Но затем Добрыня начинает себя уговаривать: *«Пусть так. Я не должен никому принадлежать»*.

— Нет! — выдыхает Настасья, широким жестом разводя руки и отгоняя толпу. — Не позволю бить его батогами!

Добрыня вздрагивает. Неужели она понимает? Люди возмущенно гудят.

— Он жизнь мне спас! — уверенно заявляет Настасья. — Не троньте!

Добрыня вскидывает голову. На секунду вспыхивает отчаянное желание прижаться к ее ногам в благодарность за это понимание. Но тут же вскипает гордость: нет, князя так не делают. Это к нему должны приходить на поклон.

— Он девуку насильничать пытался, — цедит сквозь стиснутые зубы Добрыня.

Толпа гудит еще громче: врет наймит, она же раба бесправная! И только Настасья смотрит на него блестящими глазами. Она все понимает.

— Сослать его на конюшню! — звонко распоряжается княгиня. — Держать на хлебе и воде! Пусть делает самую грязную работу и думает над тем, что натворил!

Народ явно недоволен такой мягкостью, но Добрыню под-

нимают на ноги и тычками в спину гонят к детинцу. Он ненавидит себя — за то, что сегодня не придется драться насмерть, и за то, что, несмотря ни на что, он остается.

На конюшне его даже не связывают. Оставляют теплый плащ, а вскоре тихонько проскальзывает девка с огромным ломтем хлеба, щедро смазанным сметаной, и крынкой парного молока. Ничего себе «хлеб и вода». Добрыня принимает это как тайную милость от Настасьи, и, неожиданно для себя, радуется. Жадно съедает ломоть, запивая молоком.

Сенная девка косится на него со смесью глубокого уважения и первобытного ужаса.

Насытившись, Добрыня утирает рот рукавом и честно признается себе: все его планы пошли прахом. Сегодня ночью вместе с ведьмой, которую нашла Малуша, они собирались разрушить Мстиславово колдовство — и тогда Добрыня обрел бы свободу.

Но теперь он ясно понимает, что не хочет этой свободы. Он хочет остаться. И на этом пути он сделал все, чтобы ухудшить свое положение, низведя себя до статуса холопа. А ведь он князь — теперь он в этом не сомневается.

Девка спешно убегает, а Добрыня распрямляет плечи. Прикрывает глаза. Придется изрядно потрудиться, чтобы доказать ближникам Настасьи, что он не безумный убийца, и вернуть себе право биться за нее.

В этот самый миг позади раздается легкий шорох. Кто еще там? Подосланный убийца? Что ж, князь-то не связан. Идиот

еще пожалеет, что сунулся.

Глава 11. Желание

Добрыня аккуратно привстает, вынимая из-за голенища сапога нож. У него даже это не отобрали, так что бывший князь не чувствует себя пленником. Он вооружен, а значит, все еще опасен.

Добрыня прислушивается к шагам и тут же оседает. Ставр! Его тяжелое топанье он узнает где угодно.

Он опускает нож и садится на стоящую тут же бочку.

Наконец двери приотворяются, пропуская темную фигуру. В конюшне пусто — все гуляют, праздная приход Весны, до самого рассвета. Добрыню даже не охраняют, просто заперли. Он подкидывает нож в руке и тут же ловит за рукоять, думая о том, что мог бы прямо сейчас выбраться из детинца — в конце концов, тайный ход наружу он знает.

Но он хочет остаться. И дело вовсе не в клятве Светлояру — это не первая клятва, которую хитрый князь сумел бы переиначить. Он хочет их защитить.

Перед внутренним взором всплывает обманчиво прекрасное лицо Змея:

— Ну что, мы договорились, князь?

Добрыня передергивает плечами.

Эта тварь умела смотреть куда глубже, чем любой из людей, которых он когда-либо знал. Змей сразу увидел суть и

предложил то, от чего Добрыня не мог отказаться. Но ведь он, в свою очередь, эту тварь обманул. Обманул же?.. Теперь Добрыня в этом сомневается.

Ставр замирает перед ним, переминаясь с ноги на ногу, и выглядит как стыдливый отрок, впервые явившийся к полюбившейся девке. Лезет под плащ и выуживает оттуда шмат жареного мяса.

Добрыня хмыкает — на такое не отреагировать нельзя. Он протягивает руку и забирает подношение.

— Я-то думал, ты явился меня убивать, — князь с наслаждением отрезает себе сочный кусок засапожным ножом, кладет в рот, медленно жует и едва ли не щурится от удовольствия.

За время поединков он растратил порядком сил, и тело теперь настойчиво требует своего.

Ставр мнетя. Хочет что-то сказать, но осекается. Добрыня прикрывает веки, глядя на него: старые княжеские повадки возвращаются против воли.

— Я думал, тебя тут не покормят.

— Покормили, — Добрыня проглатывает еще один кусок, почти не разжевывая, словно голодный волк, — но мяса не принесли. Спасибо. С чего такая щедрость?

Ставр, наконец, переворачивает ведро и садится на него верхом.

— Научи, как девку приворожить! — выдает он.

— Ха! — кусок мяса едва не выпрыгивает обратно, но

Добрыня вспоминает, что он князь, выпрямляет спину, постепенно дожевывает и только потом уточняет: — Ты серьезно?

Ставр еще какое-то время мнется. Смотрит в волоковое окошко на луну, и Добрыне кажется, что он сейчас, вместо того чтобы объясняться, былину запоем. Ну уморительно смешон же! Князь, еще когда отроком был, прямо говорил девке, если она ему нравилась. Но то он, а то другие.

Добрыня с каким-то отеческим теплом смотрит на Ставра, осознавая, что ему эти люди нравятся — пусть даже они упекли его на конюшню.

— Ты же княгиню как-то...

Добрыня единым рывком поворачивает голову к парню. И, видимо, так страшно в этот миг блещут его глаза, что Ставр затыкается, испуганно отодвигается и бормочет:

— Так все сказывают...

— Что сказывают? — Добрыня едва не хватает его за ворот.

— Что околдовал ты княгиню, — тараторит Ставр, — вот она тебя по ночам и зовет...

Добрыня все же сжимает рубаху гридня в кулаке. Тот дергается, и тогда князь вспоминает, как выглядит для других. Дикий волк: страшный, опасный, грязный. Надо с этим кончать.

Он распрямляется. Откидывает назад косу одним слитным, изящным движением.

— Я вдовец. И просто так женщину не заведу. Храню па-

мать о жене.

Ставр ошарашенно хлопает глазами.

— Ну так сказал бы кому! — со свистом выдыхает он. — Из-за этих слухов Радомир совсем озверел.

Добрыня расправляет плечи, вспомнив о том, как сильно покалечил воеводича. Теперь хорошо, если тот вообще выживет. И впрямь — дикий волк.

— Теперь звереть не будет, — роняет Добрыня.

— Да как же! — Ставр с досадой шлепает широкой ладонью по своему колену. — Настасья ему ковш живой воды снесла! Выпросила у Матери Сырой Земли!

А вот это задевает за живое... Добрыня резко разворачивается и глядит на Ставра с холодным прищуром.

— Теперь он лет десять еще и не постареет! — сокрушенно заканчивает гридень.

Добрыня прикрывает веки. Ну, хоть не убил его.

— Так какую девку приворожить надумал? — обрывает он Ставра.

Тот снова опускает взгляд на свои руки и выдает:

— Асту!

Добрыня не удерживается от того, чтобы приподнять бровь.

— Добрыня, смотри, — Ставр нервно разглаживает ткань своих портов. — Радомир давненько ходил к близняшкам. Он же песни красиво поет, и сам из себя...

Добрыня садится обратно. Он и не заметил, в какой мо-

мент ему вообще стало дело до чужих любовных переживаний. После всего пережитого казалось, что подобные чувства давно обратились в прах.

— ...красивый, — мрачно добавляет Ставр.

Добрыня выпрямляется, цепко смотрит на гридня и про-износит:

— Но зачем-то же ты пришел тайком именно ко мне.

— Обманул он девиц! — Ставр снова в сердцах бьет себя по колену. — Обещался за службу выкупить — и не выкупил. А теперь обратно насильно заполучить пытается.

Добрыня выдыхает, глядя в темный потолок. Значит, ему не показалось: Аста действительно Радомиру в лесу отказывала.

— Хочет собственностью своей сделать, опять купить попытается, — продолжает Ставр. — Надо же ему куда-то пар спускать, раз Настасья отказывает. А я... я лучше него буду, не как со скотом с ними обращаться.

— А ты? — мягко спрашивает Добрыня.

Ставр тяжело вздыхает.

— Не хватит у меня денег, чтобы ее выкупить, да и кровью я не вышел, чтобы она мне прислуживала. А я хочу, чтобы сама заметила, сама пришла. Давно о ней мечтаю.

Добрыня наклоняется ближе и вдруг с удивлением понимает, что чувствует азарт и живое тепло.

— А что ты можешь ей дать? — вкрадчиво спрашивает он.

Ставр теряет:

— То есть?

— Женщины ласку любят, — объясняет Добрыня. Ставр непонимающе смотрит на него. Он-то явно ждал колдовского наговора.

— Какую ласку? — неуверенно переспрашивает гридень.

— Слова красивые, подарки. Этому я тебя, пожалуй, научу, — хмыкает Добрыня и пускается в долгие объяснения, сам поражаясь тому, что до сих пор помнит такие вещи.

Глаза Ставра округляются — он уж точно не ожидал услышать от мрачного колдуна советы о том, как девку в постели порадовать. Но слушает внимательно, даже рот приоткрыв.

— А заговоров я никаких не знаю, — Добрыня сыто потягивается, устав. Ему и самому было приятно вспомнить, как развлекал он по молодости девиц. Да и законную жену радовал — чего уж греха таить?

— Правда? — недоверчиво приподнимает бровь Ставр.

— Любовь настоящая, искренняя — она сильнее всякого колдовства, — бросает князь, отправляя гридня спать, а сам заваливается на сеновал.

Злость и глухую обиду на свое нынешнее положение как рукой сняло. Добрыня ловит себя на том, что всецело занят мыслями о том, как устроить Асте и Ставру свидание.

Он переворачивается на живот, утыкается лицом в сгиб плаща и фыркает:

— Ну, князь, ты и сводник... — А потом приподнимается

на локтях и бросает вслед уходящему Ставр: — Придумай хороший подарок, а я ей о том расскажу!

Добрыня падает спиной на сено. Дурак, ой дурак. Но сердце в груди колотится быстро, становится по-настоящему жарко. Он впервые осознает, что запертый в конюшне теперь чувствует себя лучше, чем когда скитался по дорогам Тридевятого царства ничем не связанный.

В это время тяжелые двери конюшни снова приотворяются. Добрыня приподнимается, садится и вглядывается во мрак.

— Ставр, что-то забыл? — вполголоса окликает он, но тут же замолкает: тень, скользящая к нему, куда меньше и тоньше, чем у гридня, и ступает почти бесшумно.

Сердце пропускает глухой удар. Неужто княгиня? Сама пришла к нему...

Он встает. Выпрямляется, как гордый князь, но голос слегка подрагивает:

— Настасья?

Добрыня не знает, что сейчас чувствует. Он безмерно рад видеть ее, он ей благодарен, и при этом он — князь невольно облизывает губы — до одури хочет к ней прикоснуться.

Настасья предупреждающе вытягивает перед собой руку. Добрыня слушается, не приближается, но тяжело сходит с сеновала.

— Мои бояре в бешенстве, — ее голос звенит, словно натянутая струна. — Тебя забили бы насмерть, если бы я не

исцелила Радомира.

Добрыня чувствует, как на губах змеится злая, ничего хорошего не предвещающая улыбка.

Пусть бы попробовали. Он сделал бы из них кровавое мессиво.

Кулаки сжимаются сами по себе.

— Теперь они велят тебя выгнать, — упавшим голосом произносит Настасья.

— А ты сама... что думаешь, княгиня? — Добрыня смотрит исподлобья.

Ее грудь часто вздымается.

— Должен ли насильник быть твоим ближним человеком? — безжалостно добивает он.

— Ты не насильник. — Она, как и всегда, ловко уходит от его прямого вопроса.

До князя долетает ее свежий цветочный аромат. Он дышал бы и дышал им, смотрел бы и смотрел на то, как эта маленькая, хрупкая женщина учится быть настоящей волчицей. В этой роли она потрясающе красива.

— Я защитил девицу.

— Я слишком многого не знаю о тебе.

Они двигаются по кругу, и это удивительно похоже на какой-то первобытный танец.

— Радогост гадал на костях, — говорит княгиня.

— И что же он нагадал? — Добрыня не может отвести взгляда от ее глаз.

— Что за тобой следует смерть. Много смертей. Дым, пожары.

— Я попал к степному хану в плен. Все, что я любил, все, что я знал, — сгорело.

Она легонько дергает подбородком:

— Ты оставил жену и детей.

Он прикрывает глаза.

— Дети в земле. А моя жена сама выбрала хана, и я от нее отрекся...

Настасья вздрагивает:

— Ты был так знатен, что твою жену захотел степняк?

Он делает вид, словно ничего особенного не происходит.

— Моя жена была красавицей. — Добрыня смотрит прямо в лицо княгине.

Его губы приоткрываются, но он не смеет произнести вслух: *«Но не красивее тебя»*. Это было бы слишком явным, слишком бесстыдным заигрыванием.

Тогда Настасья сама делает шаг ему навстречу.

— Как ты оказался здесь?

Добрыня замирает.

— Выполнил условие хана: не сдался в последней битве.

А предпочел умереть с именем родного бога и родного княжества на устах.

— Степняки удивительно честно исполняют договоры, — глухо прибавляет князь. — Когда им есть за что тебя уважать.

Настасья приближается еще на шаг. Ее грудь высоко вздымается, и Добрыня не может не соскользнуть взглядом на крепкий, туго обтянутый материей стан. Мужское воображение тут же дорисовывает молочную, нежную кожу, мягкость форм. Вот бы коснуться ее руками...

Добрыня не понимает, как такое вообще возможно. В плену ему начинало казаться, что он разучился хотеть. Иногда ему предлагали наложниц — в те дни, когда он особенно хорошо показывал себя, — но каждый раз это было похоже на обглоданную кость, брошенную цепной собаке. Он ни разу не прикоснулся к этим женщинам.

И вот теперь он вспомнил, каково это — чувствовать жгучее возбуждение. Воздух между ними словно становится тягучим. Перед ним только ее губы, приоткрытый рот. Только ее запах и мягкость волос — вот бы зарыться в них руками.

Он тяжело прикрывает глаза.

— Чем ты так разозлил моего отца?

Вопрос Настасьи вырывает его из этой сладкой, дурманной неги. Вопрос бьет, как пощечина, потому что Добрыня не может ответить на него прямо.

«А Радогост этого не наколдовал?»

Он слишком хорошо помнит тот вечер. Чадили свечи. Начиналась долгая, суровая зима. Он стоял в жарко натопленной горнице перед Микулой Селяновичем — и, видит бог, этот мужик больше напоминал ему пахаря, чем удельного князя.

Добрыня только-только привез ему дочь, которую у богатыря сразу же отобрали мамки-няньки. Он хотел тут же ехать, но местный правитель позвал его к себе.

Микула грузно расхаживал по горнице.

— Бери ее в жены, раз победил Змея! — гроыхнул отец Настасьи.

Добрыня тогда лишь брезгливо скривился. Девчонку эту? Да она же ребенок! К тому же плаксивый и страшенький — в отца уродилась. Да и мерзко ему было думать о новой жене после того, как он оставил свою прежнюю доживать век наложницей в Орде.

Поэтому он признался.

— Я не убивал его, князь, — голос звучал глухо и ровно.

Брови Микулы взметнулись, он сжал пудовые кулаки.

— Что ты сделал? Где Змей?! — заорал правитель Светлояра. — Он не выпустил бы тебя живым, если бы...

— Ходит по земле, — спокойно продолжил Добрыня. — Я приказал ему стать человеком.

— Что ты наделал, супостат?! — глаза Микулы налились кровью, и на миг даже Добрыня испугался, что князь Светлоярский сейчас вколотит его прямо в доски пола. Но он решил продолжать как ни в чем не бывало: — Связал его своей чародейской силой. Пока мой сокол парит над Светлояром, он за тварью приглядывает.

— Дурак! — Микула схватил его за грудки. — Как пить дать дурак! Не ты ли искал способа избавиться от силы?!

— И я избавился, — прошипел Добрыня. — Навсегда!

— Змей тобой пользуется, а ты и не видишь! — ревел князь. — Завтра же со мной едешь искать этого сокола в леса!

Микула потащил его к выходу, и тогда сработала мышечная память. Добрыня отвесил князю такой пинок, что тот отлетел к дверям. Знатно они тогда друг друга отделали. Микула так и не добился от богатыря согласия искать волшебного сокола, а чтобы не терять лица перед боярами, приказал гнать Добрыню до самых пределов княжества, а там побить его хорошенько, чтобы больше и носа не казал в Светлояр.

Добрыня смотрит в глаза Настасье, не зная, как признаться: он выпустил в мир чудовище, которое считает Светлояр своей вотчиной, пусть и заточил его в человеческом теле. Тогда его волновала лишь возможность избавиться от проклятой колдовской силы, и он думал, что переиграл Змея, извратив его условия.

Но теперь это уже не кажется Добрыне такой отличной идеей.

— Я... ударил твоего отца.

Услышав это, Настасья удивленно приподнимает бровь. Добрыня прикрывает глаза:

— Много раз.

— Пожалуй, я об этом слышала, — тихо говорит она. — Из-за чего ты это сделал?

— Он предлагал женить тебя на победителе Змея, а я ска-

зал... — он мучительно подбирает слова. — Сказал, что это может оказаться дурной человек. Нельзя отдавать дочь так слепо. Ты достойна не проходимца, а князя...

Настасья делает еще один шаг. Сначала Добрыне кажется, что она пошатнулась, но уже в следующее мгновение он понимает, что это не так: он чувствует обжигающее прикосновение ее губ к своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.